

Книга о древних греках. Введение в историю и цивилизацию Греции от появления греков до завоевания Коринфа Римом в 146 г. до н.э.

Дороти Миллс

The Book of
the Ancient Greeks

Dorothy Mills

Электронная книга проекта "Проект Гутенберг" "Книга древних греков".

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Книга древних греков

Автор: Дороти Миллс

Дата выхода: 26 мая 2022 [eBook #68180]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Соединенные Штаты: G. P. Putnam's Sons, 1925

Кредиты: Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK КНИГА ДРЕВНИХ ГРЕКОВ ***.

Photo Alinari.

HERMES OF PRAXITELES.
4th Century B.C.

ГЕРМЕС ПРАКСИТЕЛЬСКИЙ.
4 век до н.э.

Книга древних греков

Введение в историю и цивилизацию Греции от прихода греков до завоевания Коринфа Римом в 146 году до н.э.

Дороти Миллс, М.А.

Преподаватель истории в школе Брерли, Нью-Йорк
Автор книги "Книга Древнего мира".

С 16 иллюстрациями и картой

G. P. Putnam's Sons
Нью-Йорк и Лондон
Издательство "Никербокер"

Авторское право, 1925 год
Дороти Миллс

Опубликовано, август, 1925 г.
Второй оттиск, март, 1928 г.
Третий оттиск, октябрь, 1928
Четвертый оттиск, сентябрь, 1929
Пятый оттиск, октябрь, 1930
Шестой оттиск, октябрь, 1931 г.

Издательство "Никербокер"
Нью-Йорк

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга, как и первая из серии *"Книга Древнего мира"*, использовалась в оригинальном рукописном виде на одном из моих уроков истории. В ней рассказывается о том, как человек учился жить со времен прихода греков до потери греками независимости в 146 году до нашей эры.

Дух нации выражается, а ее история записывается тремя способами: в политической истории, в литературе и в искусстве. Цель этой книги - использовать те части политической истории греков, их литературы и искусства, которые, как представляется, были внешними и видимыми признаками духа, вдохновлявшего их.

Написание этой книги было бы невозможным без любезного разрешения переводчиков и издателей использовать авторские переводы. Пользуясь случаем, я с радостью признаю свой долг перед профессором Гилбертом Мюрреем и издательством Оксфордского университета за перевод *"Ифигении в Тавриде"*; перед мистером А. В. Пикардом-Кембриджем и издательством Оксфордского университета за переводы из *Демосфена*; перед мистером А. Е. Циммерну и издательству Оксфордского университета за отрывки из *"Греческого содружества"*; а также попечителям Фонда Джоуэтта и издательству Оксфордского университета за переводы из *Платона* и *Фукидида*; сэру Артуру Эвансу за отрывки из статьи в *"Monthly Review"*; г-ну Дж. Г. С. Фримену за переводы из *"Элладских школ"* покойного Кеннета Дж. Фримена; г-ну А. С. Уэю за отрывок из *"Персов"*; г-ну А. В. Кроули за отрывки из перевода *"Одиссеи"*, выполненного Батчером и Лэнгом; г-же Дж. Putnam за отрывок из *"Леди"*; мисс Лесли Уайт Хопкинсон за переложение одной из *элегий Солона*; господам Макмиллан и Ко за переводы из *"Илиады"* Лэнга, Листа и Майерса, из *Павсания* сэра Дж. Г. Фрейзера, из *"Республики"* Платона - Дэвиса и Вогана, из *"Суда и смерти Сократа"* - Ф. Г. Черча, из *Геродота* - Г. К. Маколея, из *Ксенофонта* - Г. Г. Дейкинса, а также за различные переводы *греческих атлетических видов спорта и празднеств* (E. N. Gardiner), *The City State of the Greeks and Romans* (W. Warde Fowler) и *Our Hellenic Heritage* (H. R. James); господам J. M. Dent and Sons за переводы из *"Жизни Плутарха"*; господам G. Bell and Sons за переводы из *Аристофана*, выполненные В. Б. Роджерса, из *Феокрита* - С. К. Калверли и из *Аристотеля* - сэра Ф. Г. Кеньона; господам Джорджу Аллену и Унуину - за переводы из *Гомеровских гимнов* Эндрю Лэнга; господам Эдварду Арнольду и Ко - за три стихотворения из *"Любви, поклонения и смерти"* сэра Реннела Родда; и господам Лонгмансу, Грину и Ко - за переводы из *"Избранных эпиграмм из греческой антологии"* Дж. У. Маккаила и из *"Греческой истории для юных читателей"* Алисы Циммерн.

Эта книга предназначена только для введения в историю греческой цивилизации, и трудность моей задачи заключалась в том, чтобы решить, что опустить. Все не согласится со мной в том, что я взял, а что оставил, но моя цель будет достигнута, если книга вызовет желание узнать больше о великом наследии, которое досталось нам от греков.

ДОРОТИ МИЛЛС.

НЬЮ-ЙОРК, март, 1925 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ РАННЕГО ЭГЕЙСКОГО МИРА

ГЛАВА

I.-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР

II.-КРИТ

I.-ЛЕГЕНДЫ КРИТА

II.-ДВОРЦЫ КРИТА

III.-ДРЕССА

IV.-РЕЛИГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

V.- ОДИН ДЕНЬ НА КРИТЕ

VI.- РАЗРУШИТЕЛИ

III.- МАТЕРИК

I.-ТРОЯ И ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

II.- МИКЕНЫ И ТИРИНС

III.- ЖИЗНЬ В ГОМЕРОВСКУЮ ЭПОХУ

IV.- ГРЕЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ

ГРЕКИ

I.-ЗЕМЛЯ ГРЕЦИЯ

II.-ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И ОРАКУЛЫ

III.-ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

IV.-ГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

V.-СПАРТА

I.-ПРАВИТЕЛЬСТВО СПАРТЫ: ЗАКОНЫ ЛИКУРГА

II.- ОБЫЧАИ В СПАРТЕ

III.- СПАРТАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

VI.- РОСТ АФИН

I.-САМЫЕ РАННИЕ АФИНЫ

II.- ПРАВЛЕНИЕ НЕМНОГИХ: ОЛИГАРХИЯ

III.- СОЛОН, АФИНСКИЙ МУДРЕЦ И ПРАВЛЕНИЕ МНОГИХ

IV.- ТИРАНЫ

VII.-ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ

I.- ОСНОВАНИЕ КОЛОНИИ

II.-ИОНИЯ И ЛИДИЯ

VIII.- НАЧАЛО ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

I.-ДАРИЙ И ВОССТАНИЕ ИОНИЙЦЕВ

II.-МАРАФОН

IX.- ВЕЛИКОЕ ПЕРСИДСКОЕ НАШЕСТВИЕ ПРИ КСЕРКСЕ

I.- ПОДГОТОВКА:

(a) персы

(b) греки

II.-ТЕРМОПИЛЫ

III.-ФЕМИСТОКЛ

IV.-САЛАМИС ДО КОНЦА

X.- АФИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

I.- УКРЕПЛЕНИЯ АФИН

II.- ДЕЛОССКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

III.- АФИНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ПЕРИКЛЕ

XI.- ЖИЗНЬ В ДРЕВНИХ АФИНАХ ВО ВРЕМЕНА ПЕРИКЛА

I.-ПРОГУЛКА ПО ДРЕВНИМ АФИНАМ

II.- ОДЕЖДА АФИНЯН

III.-АФИНСКИЙ ДОМ

IV.-АФИНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

V.- АФИНСКАЯ КЕРАМИКА

XII.- ДЕНЬ С АФИНЯНИНОМ

I.- АФИНСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

II.-АФИНСКАЯ ЛЕДИ

XIII.- АФИНСКИЙ ШКОЛЬНИК

XIV.-ГРЕЧЕСКИЙ ТЕАТР

XV.- ХРАМЫ АФИН

I.-ГРЕЧЕСКИЕ ХРАМЫ

II.-АКРОПОЛЬ ВО ВРЕМЕНА ПЕРИКЛА

III.-ПОСЛЕДНЯЯ ИСТОРИЯ АКРОПОЛЯ

XVI.- ПАДЕНИЕ АФИН

I.- ВРАЖДА МЕЖДУ АФИНАМИ И СПАРТОЙ И НАЧАЛО
ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

II.- АФИНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

III.-АЛЬЦИБИАДЫ

IV.- ПАДЕНИЕ АФИН И ГОСПОДСТВО СПАРТЫ

V.- ПОХОД ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ

XVII.- ВЕЛИКИЕ ДНИ ФИВАНЦЕВ

I.- ЛЕГЕНДЫ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ФИВ

II.-ЭПАМИНОНДАС

XVIII.-АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

I.-ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ

II.-ДЕМОСФЕН

III.-АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

XIX.- ДАРЫ ГРЕЦИИ МИРУ

I.-ГРЕЧЕСКИЙ ДУХ

II.-СОКРАТЫ

III.-ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ФИЛОСОФЫ

IV.-ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИКИ

V.-ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ДРАМАТУРГИ

VI.- ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

XX.-ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

- I.- СТЕПЕНЬ ГРЕЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ
- II.- АЛЕКСАНДРИЯ
- III.-НАУКА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ
- IV.-КОНЕЦ ГРЕЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ВЛАСТЬ ЗАПАДА

РЕКОМЕНДАЦИИ О КНИГАХ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

ИНДЕКС

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Гермес из Праксителя . . . Фронтиспис

Контурная карта Греции и побережья Эгейского моря [отсутствует в первоисточнике] .

Богиня-змея и виночерпий

Рождение Афродиты

Дискобол из Мирона

Девушка-гонимая

Храм Посейдона в Паэстуме

Перикл

Афины с Акрополем

Греческие вазы

Урок игры на флейте и урок письма

Урок лиры и урок поэзии

Сцены в музыкальной школе

Театр в Эпидавре

Парфенон

Александр Великий

Софокл

Хронологическая карта

[Примечание переводчика: вышеприведенная хронологическая таблица и карта, упомянутая на титульном листе, отсутствуют в книге-источнике].

КРИТ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ РАННИЙ ЭГЕЙСКИЙ МИР

КРИТ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ РАННЕГО ЭГЕЙСКОГО МИРА

ГЛАВА I

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР

Для людей древнего мира Средиземноморье было "морем"; они почти ничего не знали о великом океане, лежащем за Геркулесовыми столпами. Несколько самых смелых финикийских мореплавателей выходили в Атлантику, но для обычного моряка из Средиземноморья океан был неведомым краем, считавшимся морем тьмы, обителью ужасных чудовищ и местом, которого следовало избегать. И потом, поскольку они верили, что мир плоский, заплывать слишком далеко означало риск упасть за край.

Но Средиземное море было знакомо людям древнего мира, это была их самая известная магистраль. В те древние времена океан означал разделение, он отрезал известный мир от таинственного неизвестного, но Средиземное море не разделяло, напротив, оно было главным средством сообщения между странами древнего мира. Ведь мир тогда представлял собой побережье вокруг моря, и сначала финикийцы, а затем греки плавали взад и вперед, на север и юг, на восток и запад, торговали, часто воевали, но всегда поддерживали связь с островами и побережьями. Египет, Карфаген, Афины и Рим были империями средиземноморского мира, и само название Средиземное море указывает на его положение: это море в "середине мира".

Летом Средиземное море почти как озеро, с его спокойными водами и голубым солнечным небом; но оно не всегда приветливо и ласково. Греки говорили о нем, что это "озеро, когда боги добры, и океан, когда они злы", а моряки, которые пересекали его, могли рассказать немало историй об опасностях. Побережье Средиземного моря, особенно на севере,

изрезано мысами и большими мысами, глубокими заливами и бухтами, а море, особенно его восточная часть, известная как Эгейское море, усеяно островами, и это порождает сильные течения. Эти течения создавали серьезные трудности для древних мореплавателей, и Страбон, один из самых ранних авторов "Географии", описывая их проблемы, говорит, что "течения имеют более чем один способ проходить через пролив". У первых мореплавателей не было ни карт, ни компаса, и если они сбивались с привычного курса, то подвергались опасности быть занесенными каким-нибудь неизвестным течением или потерпеть крушение на какой-нибудь скрытой скале. В результате они предпочитали плыть как можно ближе к побережью. Это было проще, так как в Средиземном море почти нет приливов и отливов, а поскольку первые корабли были небольшими и легкими, высадка на берег обычно была простым делом. Корабли вытаскивали на берег и вытаскивали на несколько футов из воды, а затем снова выталкивали в море, когда моряки были готовы.

Дух авантюризма всегда был обращен на Запад, и именно на запад через Средиземноморье медленно продвигалась цивилизация, которую мы унаследовали. Ранняя средиземноморская цивилизация иногда носит общее название Эгейской, поскольку ее великие центры находились в Эгейском море и на прилегающем материке. Крупнейший остров Эгейского моря - Крит, и развившаяся там форма цивилизации называется критской или минойской, по имени одного из легендарных морских царей Крита, а та, что распространилась на материке, называется микенской, по имени великой крепости, где жили владыки Микен.

ГЛАВА II

КРИТ

Длинный узкий остров Крит лежит у входа в Эгейское море. Это море усеяно островами, которые образуют ступеньки от материковой части Европы к побережью Малой Азии. Крит обращен лицом к этим островам и спиной к Египту, и египтяне, которые сами не очень много путешествовали, называли его жителей "Великими людьми Кефтиу", Кефтиу означает "*люди сзади*". Это были люди, обитавшие за пределами того, что было знакомо египтянам.

Мир Эгейского моря очень красив. Острова поднимаются из моря, словно драгоценные камни, сверкающие в лучах солнца. Это мир, ассоциирующийся с весной, со "свежей новой травой и росистым лотосом, крокусом и гиацинтом", [1] земля, где родились боги, богатая легендами, мифами и сказками, и, что самое удивительное, мир, где сказки стали явью. В 1876 году мир облетела телеграмма археолога, сообщившего, что он нашел гробницу Агамемнона, царя людей и укротителя коней; а позже на Крите были найдены следы Лабиринта, где Тесей убил Минотавра. Лопата археолога вывела эти вещи на свет, и мир, который до этого казался тусклым, тeneвым и нереальным, внезапно вышел на солнечный свет.

I. ЛЕГЕНДЫ КРИТА

Есть земля, называемая Крит, посреди винного темного моря, земля справедливая и богатая, орошаемая водой, и в ней много людей бесчисленных и девяносто городов[2].

Легенда гласит, что именно в этой земле родился Зевс, и нимфа вскормила его в пещере медом и козьим молоком. Здесь же, в той же пещере, он сочетался браком, и от этого брака произошел Минос, легендарный царь-герой Крита. Имя Минос, вероятно, является титулом, как фараон или кесарь, и этот Минос, потомок Зевса, по преданию, стал великим морским царем и тираном. Он правил всем Эгейским морем и даже требовал дань с таких городов, как Афины. Но Тесей, которому помогала дочь царя Ариадна, убил Минотавра, чудовище, пожиравшее афинских юношей и девушек, и таким образом победил месть царя. Этот Минос в полной мере осознал важность морской силы в Эгейском море. Греческий историк Фукидид рассказывает, что он был первым правителем, обладавшим военным флотом, и что для защиты своего растущего богатства он сделал все, что было в его силах, чтобы очистить море от пиратов. В те времена пиратство было признанным ремеслом, и когда где-нибудь высаживались незнакомые моряки, жители сходили на берег, чтобы встретить их такими словами: "Чужестранцы, кто вы? Откуда вы плывете по мокрым дорогам? По торговым делам или по приключениям странствуете вы, как морские разбойники по рассолу?"[3] Возможно, сам Минос был великим пиратом, покорившим всех остальных и заставившим их подчиниться ему, но так это или нет, он, очевидно, был не только великим морским царем; легенды и предания говорят о нем как о великом критском законоучителе. Каждый год он якобы удалялся на некоторое время в пещеру Зевса, где Отец богов и людей давал ему законы для его земли. Именно из-за великого следа, оставленного Миносом в Эгейском мире, развившуюся там цивилизацию так часто называют минойской, сохраняя тем самым навсегда имя ее традиционного основателя.

Лабиринт, в котором был убит Минотавр, построил афинянин Дедал. Он был очень искусным мастером, и легенда гласит, что именно он первым придумал ставить мачты на корабли и прикреплять к ним паруса. Но он позавидовал мастерству своего племянника и убил его, а потому был вынужден бежать из Афин и прибыл в Кносс, где находился дворец Миноса. Там он создал Лабиринт с его таинственной тысячей путей, а также, как говорят, "устроил в широком Кноссе танцевальную площадку для прекрасной Ариадны"[4].

Но Дедал потерял расположение Миноса, который заточил его в темницу вместе с сыном Икаром. Однако хитрость ремесленника не покинула его, и Дедал искусно сделал крылья для них обоих и прикрепил их к плечам воском, чтобы они улетели из своей тюрьмы, недостижимые для гнева царя. Икар подлетел слишком близко к солнцу, воск растаял, и он упал в море и утонул; но Дедал, как нам говорят, благополучно добрался до Сицилии.

Афиняне верили, что Тесей и Минос существовали на самом деле, ведь корабль, на котором, по преданию, Тесей совершил свое путешествие, бережно хранился в Афинах по крайней мере до начала III века до н. э. Этот корабль ежегодно отправлялся из Афин на Делос с особыми жертвоприношениями, и одно из таких путешествий стало знаменитым. Философ Сократ был приговорен к смерти, но исполнение приговора было отложено на тридцать

дней, потому что корабль отсутствовал, и так велико было почтение к этому плаванию, что ни один осужденный не мог быть предан смерти во время его отсутствия.[5] Считалось, что такой поступок принесет городу нечистоту.

II. ДВОРЦЫ КРИТА

Первые следы истории Крита относятся примерно к 2500 году до нашей эры, но только спустя тысячу лет Крит достиг пика своего процветания и наслаждался своим Золотым веком. Жизнь на Крите в это время, должно быть, была счастливой. Критяне строили свои города без башен и укреплений; они были могущественной морской державой, но жили больше для мира и работы, чем для военных или морских приключений, и, получив власть над Эгейским морем, они посвятили себя торговле, промышленности и искусству.

Критяне многому научились у Египта, но так и не стали зависимы от него, как финикийцы, другая мореходная раса Средиземноморья. Они жили в безопасности в своем островном царстве, черпая все необходимое из цивилизации, которую они видели в долине Нила; но вместо того, чтобы копировать ее, они развивали и преобразовывали ее в соответствии со своим собственным духом и независимостью.

Главным городом Крита был Кноссос, а его большой дворец почти похож на город. Он построен вокруг большого центрального двора, из которого открываются палаты, залы и коридоры. Этот двор, очевидно, был центром жизни дворца. Западное крыло, вероятно, было посвящено делам, и именно здесь принимали чужестранцев. В зале для аудиенций находилось простое и строгое место, которое, тем не менее, поражает воображение, ведь, как говорят, это было место Миноса, и это самый древний из известных царских тронов в мире.

В восточном крыле жили ремесленники, которые занимались отделкой и ремонтом здания, ведь все, что требовалось во дворце, было изготовлено на месте. Стены всех комнат были отделаны гладкой штукатуркой, а затем расписаны; первоначально краска служила защитой, но позже критяне, любившие красоту, любили, чтобы их стены были покрыты тем, на что, должно быть, было приятно смотреть, и что напоминало им на каждом шагу мире природы, которым они так восхищались. Фрески уже потускнели, но следы речных пейзажей и воды, камышей и тростника, колышущихся трав, лилий и крокусов, птиц с блестящим оперением, летящих рыб и пенящегося моря еще можно различить.

Мебель исчезла, но было найдено множество предметов домашней утвари, которые показывают, что жизнь была отнюдь не примитивной, а дворцы, очевидно, были построены и обжиты людьми, понимающими толк в комфорте. В некоторых отношениях они вполне современны, особенно благодаря отличной дренажной системе, которой они обладали. Критские дворцы были теплее и полнее жизни, чем ассирийские, и в них жили люди молодые, энергичные и артистичные, понимавшие радость художника в создании красоты.

Рядом с дворцом находился так называемый театр. Ступеньки настолько неглубокие, что на них не могли быть удобные сиденья, а пространство для представлений было слишком маленьким, чтобы использовать его для боев быков, которые были главным развлечением публики. Вероятно, это место использовалось для танцев, и, возможно, именно эта танцевальная площадка была создана для Ариадны.[6].

III. ОДЕЖДА

Одежда критских женщин была удивительно современной. Фрески на стенах, а также найденные небольшие фарфоровые статуэтки дают нам очень четкое представление о том, как одевались люди. У женщин была небольшая талия, а их платья имели короткие рукава, лиф со шнуровкой спереди, и широкие юбки с воланами, часто богато расшитые. Любимыми цветами были желтый, пурпурный и синий. Они носили обувь на каблуках, а иногда и сандалии. Их волосы были искусно уложены в узлы, боковые завитки и косы, а шляпы были удивительно современными.

Мужчины выглядели несовременно. Их единственной одеждой был короткий килт, который часто украшали разноцветными узорами, и, как и у женщин, у них был сложный способ укладки волос. В целом мужчины были бронзовыми, стройными и ловкими.

SNAKE GODDESS.

From Knossos.
ca. 2000 B.C.

Courtesy of the Metropolitan Museum of Art.

CUP-BEARER.

Fresco from Knossos.
ca. 1500 B.C.

БОГИНЯ ЗМЕИ. Из Кносса. ок. 2000 г. до н.э.

ЧАШЕЧНИК. Фреска из Кносса, ок. 1500 г. до н. э.
Любезно предоставлено Метрополитен-музеем.

Некоторые фрески настолько реалистичны, что, когда их открывали во время раскопок, казалось, будто духи давно умерших критян возвращаются на землю. Рабочие почувствовали эти чары, а сэр Артур Эванс, раскопавший Кносс, описал сцену, когда была найдена картина молодого критянина:

Краски были почти такими же яркими, как и за три тысячи лет до этого. Впервые перед нами предстал настоящий портрет человека загадочной микенской расы. Было что-то очень впечатляющее в этом видении блистательной молодости и мужской красоты, возвращенном после столь долгого перерыва в наш верхний воздух из забытого до вчерашнего дня мира. Даже наши необученные критские рабочие почувствовали чары и очарование.

Они, действительно, считали открытие такой картины в недрах земли не иначе как чудесным и видели в ней "икон" святого! Снятие фрески потребовало тонкого и трудоемкого процесса подштукатуривания, для чего пришлось следить за ней ночью, и для этой цели был отряжен один из самых надежных из нашей банды. Так или иначе он уснул, но разгневанный святой явился ему во сне. Проснувшись, он ощутил таинственное присутствие; животные вокруг завывали и заскулили, и вокруг были видения; подводя итог своим переживаниям на следующее утро, он сказал: "Все это место пугает!"[7].

На Крите, похоже, было больше, чем в других ранних цивилизациях, того, что сегодня называется обществом. Женщины не уединялись, а свободно общались при дворе и во время всех общественных мероприятий, и жизнь, похоже, была радостной и свободной от забот.

IV. РЕЛИГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

(a) Религия

Мы почти ничего не знаем о критской религии. Там не было ни идолов, ни изображений для поклонения, ни храмов. Люди поклонялись в своих домах, и, похоже, в каждом доме была выделена для этого комната со святилищем и алтарем; колонны были одним из отличительных признаков этих святилищ. Главной богиней была Мать-Земля, Источник Жизни, дух, обладающий хорошим и добрым характером. Иногда ее называли Владычицей диких существ, и в ее честь приносили в жертву быков. Сцены, изображающие такие жертвоприношения, можно найти на гравированных драгоценных камнях, а рога быка часто встречаются на алтарях и в святилищах. Богиня Земли была богиней воздуха и подземного мира: когда она предстает как богиня воздуха, ее символом являются голуби; когда она предстает как богиня подземного мира, ее символом являются змеи.

Еще один священный символ, встречающийся в святилищах и алтарях, - топор, часто двойной. Похоже, что на него смотрели как на божественный символ, олицетворяющий силу, ведь именно топор превращает все виды материалов в полезные изделия и благодаря труду человека дает ему многое из того, что ему нужно. Без топора нельзя было строить корабли, а

поскольку именно корабль давал Криту власть в Эгейском море, то топор стал символизировать этот дух.

Ранние жители Эгейского моря не испытывали потребности в храмах. Когда они поклонялись тому, что считали местом обитания богов, они выбирали одинокие места, отдаленные вершины холмов, пещеры или глубины большого леса. Они выбирали для поклонения места, которые находились в стороне от повседневной человеческой жизни и которых никогда не касалась рука человека, поскольку считали, что именно такие места бог выберет для своего обитания. Из таких мест и возникла идея храма; это должно было быть здание, огороженное и закрытое от мира, подобно тому, как лесная роща была окружена деревьями, - место, отделенное от жизни людей.

В те ранние времена у людей был обычай приносить богу или богине в жертву то, что было для них наиболее ценным. Лучшее стадо, лучшие фрукты, самая крупная рыба, самая красивая ваза - все это считалось подходящими подношениями. Но многие люди не могли позволить себе расстаться с лучшими плодами своего труда, поэтому в обычай вошло делать маленькие изображения животных или других подношений, которые они хотели принести, и их помещали в святилище. Такие изображения называются *вотивными подношениями*, и они являются источником богатого материала, из которого археолог смог восстановить части древней жизни.

(б) Письменность и литература

Одна из причин, по которой так трудно многое узнать о критской религии, заключается в том, что письменность до сих пор не расшифрована. Было распознано более шестидесяти различных знаков, но до сих пор не найден ключ, с помощью которого можно было бы прочесть надпись. В Кносском дворце была найдена большая библиотека, состоящая примерно из двух тысяч глиняных табличек. Они, очевидно, были помещены в деревянные сундуки, тщательно запечатанные, но при разрушении Кносса огонь уничтожил сундуки, хотя и помог сохранить глиняные записи. Некоторые из них были слишком затвердевшими, поэтому стали хрупкими и сломались, но их количество еще ждет расшифровки. Письмена выглядят не так, как если бы они представляли собой литературу, а скорее, как если бы они были посвящены спискам и записям. Кажется странным, что люди, живущие в стране, столь богатой легендами и сказаниями, и владеющие искусством письма, не оставили литературы. Но в те времена песни менестрелей сохраняли рассказы героев в форме, которая тогда считалась постоянной, поскольку менестрель собирал свои рассказы и передавал их из уст в уста своему преемнику таким образом, который нам, с нашей беспечной памятью, кажется чудесным. На самом деле это считалось более надежным способом сохранения сказок и стихов, чем их письменная форма. Как бы то ни было, но к тем записям, которые существуют, еще предстоит найти ключ. Но, несмотря на эти трудности, жизнь на Крите можно частично реконструировать, а значит, мы сможем провести день во дворце древнего Кносса.

V. ОДИН ДЕНЬ НА КРИТЕ

Ранний рассвет 1500 года до н. э. В огромном Кносском дворце тихо и спокойно, потому что жители еще не начали шевелиться. Когда они проснутся, шум будет подобен городской суете, ведь все, что используется во дворце, сделано здесь, начиная с бронзового оружия, которым пользуется царь, выходя на охоту, и заканчивая большими глиняными сосудами, в которых хранятся не только вино и масло, но и другие продукты питания. Дворец охраняется часовыми, и первым, кто выходит из него утром, является офицер, который обходит дворец и получает от каждого часового отчет о ночном дозоре. Затем он отправляется в королевские кладовые, где у стен стоят ряды больших сосудов, и осматривает их, чтобы убедиться, что не произошло ограбления, а также в отсутствии протечек и пропажи вина или масла.

К этому времени солнце уже взошло, и рабочие отправляются в дворцовые мастерские, где одни занимаются гончарным делом, другие - ткачеством, третьи - работой с металлами. Некоторые гончары создают прекрасные вазы: молодые копируют известные узоры, более опытные придумывают новые формы, но все они передают готовые сосуды художнику, который расписывает их красивыми узорами. Ткачи в последнее время очень заняты, ведь сегодня день рождения принцессы, и в ее честь должны состояться большие празднества, и не только принцессе, но и королеве, и ее фрейлинам, и всем придворным дамам нужны новые нарядные платья для торжественных мероприятий. Ювелиры также усердно работают, ведь король заказал изысканные украшения в подарок для своей дочери. Сейчас все эти мастера наносят последние штрихи на свою работу, и через несколько часов они отнесут ее чиновникам, которые проследят за тем, чтобы она была доставлена в королевские апартаменты.

Вскоре все суетятся на кухнях, ведь позже в этот день состоится большой банкет. Приходят крестьяне с лучшими стадами, с вкусными фруктами и медом, рыбаки с берега, которые рано вышли на берег и поймали отличную рыбу. Почти каждый пришедший приносит какое-то особое лакомство в дар царевне, ведь она очень любима в Кноссе и во всей округе.

Утро проходит в подготовке к послеобеденным празднествам. Принцесса облачается своими служанками в новые красивые одежды, ее волосы тщательно укладываются, это долгий и утомительный процесс, но время оживляется веселыми разговорами служанок, которые передают своей юной госпоже все сплетни дворца. Наконец все готово, и она отправляется в большой зал для аудиенций, где король-отец преподносит ей сверкающие украшения, которые он приготовил к этому дню. Затем, сидя между родителями, она принимает добрые пожелания придворных, все из которых принесли ей богатые подарки.

За этим приемом следует выставка бокса и бои быков, любимые развлечения критской молодежи; но самое большое волнение в этот день вызывает охота на кабана, которая следует за ней. В ней принимают участие все юноши и молодые мужчины, и каждый надеется, что ему удастся особенно отличиться, чтобы по возвращении иметь какой-нибудь трофей для подарка принцессе, а она вознаградит его, подарив ему свою руку в танце вечером.

Пока все молодые люди на охоте, принцесса сидит с родителями в большом зале или гуляет со своими фрейлинами в саду. Когда охотники возвращаются, царит большое волнение. Прибыв на место, они спешат в баню, мажут себя маслом, завивают свои длинные волосы и готовятся к танцам. Когда все готовы, они выходят на то

место для танцев, которое Дедал соорудил в широком Кноссе для Ариадны из прекрасных локонов. Там танцевали юноши и девы дорогие, руки их лежали на запястьях друг друга. На девах было тонкое белье, а на юношах хорошо сшитые дублеты, сверкающие маслом. На девах были прекрасные венки, а у юношей - золотые кинжалы, висевшие на серебряных балдриках. И вот они уже бежали вокруг, ловко перебирая ногами, как гончар, сидящий у своего круга, проверяет его на прочность; и вот они уже выстраиваются в шеренги, чтобы встретиться друг друга. И большая компания стояла вокруг прекрасного танца в радости; и среди них божественный менестрель музицировал на своей лире, и посреди них, когда он начал свой танец, закружились два кувырка.[8].

Танец окончен, начинается пир и застолье. Королева и принцесса со своими фрейлинами рано удаляются в свои апартаменты, но веселье продолжается в зале, где рассказывают о дневной охоте, а старики вспоминают старые истории о других приключениях, пока их не одолевает усталость. Тогда королева посылает своих подручных, которые "ставят кровати под галереей, и набрасывают на них пурпурные покрывала, и расстилают покрывала, и кладут на них толстые мантии, чтобы они были одеждой для всех". Затем они выходят из зала с факелом в руках". И вот юноши и мужчины ложатся и засыпают, и после волнений дня "отдых казался им прекрасным"[9].

VI. РАЗРУШИТЕЛИ

После славы золотого века Крита пришло разрушение. Какая-то грандиозная катастрофа навсегда сломала власть морских царей. Мы не знаем, что произошло, кроме того факта, что Кносс был сожжен, но из наших знаний о жизни того времени и методах ведения войны мы можем составить представление о том, что, вероятно, имело место. Возможно, произошла какая-то ужасная морская битва, в которой флот потерпел поражение и был отброшен к берегу. Затем завоеватели шли на город и осаждали его. Жители, зная, что все поставлено на карту, защищали его до последнего с самой дикой яростью, подбадриваемые женщинами, которые знали, что если город будет взят, то для них не останется никакой надежды. Их мужья и сыновья будут убиты, город полностью уничтожен огнем, а сами они уведены в плен. Именно это и произошло в Кноссе. Мы знаем о судьбе города, но ничего не знаем о завоевателях. В египетских записях этого времени говорится, что "острова были беспокойны, волновались между собой", но это все, что мы знаем.

Захватчики, кем бы они ни были и откуда бы ни пришли, похоже, не были людьми высокоцивилизованными, поскольку они оставили нетронутыми многие произведения настоящего искусства и унесли с собой только те предметы, которые можно было превратить в материальные ценности. Это были те вещи, которые они, очевидно, ценили, а степень цивилизованности, которой достигли народы или отдельные люди, обычно можно определить по сравнительной стоимости, которую они придают вещам.

И вот Кносс пал, и она вкусила "бедствий, которые обрушиваются на людей, чей город взят: воины убиты, город опустошен огнем, а дети и женщины уведены в чужой плен"[10].

Старый Кносс так и не был отстроен, хотя по соседству с ним вырос другой город. Место старого дворца становилось все более пустынным, пока в конце концов руины полностью не скрылись под слоем земли, а древнее могущество и слава Крита стали лишь преданием. И так продолжалось долгие века, пока археологи, обнаружив, что скрывается под этими мрачными на вид курганами, не напомнили нам о той весенней порою мира.

[1] Илиада, XIV.

[2] Одиссея, XIX.

[3] Одиссея, III.

[4] Илиада, XVIII.

[5] См. с. 374.

[6] Важные раскопки в других частях Крита были проведены мистером и миссис Хоуз. (См. Библиография, с. 410).

[7] Сэр Артур Эванс: в *"Monthly Review"*, март, 1901.

[8] Илиада, XVIII.

[9] *Odyssey*, VII.

[10] Илиада, IX.

ГЛАВА III

МАТЕРИК

I. ТРОЯ И ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Древнее предание повествует о том, как Елена, прекрасная жена Менелая, царя Спарты, была похищена Парисом, сыном царя Трои, и как греки собрали могучее войско под предводительством Агамемнона, царя Аргоса, и его брата Менелая и отплыли в Трою, чтобы вернуть потерянную Елену. Десять лет они осаждали Трою, за это время пережили множество приключений и совершили немало подвигов. Славный Гектор со сверкающим шлемом был убит пешим Ахиллом, а сами боги и богини спустились с высокого Олимпа и встали на сторону троянцев, одни помогали троянцам, другие - грекам. В конце концов Троя была взята, и греческие герои вернулись домой, но их обратный путь был сопряжен с

опасностями, и им пришлось пережить немало трудностей. Особенно мудрый Одиссей пережил множество странных приключений, прежде чем снова попал в Грецию. Все эти истории были собраны воедино греческим поэтом Гомером, и их можно прочесть в "Илиаде" и "Одиссее".

До начала девятнадцатого века никто всерьез не задумывался о том, что в этих сказках есть хоть какая-то правда. Но в 1822 году в Германии родился мальчик, которому предстояло сделать самые необычные открытия об этих легендарных землях.

Генрих Шлиман был сыном немецкого пастора, который хорошо знал все эти древние легенды, и, повзрослев, он узнал все о Трое и древнегреческих сказаниях. Он жил в романтическом районе. За садом его отца был бассейн, из которого, как говорили, каждую полночь поднималась дева с серебряной чашей в руке, и с соседними холмами и лесами были связаны похожие истории. Но денег на образование юного Шлимана было мало, и в четырнадцать лет он устроился мальчиком на побегушках к деревенскому бакалейщику. Возможно, это было не то занятие, которое выбрал бы романтически настроенный юноша, но ничего не поделаешь. Однажды вечером в лавку зашел мужчина, который, присев и попросив чего-нибудь подкрепиться, вдруг начал декламировать греческие стихи. Мальчик на побегушках остановил свою работу, чтобы послушать, и долго потом рассказывал, какое влияние оказала на него эта поэзия:

В тот вечер он прочел нам около сотни строк поэта (Гомера), соблюдая ритмический каданс стихов. Хотя я не понимал ни слога, мелодичное звучание слов произвело на меня глубокое впечатление, и я плакал горькими слезами о своей несчастной судьбе. Я трижды заставил его повторить мне эти божественные стихи, вознаградив за труды тремя стаканами виски, которые я купил на те несколько пенсов, что составляли все мое состояние. С того момента я никогда не переставал молить Бога, чтобы по Его милости я еще имел счастье выучить греческий язык".

Несколько лет спустя Шлимана взяли мальчиком на побегушках в один из деловых домов Амстердама, и ему пришлось бегать по разным поручениям и разносить письма на почту и обратно. Он говорит об этом времени:

Я никогда не ходил по поручениям, даже в дождь, не взяв в руки книгу и не выучив что-нибудь наизусть. Я никогда не ждал на почте, не прочитав или не повторив в уме какой-нибудь отрывок".

Дела у Шлимана шли хорошо, и пришло время, когда он смог открыть собственное дело. Наконец-то у него появилось время выучить греческий язык, и он прочитал все, что было написано древними греками или о них, что попало ему в руки. И вот наступило время, которого он ждал всю свою жизнь. Он смог освободиться от своих дел и отправиться в греческие земли.

Шлиман верил, что сказания о Трое основаны на подлинных исторических фактах, но все смеялись над этим мнением, а его самого часто высмеивали за то, что он так твердо придерживался его. Однако теперь ему предстояло одержать победу: он отправился на то место, где, по его мнению, когда-то стояла Троя, и начал раскопки. Его ожидания

оправдались с лихвой, ведь он нашел шесть городов, один из которых, как позже было окончательно доказано, и был гомеровской Троей! Гомер писал о том, что было на самом деле, и хотя в его поэму были вплетены легенды и мифы, основные события произошли на самом деле, и цивилизация, которая до этого времени, как считалось, никогда не существовала, внезапно вошла в историю.

II. МИКЕНЫ И ТИРИНФ

Все эти открытия вызвали волнение во всем мире, и, конечно, поначалу было допущено много ошибок. Поскольку выяснилось, что Троя действительно существовала, все найденное там немедленно связывалось с троянскими героями "Илиады", а некоторые вещи, которые явно были легендарными, трактовались как факты. Сам Шлиман не был полностью свободен от этих первых преувеличений, но, воодушевленный тем, что он уже обнаружил, он решил найти еще больше.

Так, Павсаний, древнегреческий путешественник, написал книгу о своих странствиях, и одним из мест, которые он посетил, были Микены на материковой части Греции. Здесь, по его словам, он видел гробницу Агамемнона, который по возвращении из Трои был убит своей женой Клитемнестрой и поспешно похоронен. До времени Шлимана никто всерьез не верил, что такой человек, как Агамемнон, когда-либо существовал, но дух открытий витал в воздухе, и что только не было найдено! Шлиман решил, что, доказав, что Троя когда-то существовала, он найдет правду в еще большем количестве легенд, и отправился в Микены и начал раскопки. У первых греков не было таких представлений о будущей жизни, как у египтян, но они верили, что смерть означает перенос земного жилища в дом под землей, и поэтому гробница первых греков строилась в форме, во многом совпадающей с земным домом. Греки не позволяли человеку уходить в мир иной нагим и одиноким; они давали усопшему возможность взять с собой все самое лучшее и прекрасное из его земных владений. Они наполняли гробницу всем, что могло добавить ему комфорта, а если это был царь или великий вождь, то его окружали вещи, которые выделяли его среди других людей и указывали на его великое положение. Поэтому Шлиман решил, что царская гробница будет легко узнаваема, и открыл то, что, по его мнению, вероятно, было захоронением Агамемнона. То, что он увидел, повергло его в восторг! Прежде чем что-либо предпринять, он отправил телеграмму королю Греции, которая была быстро опубликована во всем мире. Телеграмма гласила: "С великой радостью сообщаю Вашему Величеству, что я нашел гробницу Агамемнона!".

Сенсация, вызванная этим известием, была огромной. То, что это действительно была гробница широко правящего царя Аргоса, возможно, не вызывает сомнений, но это, несомненно, была гробница великого владыки, который жил в то же время и после смерти был похоронен с варварским великолепом. Диадемы, подвески, ожерелья, всевозможные украшения, кубки, тарелки, вазы - все из чистого золота было в беспорядке навалено в гробнице, а рядом находились другие гробницы, также наполненные несметными сокровищами. Только в одной могиле Шлиман насчитал 870 предметов из чистейшего золота. Это было только начало раскопок в Микенах. Позже был обнаружен огромный дворец, а другие работы в Тирине, расположенном ближе к морю, показали, что там существовал еще один дворец.

Эти здания были совсем не похожи на Кносский дворец: тот не имел укреплений, а эти были сильно укреплены. У них были огромные стены, настолько мощные, что в древности греки думали, что стены Тирина построили демоны, а Павсаний считал их даже более прекрасными, чем пирамиды. В Микенский дворец-крепость входили через ворота Львиц, к которым вела довольно узкая дорога, по которой могли пройти только семь человек в один ряд. Это кажется довольно убогим подходом к столь великолепному дворцу, но такие узкие подходы были необходимы в те военные времена, так как затрудняли приближение врага к воротам.

Микены и Тиринс - самые известные сегодня из древних дворцов-крепостей на материковой части Греции, но в то время, когда они были построены, существовало множество других. Великие владыки часто выбирали вершины холмов для своих жилищ, чтобы обеспечить себе безопасность и защиту, которую они могли предоставить окрестным жителям в случае опасности. Большинство этих дворцов-крепостей находилось поблизости от побережья, ведь ни один истинный грек не был счастлив, если не находился в пределах досягаемости и видимости моря.

III. ЖИЗНЬ В ГОМЕРОВСКИЙ ВЕК

Гомеровский век был эпохой великих царей-героев и вождей. Большинство из них, как считалось, происходили от богов, и они сияли сквозь туман ранних дней Греции как великолепные, великолепные фигуры. В те времена небо было ближе к земле, а боги спускались с Олимпа и общались с людьми. Жизнь в этот героический век сильно отличалась от жизни исторической Греции, и из раскопок и открытий, которые были сделаны, становится ясно, что это была цивилизация с ярко выраженными собственными характеристиками, которая предшествовала той, что известна как Греция в истории. Это была эпоха, когда сильный человек правил с помощью своей сильной руки, а пиратство было весьма распространенным явлением. Нравы и обычаи были очень примитивными и простыми, но при этом сочетались с большим материальным великолепием. Женщины занимали высокое положение в этом обществе и носили самые роскошные одежды. Микенская женщина, одетая во все лучшее, носила платье из мягкой шерсти изысканной окраски или из мягкого блестящего льна и сверкала золотыми украшениями: золотая диадема на голове, золотые булавки в волосах, золотые ленты вокруг горла, золотые браслеты на руках, руки унизаны кольцами. Шлиман говорит, что женщины, которых он нашел в одной из вскрытых им гробниц, были "буквально обвешаны украшениями".

Дворцы-крепости были главными домами, а вокруг них теснились хижины зависимых от короля или вождя людей, но эти хижины, конечно же, исчезли. Сами дворцы были крепко построены, от них отходили дворы и палаты. "Там здание за зданием, и двор дома хитроумно выстроен со стеной и крепостными стенами, и хорошо огорожен складными дверями; никто не может удержать его в пренебрежении"[1] Раскопки доказали, что гомеровские дворцы действительно существовали: и хотя они были хорошо укреплены, их сады, виноградники и фонтаны должны были сделать их очень приятными местами обитания.

В зале с высокой крышей, принадлежавшем великому сердцу Алкиноя, словно отблеск солнца или луны. Медные стены тянулись от порога до внутренних покоев, вокруг них шел голубой фриз, золотые двери закрывали добрый дом. Серебряные были дверные столбы, поставленные на медный порог, и серебряная перекладина на них, и крюк дверной был из

золота. А по обеим сторонам стояли золотые гончие и серебряные, которых Гефест изваял хитростью своей, чтобы охранять дворец великодушного Алкиноя, будучи свободными от смерти и старости во все дни их жизни. Внутри дворца стояли сиденья, прислоненные к стене то в одну, то в другую сторону, от порога до самой глубины покоев, и на них были расстелены легкие покрывала тонкого плетения, сделанные руками женщин. Там сидели вожди, ели и пили, ибо у них были постоянные запасы. Да, и были там юноши, выточенные из золота, стоящие на прочных подставках, с горящими факелами в руках, дающие свет по ночам пирующим во дворце. И было у него в доме пятьдесят подручных, и одни мололи желтое зерно на жерновах, а другие ткали полотно и пряли пряжу, сидя, беспокойные, как листья высокого тополя; и мягкое оливковое масло капало с этого полотна, так тесно оно было соткано. А без двора, у самой двери, - большой сад, и живая изгородь по обеим сторонам. И растут там высокие деревья цветущие, груши и гранаты, и яблони с яркими плодами, и сладкие смоковницы, и маслины в цвету. Плоды этих деревьев никогда не портятся, не увядают ни зимой, ни летом, сохраняясь в течение всего года. Вечно дует западный ветер, рождая одни плоды и созревая другие. Груша на груше стареет, и яблоко на яблоне, да и виноградная гроздь созревает на виноградной грозди, и смоква на смоковнице. Там же он насадил плодovitый виноградник, из которого одна часть ежедневно сохнет от зноя, на солнечном месте, на ровной земле, а другой виноград собирают люди, а другой они обжимают в винном прессе. В первом ряду - незрелый виноград, сбросивший цвет, и другие, черные, которые растут до созревания. Там же, за самой дальней линией, - всевозможные садовые грядки, аккуратно посаженные, вечно свежие, и в них - два фонтана, из которых один разбрасывает свои струи по всему саду, а другой течет против него под порогом двора и выходит у высотного дома, и оттуда черпали воду горожане. Таковы были великолепные дары богов во дворце Алкиноя. [].²

Голубой фриз, подобный описанному выше, был найден и в Микенах, и в Тирине.

Мебель в этих домах была очень великолепной. Мы читаем о хорошо выделанных стульях, стульях с хорошей резьбой и стульях, инкрустированных слоновой костью и серебром; об инкрустированных сиденьях и полированных столах; о кровати с шарнирами и прекрасной кровати с инкрустацией из золота, серебра и слоновой кости; о закрывающихся складных дверях и о дверях с серебряными ручками; о коврах из мягкой шерсти. Богаты и разнообразны были украшения и сосуды, которыми пользовался: золотые и серебряные тазы, двуручные кубки, серебряные корзины и треножники, чаши для смешивания с цветами из серебра и один, прекрасно выкованный из серебра, с золотыми губами. Самым знаменитым кубком был кубок оратора Нестора; он имел четыре ручки, на которых кормились золотые голуби, и стоял на высоте двух футов от земли. В это время все работы по металлу были очень искусны, и воины выходили в сверкающей бронзе, неся шесты, утыканные золотыми гвоздями, копья с бронзовыми наконечниками и мечи с серебряными наконечниками, их поножи были скреплены серебряными застегками, на них были бронзовые шлемы, блестящие подпруги и пояса с золотыми пряжками. Только бог мог изготовить такой дивный щит, как у Ахилла, на котором были изображены сцены из жизни того времени (описание его можно прочесть в "Илиаде"), но в гробницах в Микенах и других местах найдено оружие и сокровища, очень похожие на те, которыми пользовались герои Гомера.

IV. ГРЕЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ

Более чем через тысячу лет после строительства пирамид Крит достиг своего золотого века. Когда Кносс был разрушен, центры цивилизации на материке, такие как Микены и Тиринс, приобрели большее значение, и жизнь стала такой, какой ее описал Гомер. Все это была Греция героического века, Греция, на которую греки более позднего исторического времени смотрели как на нечто, что осталось далеко позади.

Почти две тысячи лет назад Микены были такими же, какими они оставались до раскопок Шлимана, а во втором веке нашей эры греческий поэт воспел Микены:

Города героической эпохи твои глаза ищут напрасно,
Лишь там, где обломки руин еще нарушают равнину.
Так однажды я увидел Микены, злополучные, бесплодную высоту.
Слишком мрачная для пастбищ коз - козлиные стада указывают место.
И когда я проходил мимо, седобородый человек сказал: "Здесь издревле стоял
Город, построенный великанами и богатый золотом."^[3]

Даже для греков исторического времени существовал большой разрыв между возвращением героев из Трои и началом их собственной исторической Греции. Этот промежуток еще не полностью заполнен; даже сейчас для нас это более туманный и смутный период, чем эпоха героев, но именно в эти таинственные века происходили скитания среди народов, то беспокойство и тревога, о которых говорили египтяне. Это был мрачный период в истории Греции. Бродячие племена, высокие и красивые люди, приходили из лесов севера, через горы и перевалы в Грецию. Другие пришли с Востока. Некоторые снова пришли по морю, изгнанные захватчиками со своих островов. Шли бои, убийства и захват пленных. Старая цивилизация была разрушена, но постепенно на ее месте возникло нечто новое. Враги были со всех сторон, но постепенно те, кто остался от побежденных, заключили соглашение с завоевателями; они отказались от своего старого языка и перешли на язык пришлых, стали жить вместе и называться греками. Более древние цивилизации сделали свое дело и погибли. Наступило время, когда человеческий разум достиг больших успехов, чем он когда-либо мечтал, и на земле Греции этот период начинается с приходом греков.

[1] Одиссея, XVII.

[2] Одиссея, VII.

[3] Алфей, переведенный сэром Реннелом Роддом в книге *"Любовь, поклонение и смерть"*.

ГРЕКИ

ГЛАВА I

ЗЕМЛЯ ГРЕКОВ

Земля, к которой принадлежат люди, всегда помогает сформировать их характер и повлиять на их историю, а земля Греции, ее горы и равнины, море и небо, сыграли огромную роль в том, чтобы сделать греков теми, кем они были. На карте мы видим три части Греции: Северная Греция - суровые горные земли; затем Центральная Греция с плодородной равниной, спускающейся к еще большим горам; и затем, через узкое море, полуостров, известный как Пелопоннес. Одна из поразительных особенностей всей страны - близость каждой ее части к морю. Побережье глубоко изрезано заливами и бухтами, а соседнее море усеяно островами. Это страна моря и гор.

Почва небогата. Около трети территории страны - гористая и малопродуктивная местность, состоящая из скал. В низинах встречаются леса, но они не похожи на наши леса: деревья меньше, а солнце проникает даже в самые густые заросли. Чаще всего встречаются лавр, олеандр и мирт. В древности леса были гуще; сейчас они значительно поредели из-за небрежности крестьян, которые, не задумываясь о последствиях, расточительно вырубали деревья.

Греки использовали для пастбищ те земли, которые не были достаточно богаты для возделывания. По этой земле бродили козы, овцы и свиньи, а пчелы делали там мед. В древние времена не было сахара, и мед был необходимым продуктом питания.

Возделываемые земли лежали на равнинах. Горы Греции не образуют длинных долин, но они окружают равнины, и именно здесь греки выращивали кукурузу, вино и масло, и именно здесь росли их города, отделенные друг от друга горами. Кукуруза, вино и масло были абсолютно необходимы для жизни в средиземноморском мире. Каждый греческий город старался производить достаточно кукурузы, в основном пшеницы и ячменя, для своих жителей, потому что трудности, а иногда и опасности были велики, если город не был самодостаточным. Вино тоже было необходимо, ведь греки, хотя и были умеренным народом, не могли без него обойтись. Масло было еще важнее, ведь оно использовалось для очищения, для еды и для освещения. Даже сегодня греки используют мало масла, а там, где мы едим хлеб с маслом, они едят хлеб с оливками или хлеб с козьим сыром. Оливы выращивают по всей Греции, но особенно в Аттике, где они считались даром самой Афины. Именно глядя через море на Аттику, они...

В Саламине, наполненном пенем
пеной и рокотом пчел,
Старый Теламон остановился в своих скитаниях,

Давным-давно, на морском троне;
Глядя на холмы, покрытые оливами,
Зачарованные, где впервые из земли
Серо-блестящий плод девы
Афина родила.[1].

Олива - не очень большое дерево, и главная ее красота - в мерцании листьев, которые в лучах солнца переливаются серебристо-серым цветом. Оливковым деревьям требуется много времени для созревания. Они не дают полноценного урожая в течение шестнадцати и более лет, а до полной зрелости доживают почти до пятидесяти лет. Неудивительно, что олива является символом мира.

Геродот, самый ранний из греческих историков, писал, что "на долю Эллады выпало гораздо более справедливое течение времен года, чем другим землям". Средиземноморье - это пограничная область, расположенная посередине между тропиками и более холодным севером. Летом на Грецию дуют прохладные ветры с севера, делая климат приятным, но зимой они дуют со всех сторон и, по словам поэта Гесиода, "доставляют смертным большие неприятности". Греческая жизнь была летней, и древние греки почти все время жили на открытом воздухе: плавали по морю, занимались всеми своими делами под открытым небом, от пастуха, наблюдающего за своим стадом на склоне горы, до философа, обсуждающего политику на рынке. Но греки были выносливой расой, и хотя зимой им, должно быть, было зябко и неудобно, жизнь продолжалась, пока теплые весенние лучи солнца не заставляли их забыть о зимних холодах.

Каких людей создавало это окружение и каков был их дух?

Суровая жизнь в горах развивала свободный и независимый дух, а поскольку горы отрезали жителей различных равнин друг от друга, образовались отдельные города-государства, каждый со своими законами и правительством. Такое разделение общин было источником слабости страны в целом, но оно развивало дух свободы и независимости как в горожанине, так и в горце. Поскольку все части Греции находились в пределах легкой досягаемости от моря, греки, естественно, стали моряками. Они любили море и чувствовали себя на нем как дома, и эта морская жизнь развивала в них тот же дух свободы и независимости.

Мягкий климат избавлял греков от многих забот, с которыми сталкиваются те, кто живет в более суровых странах, но атмосфера была ясной и бодрящей, что стимулировало ясное мышление. Греки были первыми великими мыслителями в мире; ими владела страсть к познанию истины обо всех вещах на небе и на земле, и мало кто искал истину с большей смелостью и ясностью ума, чем греки.

Бедная почва их земли заставляла их много трудиться и формировала привычку к бережливости и экономии. Эта почва не делала их богатыми, поэтому они развили в себе дух самоконтроля и умеренности и научились сочетать простую жизнь с высоким мышлением в большей степени, чем когда-либо делал любой другой народ. Но если их почва была бедна, то вокруг них была изысканная красота гор, моря и неба, окружение, в котором они научились любить красоту так, как никогда не было превзойдено, если, конечно, вообще когда-либо было.

Дух нации выражается, и ее история записывается различными способами: в социальных отношениях народа друг с другом и с другими нациями, что называется его политической историей; в его языке, который выражается в его литературе; и в его строительстве, что является его архитектурой. Греческий народ был ценителем свободы, истины, самообладания и красоты. Именно в их политической истории, литературе и архитектуре мы увидим некоторые внешние и видимые признаки духа, который вдохновлял их, а земля Греции - это место, где они сыграли свою роль в истории цивилизации.

[1] Еврипид: *Троянские женщины*, перевод Гилберта Мюррея.

ГЛАВА II

ГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ И ОРАКУЛЫ

Горожане в Греции жили на равнинах, отделенные от своих соседей горами, что привело к появлению большого количества отдельных общин, совершенно независимых друг от друга, каждая из которых имела свои законы и правительство, но были три вещи, которые объединяли всех греков, где бы они ни жили: они говорили на одном языке, верили в одних и тех же богов и вместе, как греки, праздновали свои великие национальные игры.

Греки называли себя эллинами, а свою землю - Элладой. Как и евреи и вавилоняне, они верили, что было время, когда люди стали настолько злыми, что боги решили уничтожить старую расу людей и создать новую. Страшный потоп захлестнул землю, и от нее не осталось ничего, кроме вершины горы Парнас, и здесь, как гласит старая легенда, нашли убежище два человека - Девкалион и его жена Пирра, которые спаслись благодаря своей праведной жизни. Постепенно воды спали, и земля снова стала сухой и пригодной для жизни, но Девкалион и Пирра были одни и не знали, что им делать. Тогда они обратились с молитвой к богам и получили в ответ на свою молитву странное повеление: "Уходите, и бросьте позади себя кости вашей матери". Поначалу они не могли понять, что имеется в виду, но в конце концов Девкалион придумал объяснение. Он сказал Пирре: "Земля - великая мать всего сущего; камни - ее кости, и, возможно, именно их мы должны бросить позади себя". И вот они подняли камни, которые лежали рядом, и бросили их за спину, и тут произошло странное! Камни, брошенные Девкалионом, стали мужчинами, а брошенные Пиррой - женщинами, и эта раса людей заново заселила землю Греции. Сына Девкалиона и Пирры называли Эллином, и поскольку греки считали его легендарным основателем своей расы, они называли себя и свою землю его именем.

У первых греков были очень странные представления о форме мира. Они считали, что он плоский и круглый и что Греция находится в самом его центре, а гора Олимп, или, как утверждали некоторые, Дельфы, является центральной точкой всего мира. Считалось, что

этот мир рассечен надвое морем и полностью окружен рекой Океан, из которой черпают свои воды море и все реки и озера на земле.

На севере этого мира, как предполагалось, жили гиперборейцы. Это был народ, живущий за северными ветрами, чей дом находился в пещерах в горах к северу от Греции. Гиперборейцы были счастливой расой существ, которые не знали ни болезней, ни старости и, живя в стране вечной весны, были свободны от всех трудов и забот.

Далеко на юге, на берегах реки Океан, жил другой счастливый народ - аэтиопийцы. Они были так счастливы и вели такую блаженную жизнь, что боги иногда покидали свой дом на Олимпе и отправлялись к эфиопам на их пиры и пиршества.

На западном краю земли, недалеко от реки Океан, находились Елисейские поля, которые иногда называли Полями удачи и Островами блаженных. Именно в это блаженное место переносились смертные, особо любимые богами, не вкусив смерти, и там они жили вечно, освобожденные от всех земных горестей и страданий, это была земля...

Где не падает ни град, ни дождь, ни снег,
И ветер не дует громко; но лежит
В глубоком лугу, счастливый...

Солнце, Луна и Розовоперстая заря считались богами, которые поднимались из реки Океан и ехали на своих колесницах по воздуху, давая свет и богам, и людям.

Какая религия была у греков? *Религию* можно объяснять по-разному, и в мире было много разных религий, но никогда не было народа, у которого не было бы религии. С древнейших времен люди осознавали, что в мире есть вещи, которые они не могли понять, и эти тайны показывали им, что должно существовать некое Существо, более великое, чем человек, которое само себя создало; и именно с помощью того, что называется религией, люди пытались вступить в отношения с этим Существом, более великим, чем они сами.

Египтяне в своих религиозных верованиях были очень заняты идеей жизни после смерти, но греки поначалу мало задумывались об этом. Они верили, что правильное погребение необходимо для будущего счастья души, а отсутствие такового рассматривалось как очень серьезное бедствие, но помимо настаивания на надлежащих погребальных церемониях их мысли были мало заняты будущим. Причиной этого, вероятно, было то, что греки находили эту жизнь такой восхитительной. Их переполняла радость от того, что они живы, и они живо интересовались всем, что касается жизни; они чувствовали себя в этом мире как дома. Боги, в которых верили греки, не должны были создавать мир, но они сами были его частью, и каждый этап этой жизни, столь насыщенной интересами и приключениями, был представлен личностью бога. Сначала это была внешняя жизнь, природа со всеми ее тайнами, а затем и вся внешняя деятельность человека. Позже люди обнаружили другие вещи, которые трудно объяснить, - страсти внутри них, любовь и ненависть, мягкость и гнев, и постепенно они наделили все эти эмоции личностями и стали считать каждую из них вдохновленной богом. Эти боги считались очень близкими к человеку; мужчины и женщины героического века заявляли о своем происхождении от них, и предполагалось, что они спускаются на землю и часто общаются с людьми. Греки доверяли своим богам и обращались к ним за защитой и помощью во всех своих делах, но эти боги были слишком

человечны и недостаточно святы, чтобы быть настоящим вдохновением или сильно влиять на поведение тех, кто в них верил.

Главные боги обитали на горе Олимп в Фессалии и назывались олимпийцами; другие обитали на земле, в воде или в подземном мире. Небо, вода и подземный мир находились под особым контролем великого повелителя богов.

Три брата - мы, Зевс и я, и Аид - третий, властитель народа в подземном мире. И на три жребия разделено все, и каждому достался свой удел, а мне, когда мы бросили жребий, досталось инеистое море, чтобы быть мне жилищем навеки; Аиду досталась непроглядная тьма, а Зевсу - широкое небо, в чистом воздухе и облаках, но земля и высокий Олимп - общие для всех.[1].

Зевс был величайшим из богов. Он был отцом богов и людей, повелителем молний и грозowych туч, чья радость заключалась в громе. Но он был также владыкой совета и правителем неба и земли, в частности, защитником всех, кто находился в какой-либо нужде или беде, и хранителем домашнего очага. Во дворе каждого дома стоял алтарь Зевсу, покровителю очага. Огромная статуя Зевса стояла в храме в Олимпии. Она была работы Фидия и считалась одним из семи чудес древнего мира.[2] Эта статуя была разрушена более тысячи лет назад землетрясением, но посетитель Олимпии в древние времена рассказывает, как прекрасно она выражала характер бога:

Его власть и царственность проявляются в силе и величии всего образа, его отеческая забота о людях - в мягкости и любящей доброте лица; торжественная строгость работы отмечает бога города и закона - он похож на того, кто дает и дарует благословения.[].3

Гера была женой Зевса. Она была "златокудрая Гера, бессмертная царица, невеста громогласного Зевса, владычица прославленная, которую все блаженные на высоком Олимпе чтят и почитают не меньше, чем Зевса, чей восторг - гром"[4].

Посейдон отправлялся на Олимп, когда его призывал Зевс, но он был богом моря и предпочитал его глубины в качестве своего дома. Его символом был трезубец, а сам он часто изображался несущимся над волнами на колеснице, запряженной пенящимися белыми конями. Все моряки искали у него защиты и пели ему: "Славься, принц, ты, обжора земли, ты, темноволосый бог, и с добрым сердцем, о благословенный, ты дружишь с мореплавателями"[5].

Афина, сероглазая богиня, была хранительницей Афин, и для всех греков, но особенно для афинян, она была символом трех вещей: она была богиней-воительницей, "спасительницей городов, которая вместе с Аресом хранит дела войны, падающие города и боевой дин"[6]. Именно она вела их армии на войну и приводила их домой победителями. Она была Афиной Полиас, хранительницей города и дома, которой поручали посадку и уход за оливковыми деревьями, которая научила женщин искусству ткачества и дала им мудрость во всех видах рукоделия; она была мудрой богиней, богатой советами, которая вдохновляла афинян на хорошие государственные дела и показывала им, как править хорошо и справедливо; и она была Афиной Парфенос, царицей, чьи победы были одержаны, и которая была символом всего истинного, прекрасного и хорошего.

Аполлон, Дальний Стрелок, повелитель серебряного лука, был богом, вдохновлявшим всю поэзию и музыку. Он ходил и играл на своей лире, облаченный в божественные одежды, и от его прикосновения лира издавала сладостную музыку. Ему

Ему принадлежат все песенные хребты, как на материке, так и на островах: ему дороги все утесы, и крутые горные гребни, и реки, текущие к соленому морю, и берега, уходящие в пену, и гавани глубин.

Когда Аполлон Дальний "проезжает через зал Зевса, боги трепещут, да и все поднимаются со своих тронов, когда он приближается со своим блестящим согнутым луком"[7] Аполлон также почитался как Фибус Солнце, бог света, и, подобно солнцу, он должен был очищать и освещать все вещи.

Вслед за Аполлоном их повелителями стали Музы, девять дочерей Зевса, обитавшие на горе Парнас. Нам рассказывают, что их сердца были настроены на песню, а души не знали печали. Именно Музы и Аполлон подарили человеку дар песни, и тот, кого они любили, считался блаженным. "От муз и далекого Аполлона на земле появились менестрели и арфисты. Счастлив тот, кого любят Музы, и сладко льется голос из его уст"[8] Музу, вдохновившую человека на воображение, чтобы правильно понять историю, звали Клио.

Охотница Артемида, сестра Аполлона, была богиней Луны, а ее брат - богом Солнца. Она любила жизнь под открытым небом и бродила по холмам и долинам, по лесам и у ручьев. Она была

Богиня шумной погони, почитаемая дева, истребительница оленей, лучница, родная сестра Аполлона, обладателя золотого клинка. Через тенистые холмы и ветреные вершины, радуясь погоне, она натягивает свой золотой лук, посылая стрелы печали. 9Тогда дрожат гребни высоких гор, и ужасно грохочут темные леса от звериного рева, и содрогается земля, и кипит море.

Гермес больше всего известен нам как вестник богов. Когда он отправлялся исполнять их повеления,

под ноги он надевал свои прекрасные сандалии, золотые, божественные, которые несли его над водами моря и над безбрежной землей с дыханием ветра. И взял он в руки свой жезл, которым вводит в заблуждение тех, кого пожелает, а других пробуждает ото сна"[10].

Гермес был покровителем путешественников, и он был богом, который с особым удовольствием следил за жизнью рынка. Но была и другая сторона его характера: он был искусен во всех хитростях и уловках, и легенды с удовольствием рассказывали о его подвигах. Он начал рано. "Рожденный на заре, - рассказывают нам, - к полудню он уже хорошо играл на арфе, а вечером украл скот Аполлона Дальнего"[11].

Гефест был богом огня, божественным мастером по обработке металлов. Считается, что он впервые открыл искусство обработки железа, латуни, серебра и золота и всех других

металлов, требующихковки огнем. Его мастерская находилась на горе Олимп, и здесь он выполнял всевозможные работы для богов. Пожалуй, самым известным его произведением стали божественные доспехи и, прежде всего, щит, который он сделал для Ахилла. Однажды на Олимпе разгорелась великая ссора, в которой он принимал участие, и Зевс в гневе сбросил его с небес. Целый день он падал, пока на закате не упал на остров Лемнос.

Афина и Гефест всегда считались благодетелями человечества, ведь они научили человека многим полезным искусствам.

Photo Anderson.

THE BIRTH OF APHRODITE.
Early 5th Century B.C.
Museo delle Terme, Rome.

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ.

Начало V века до нашей эры.

Музей Терм, Рим.

Пой, Муза, о Гефесте, прославленном в ремеслах, который вместе с сероглазой Афиной научил добрым делам людей на земле, даже тех, кто прежде обитал в горных пещерах, как звери; но теперь, будучи обучены ремеслам прославленным мастером Гефестом, светло живут они весь год, счастливо в своих домах^[12].

Гестия, богиня очага, играла важную роль в жизни греков. Ее алтарь стоял в каждом доме и в каждом общественном здании, и ни одно важное действие не совершалось, пока на ее алтарь не возливалось вино.

Смешливая, золотая Афродита была богиней любви и красоты. Она поднялась из моря, родившись в мягкой белой пене. "Она одаривает смертных сладкими дарами, и на ее прекрасном лице всегда царит улыбка"[13].

Для древних греков леса и ручьи, холмы и скалы их прекрасной земли были местом обитания богов, нимф и духов дикой природы. Главным из таких духов был Пан,

козлоногий, двурогий, любитель шумного веселья, который бродит по лесным долинам вместе с танцующими нимфами, которые ступают по гребням отвесных скал, призывая Пана. Он - властелин всех снежных гребней, горных вершин и скалистых троп. Он ходит то туда, то сюда, через густые рощи, то приныкая к тихим водам, то пробираясь через высокие скалы он взбирается на самые высокие вершины, откуда внизу видны стада; он вечно носится над высокими белыми холмами и вечером возвращается с погони, дыша сладкими звуками на камышах.[].14

Таковы были главные боги, в которых верили греки. Как они им поклонялись? Центром их поклонения был алтарь, но алтари находились не в храмах, а снаружи. Они также находились в домах и в главных общественных зданиях города. Храм рассматривался как дом бога, а храмовая ограда была очень священным местом. Человек, обвиненный в преступлении, мог бежать туда и укрыться, а оказавшись внутри храма, он был в безопасности. Выдворить его оттуда силой считалось очень страшным делом, так как верили, что это обрушит гнев бога на тех, кто нарушил право святилища.

В домах стояли алтари, посвященные Гестии, Аполлону и Зевсу. Алтарь Гестии стоял в главной комнате дома, ей возносили возлияния перед едой и приносили жертвы по особым случаям: всегда перед отправлением в путешествие и по возвращении из него, а также при рождении или смерти в доме. Алтарь Аполлона стоял прямо за дверью. Особые молитвы и жертвы возносились на этот алтарь в тяжелые времена, но Аполлона не забывали и в радости: те, кто уезжал далеко от дома, останавливались поклониться по возвращении; когда в дом приходили хорошие новости, на его алтаре сжигали душистые травы, а невеста брала с него священный огонь, чтобы вознести его Аполлону в своем новом доме.

У греков не было определенного дня в неделю, священного для богов, но в течение года разные дни рассматривались как принадлежащие определенным богам. Некоторые из этих дней были более значительными, чем другие, и в честь них устраивались государственные праздники. Другие не вносили никаких изменений в повседневную жизнь.

К храмам были прикреплены жрецы, но жертвы на алтарях в городе или в доме приносили царь или главный магистрат, а также глава семьи. Греки не становились на колени во время молитвы, а стояли с обнаженной головой. Их молитвы были в основном о помощи в их начинаниях. Они молились перед всеми делами: перед атлетическими состязаниями, перед представлениями в театре, перед открытием собрания. Моряк молился перед выходом в море, земледелец - перед пахотой, а весь народ - перед тем, как отправиться на войну. Перикл, великий афинский государственный деятель, никогда не выступал на публике без молитвы, чтобы "не произнести ни одного недостойного слова".

С течением времени боги Олимпа казались все менее близкими смертным, постепенно они становились не столько личностями, сколько символами добродетелей, и в этом качестве они влияли на поведение людей больше, чем раньше. Например, Афина стала для всех

греков символом самообладания, непоколебимого мужества и достойной сдержанности, Аполлон - чистоты, а Зевс - мудрых советов и праведных суждений.

Особой формой поклонения афинян были Священные мистерии, которые праздновались каждую осень и длились девять дней. В центре этого поклонения была Деметра, а празднование проходило в ее храме в Элевсисе, недалеко от Афин. Деметра была богиней кукурузы, и именно история ее дочери Персефоны, которую унес Аид, повелитель царства мертвых, была отмечена в Священных мистериях.

Ее дочь играла и собирала цветы: розы, крокусы, фиалки на мягком лугу, лилии, гиацинты, нарциссы. Чудесно расцвел этот цветок, диво для всех, будь то бессмертные боги или смертные люди. Из корня его выросла сотня цветков, и от его благоуханного запаха смеялось широкое небо над головой и вся земля, и соленая волна моря. Тогда дева изумилась и протянула обе руки, чтобы схватить прекрасную игрушку, но разверзлась широкая земля, и поднялся царевич, хозяин многих гостей, сын Кроноса, со своими бессмертными конями. Против ее воли схватил он ее и повез, плача и страдая, в своей золотой колеснице, но она громко взывала, призывая высших богов и лучших... и горные вершины и морские глубины звенели на ее бессмертный голос.^[15]

Деметра слышала крик, но не смогла спасти дочь и отправилась на ее поиски по всему миру. Она добралась до Аттики, где к ней отнеслись с добротой, хотя люди поначалу не знали, что она богиня. Когда она открылась им, то повелела построить ей храм в Элевсисе. Но дочь не возвращалась к ней, и боги Олимпа не обращали внимания на ее сетования. Тогда она пустила в ход свою силу богини кукурузы и заставила ее перестать расти на всей земле. Наступил страшный голод, и Зевс пытался уговорить ее отступить. Но она заявила, что "больше не войдет на благоухающий Олимп и не позволит земле приносить свои плоды, пока ее глаза не увидят ее светлицу дочь"^[16].

Наконец Зевс согласился вмешаться и послал Гермеса вернуть Персефону на землю. Увидев вестника, Персефона "радостно и быстро встала, взошла на золотую колесницу и понеслась из залов; ни море, ни реки, ни травянистые поляны, ни скалы не могли задержать бег коней, лишенных смерти"^[17], пока они не достигли храма, где жила Деметра, которая, увидев их, бросилась приветствовать свою дочь. Но перед тем как покинуть Аид, бог дал Персефоне съесть сладкое гранатовое зерно, чтобы она не захотела навсегда остаться с Деметрой, и тогда было решено, что Персефона будет жить с Аидом, повелителем царства мертвых, одну треть года, а две трети - со своей матерью и богами Олимпа.

Вокруг этой истории и было сосредоточено поклонение Священным мистериям в Элевсисе. Наступило время, когда поклонение богам Олимпа не удовлетворило тоску греков по уверенности в том, что душа бессмертна и что есть жизнь после смерти тела. Деметра стала для греков символом силы богов, способных исцелять, спасать и даровать бессмертие. Ее история стала аллегорией исчезновения кукурузы, фруктов и цветов зимой и их возвращения весной, приносящих людям дары надежды и жизни. На празднике в Элевсисе разыгрывалась своеобразная пьеса-мистерия по всей легенде. Все, кто присутствовал на празднике, должны были подготовиться к нему определенным ритуалом поста и жертвоприношений, и считалось, что в жизни после смерти все будет хорошо с теми, кто принял участие в празднике с чистым сердцем и чистыми руками.

Самым сильным религиозным влиянием в Греции, вероятно, был оракул. Это была вера в то, что в определенных святилищах, особо почитаемых определенными богами, поклоняющийся может получить ответы на вопросы, заданные богу. В очень ранние времена считалось, что знаки, наблюдаемые в мире природы, имеют особый смысл: шелест листьев на дубе, полет птиц, гром и молния, затмения солнца и луны или землетрясения. Легко понять, как возникло это поверье. Человек, озадаченный и встревоженный каким-то важным решением, покидал город с его суетой и шумом и уезжал за город, где мог в одиночестве и без помех обдумать свою трудность. Может быть, он сядет под деревом, и, пока он будет сидеть и думать, шелест листьев под дуновением ветерка будет успокаивать его беспокойный ум, и постепенно его долг станет ясным, и ему покажется, что на его вопросы есть ответы. Взглянув на небо, он поблагодарил Зевса за то, что тот вдохновил его на понимание. Возвращаясь домой, он рассказывал, как слышал голос Зевса, говорившего с ним в шелесте листьев, и так это место постепенно стало ассоциироваться с Зевсом, и другие приходили туда в поисках ответов на свои вопросы, надеясь встретить тот же опыт, пока, наконец, место не стало священным, там построили святилище, и в конце концов оно стало известно вдали и вблизи как оракул. Платон сказал о зарождении оракулов, что "для людей того времени, поскольку они не были столь мудры, как вы сейчас, в их простоте было достаточно послушать дуб или скалу, если только они говорили им правду". Подобным образом другие места стали ассоциироваться с другими богами, пока поиски ответов у оракулов не превратились в устоявшийся обычай в Греции.

Великие оракулы Зевса находились в Олимпии, где ответы давались по знакам, наблюдаемым во время жертвоприношений, и в Додоне, где они получались по звуку шелеста листьев священного дуба. Но самым великим оракулом во всей Греции был оракул Аполлона в Дельфах. Именно в Дельфах Аполлон сразился с Пифоном и убил его, и считалось, что он с особым удовольствием поселился здесь и сам выбрал это место для оглашения своей воли.

Здесь я думаю основать прекрасный храм, чтобы он был местом прорицания для людей, как для тех, кто живет в богатом Пелопоннесе, так и для тех, кто живет на материке и морских островах, ищущих здесь слово мудрости; всем им я буду говорить непреложные постановления, произнося оракулы в моем богатом святилище.[].¹⁸

Дельфы были священны для Аполлона еще с тех легендарных времен, и в его честь там было построено большое святилище и храм.

Когда грек приходил посоветоваться с Аполлоном, он должен был сначала принести определенные жертвы и всегда брал с собой самые богатые дары, которые клал в сокровищницу бога. Затем он входил в храм и передавал свою просьбу в руки жреца, который относил ее во внутреннее святилище и отдавал пророчице, в обязанности которой входило передать прошение самому богу и получить ответ. В древности считалось, что в этом святилище через расщелину в скальном полу поднимается таинственный пар, который, окутывая пророчицу, приводит ее в некое безумие, в котором она произносит слова ответа, данного ей Аполлоном. Этот ответ записывался жрецами, часто превращался ими в стихи, а затем доставался вопрошающему. Иногда эти ответы были совершенно простыми и понятными, как, например, тот, который сохранился во все века. Это был оракул Аполлона в Дельфах, который сказал о поэте Гомере: "Он будет бессмертен и нестареем вовек". Но иногда ответы были похожи на загадку, над которой нужно было долго думать, чтобы понять,

а иногда они были сформулированы так, что могли означать одну из двух вещей, каждая из которых была противоположна другой! К оракулу в Дельфах греки часто обращались во время великих кризисов своей истории, и он имел огромное влияние. Именно жрецы, записывая ответ, определяли его характер. Это были люди, которые постоянно общались с дальними странами, имели большой опыт общения с человеческой природой и могли дать совет в самых разных сложных вопросах. Таким образом, оракул в Дельфах был силой в мирских делах греков, но это было нечто большее, он также являлся источником морального вдохновения. Он поощрял все виды цивилизации и добродетели мягкости и самообладания, отмечал великих реформаторов своим одобрением, поддерживал святость клятв, поощрял уважение и почтение к женщинам. На одном из храмов были начертаны изречения "Познай самого себя" и "Ничего лишнего". Говорили, что их поместили туда древние мудрецы, а в более поздние времена они стали известны как максимы в учении великих философов.

Оракул не всегда был прав в своих толкованиях; иногда ему не удавалось воспользоваться высочайшими возможностями, которые открывались перед ним, но по мере того, как перед нами разворачивается греческая история, мы видим постепенное повышение моральных стандартов, которое во многом было обусловлено влиянием оракула Аполлона в Дельфах.

[1] Илиада, XV.

[2] См. с. 64.

[3] Дион Хризостом.

[4] Гомеровский гимн Гере.

[5] Гомеровский гимн Посейдону.

[6] Гомеровский гимн Афине.

[7] Гомеровский гимн Аполлону.

[8] Гомеровский гимн Аполлону.

[9] Гомеровский гимн Артемиде,

[10] Одиссея, V.

[11] Гомеровский гимн Гермесу.

[12] Гомеровский гимн Гефесту.

[13] Гомеровский гимн Афродите.

[14] Гомеровский гимн Пану.

[15] Гомеровский гимн Деметре.

[16] Гомеровский гимн Деметре.

[17] Ibid.

[18] Гомеровский гимн Аполлону.

ГЛАВА III

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Греки были связаны между собой языком, религией, а также великими национальными играми. Происхождение этих игр до сих пор вызывает некоторые сомнения. Возможно, они возникли как некая религиозная церемония, связанная с погребением, как, например, описанные Гомером погребальные игры, которые проводились в честь Патрокла. Но каково бы ни было их происхождение, они прочно обосновались в самые ранние времена исторической Греции.

Греция никогда не была надолго свободна от войн. Сам факт разделения страны на множество мелких и независимых государств порождал ревность и ненависть, а государство часто воевало с государством. Поэтому каждый гражданин Греции должен был быть готов в любой момент взять в руки оружие для защиты своего дома, а значит, физически он должен был всегда находиться в хорошей форме. Этому способствовали регулярные спортивные тренировки, которые были важной частью воспитания каждого грека. Считалось, что плохо тренированное тело так же плохо, как и плохо тренированный ум, и одна из причин, почему греки так презирали варваров, как они называли всех, кто не принадлежал к греческой расе, заключалась в том, что варвар не тренировал свое тело в той же степени, и потому что он любил роскошь.

Все греки, таким образом, проходили атлетическую подготовку, и эта подготовка была направлена на развитие красивого тела, поскольку считалось, что грациозный бег так же важен, как и быстрый, но хотя греки любили состязания и соревнования и упорно стремились к победе, поскольку они так заботились о грации движений, они не придавали особого значения рекордам, и поэтому они не вели записей об исключительных атлетических подвигах, что не позволяет нам узнать подробности некоторых из их великих атлетических достижений.

Игры проводились почти в каждом греческом городе и были предметом большой гордости горожан. Наиболее важными были праздники в честь Посейдона в Коринфе, которые назывались Истмийскими играми, в Дельфах - в честь убийства Аполлоном Пифона, которые назывались Пифийскими играми, и величайшие из всех, проводившиеся каждые четыре года в Олимпии в честь Зевса и известные как Олимпийские игры. Эти игры были самыми древними в Греции, и во все времена они были самыми важными. Первые игры были проведены, если верить преданиям, еще до того, как Греция начала свою историю, а последние - спустя долгие века после того, как она перестала быть свободным государством. Первые игры в исторические времена были проведены в 776 году до нашей эры, а промежуток между каждым праздником назывался олимпиадой. Эти олимпиады составили греческий календарь, который взял за точку отсчета 776 год до нашей эры.

Этот великий фестиваль в Олимпии проходил в августе или сентябре и длился пять дней. Это было общенациональное событие, и греки со всего греческого мира съезжались в Олимпию, чтобы принять в нем участие. На целый месяц по всей Греции объявлялось перемирие, все военные действия должны были прекратиться, а все обычные дела и удовольствия уступали место более важному делу - поездке в Олимпию. Игры обычно проводились с одиннадцатого по шестнадцатый день этого месяца перемирия, а дни до и после были отданы путешествию в Олимпию и обратно. Все дороги в эти дни объявлялись безопасными, и велика была кара для тех, кто осмеливался приставать к паломникам в Олимпию, ведь они шли воздать почести Зевсу и считались находящимися под его особой защитой. Посетители толпились на всех дорогах и прибывали со всех сторон. Они приезжали из всех пелопоннесских государств, из Коринфа, Афин и Фив. Приезжали они и из далеких греческих колоний: одни - с берегов Черного моря, похожие на кочевников, с которыми они так часто общались; другие - из Ионии, люди в богатых одеждах и с роскошными привычками, усвоенными от восточных соседей; третьи - из западных колоний, из Италии и Южной Галлии; четвертые, смуглые и теплокровные, - из далекой Африки. Но все они были греками, связанными, несмотря на различия, общими узами крови и религии. Одни были богаты, и их сопровождали рабы, приносившие все необходимое для их комфорта, другие были бедны, они топали по дорогам изможденные и усталые, но их поддерживала мысль о радостях праздника, когда они достигнут своей цели.

На праздник в Олимпию съезжались самые разные люди: купцы с богатыми и редкими товарами на продажу, так как во время праздника регулярно проводилась ярмарка, изготовители небольших статуэток, надеявшиеся получить заказы для установки в храмах, поэты, желавшие прочесть свои стихи, музыканты, готовые играть на своих лирах всем желающим, учителя гимнастики со всей Греции, надеявшиеся научиться новому методу, который улучшит их собственные занятия, люди всех и каждого рода. Только женщин не было. Игры считались слишком публичным праздником, чтобы на них могли присутствовать женщины, а путешествие было слишком долгим и трудным, чтобы они могли его совершить. У женщин, живших неподалеку от Олимпии, был свой праздник, когда они тоже участвовали в гонках и получали призы, но это происходило в другое время, нежели великий национальный праздник.

В Олимпии не было города, а кроме храмов, было лишь несколько зданий, поэтому, когда прибывала толпа гостей, первым делом они устраивали себе спальные места. Некоторым людям разрешили спать в портиках зданий, связанных с храмами, другие принесли палатки, и образовался настоящий лагерь. Были возведены всевозможные палатки, в которых торговцы выставляли свои товары; друзья и знакомые из разных уголков Греции встречались и обсуждали все, что произошло с ними с момента последней встречи. В это время глашатаи делали много объявлений; публично оглашались условия договоров между различными греческими государствами, поскольку в те времена, когда связь между государствами была затруднена, такое собрание, как в Олимпии, гарантировало, что обнародованные тогда новости широко распространятся среди различных государств.

Затем следовало посещение великого храма Зевса и жертвоприношения. Начиная с середины пятого века до нашей эры каждый посетитель Олимпии с благоговением входил в храм, чтобы взглянуть на огромную статую Зевса.^[1] Эта статуя, как говорили, была так чудесно сделана, что "те, кто входит в храм, уже не думают, что видят слоновую кость из Индии и золото из Фракии, но само божество, перенесенное на землю Фидием", и говорили, что для создания такого реалистичного изображения бога либо Зевс должен был сойти с

небес и показать себя в видении Фидию, либо Фидий должен был подняться на небо и увидеть его там.

Бог восседает на троне, он сделан из золота и слоновой кости, на его голове венок, сделанный в подражание оливковым ветвям. В правой руке он несет Победу, также из слоновой кости и золота; она одета в ленту, а на голове у нее венок. В левой руке бога - скипетр, искусно выточенный из всех металлов; птица, сидящая на скипетре, - орел. Сандалии бога из золота, как и его одеяние. На одеянии вытканы фигуры животных и цветы лилии. Трон украшен золотом и драгоценными камнями, а также черным деревом и слоновой костью; на нем нарисованы фигуры и вытканы изображения.^[2]

Говорят, что "когда изображение было закончено, Фидий взмолился, чтобы бог дал знак, если работа придется ему по душе, и тут же, говорят, Зевс метнул молнию в землю"^[3] "Отправляйтесь в Олимпию, - сказал один древний писатель, - чтобы увидеть работу Фидия, и считайте несчастьем, каждый из вас, если умрете с этим еще неизвестным". И так милостив и полон любви-доброты был лик бога, что

Если бы кто, отягченный духом, испивший чашу несчастий и печалей в жизни, кого сладкий сон уже не посещает, предстал перед этим образом, он забыл бы все горести и беды этой земной жизни.^[4]

А что же участники игр? Последние тридцать дней все они находились в Олимпии и проходили специальную подготовку. В состязаниях могли участвовать только люди чистой греческой крови, и ни один из них не был осужден за какое-либо преступление или виновен в нечестии или неуважении к богам. Каждый кандидат должен был доказать, что помимо обычных спортивных тренировок он проходил специальную подготовку в течение десяти месяцев до приезда в Олимпию. Когда они тренировались в последний раз, к участникам соревнований обращался один из ответственных чиновников. Он сказал им:

Если вы упражнялись достойно олимпийского праздника, если вы не совершили ни одного небрежного или неблагородного поступка, продолжайте с хорошим мужеством. ⁵ Кто не упражнялся, идите, куда хотите.

Имена тех, кто должен был участвовать в играх, записывались на белой доске, и если после этого человек отказывался от участия, его клеймили как труса. Как только участник был окончательно зачислен, в жертву Зевсу приносился кабан, после чего он должен был дать торжественную клятву, что он полноправный гражданин Греции, что он выполнил все условия, необходимые для участия в играх, что он будет соблюдать правила соревнований и что он будет играть честно, и таков был дух чести и справедливости, в котором проходили игры, что за более чем тысячу лет известны имена только шести или семи участников, которые были виновны в нарушении своей клятвы.

Первый день фестиваля был отдан жертвоприношениям и процессиям. Различные государства всегда посылали на Игры своих официальных представителей, которые

выезжали на публику на своих колесницах, богато одетые и несущие дорогие дары, чтобы положить их в сокровищницу храма. Следующие три дня были посвящены собственно состязаниям.

Еще задолго до рассвета первого из этих трех дней все места на стадионе были заняты. Он располагался у подножия холма, и все свободные места на склоне этого холма были заняты зрителями. Если кто-то хоть на мгновение покидал свое место, оно терялось, и так зрители сидели весь день, пока не заходило солнце. Необходимые прохладительные напитки они приносили с собой. Солнце падало на их обнаженные головы, ведь игры проводились в честь Зевса, а он считался присутствующим, и никто не мог войти в присутствие Отца богов и людей с покрытой головой. Только когда заходящее солнце давало сигнал об окончании дневных состязаний, они поспешно расходились по своим палаткам и урывали час-другой сна, прежде чем рассвет призывал их подняться и занять свои места для следующего дня зрелищ.

Состязания, вероятно, проходили в следующем порядке: Во-первых, это пешие скачки: их было несколько, их длина варьировалась от двухсот ярдов до трех миль. Самый короткий забег на двести ярдов долгое время был тем забегом, который приносил наибольший почет победителю. Затем следовало пятиборье, состоявшее из пяти состязаний: метание диска, метание копья, бег, прыжки и борьба, причем победитель должен был выиграть три из пяти. В пятиборье, в частности, большое значение придавалось грациозности каждого движения, а прыжки, метание диска и копья обычно сопровождалась музыкой флейты. Затем появились состязания, которые впоследствии стали считаться самыми великими и захватывающими - гонки на колесницах с четырьмя лошадьми. Эту гонку любили описывать поэты. Гомер рассказывает, как возницы

все вместе подняли плетъ над своими конями, и понукали их поводьями, и обращались к ним с нетерпением, и они тотчас же стремительно понеслись по равнине; и под их грудью вздымалась пыль, как облако или вихрь, и гривы их развевались от дуновения ветра. И колесницы то неслись по щедрой земле, то взмывали в воздух. И погонщики стояли в машинах, и сердце каждого билось в желании победы, и они звали каждого к своим коням, которые летели в пыли по равнине.[6]

Последними шли боксерские и борцовские поединки, и это были самые грубые и ожесточенные состязания.

В последний день фестиваля вручались призы. Они были очень простыми, но ценились гораздо выше, чем могли бы быть большие почести. Каждый приз состоял из оливкового венка, который срезал со священного оливкового дерева золотым ножом мальчик, специально выбранный для этой цели, причем по старой традиции оба его родителя должны были быть живы. Когда-то эти венки ставили на треножник на виду у всего народа, позже для них сделали красивый стол из золота и слоновой кости. Глашатай объявлял имя победителя, имя его отца и город, из которого он прибыл, а затем один из судей возлагал венок на его голову. Это был самый гордый момент в его жизни, и хотя по возвращении домой последовали другие награды, ничто не могло сравниться с этим славным моментом.

Последний день праздника был посвящен жертвоприношениям Зевсу, а затем банкетам и пиршествам, которые продолжались до глубокой ночи. Победителям оказывались всевозможные почести: поэты писали оды в честь их побед, а скульпторы делали модели для

их статуй, ведь каждому атлету, одержавшему три победы, предоставлялась честь быть воздвигнутым на открытом пространстве перед храмом Зевса.

Photo Anderson.

DISCOBOLUS OF MYRON.

5th Century B.C.

Vatican Rome.

ДИСКОБОЛ МИРОНСКИЙ.

5 век до н.э.
Ватикан-Рим.

Праздник закончился, победители и их друзья, а также огромная толпа зрителей вернулись в свои дома. Победители гордились не только своими достижениями, но и славой, которую они принесли своему городу. Вест о приближении победителя передавалась заранее, а день его возвращения в родной город всегда отмечался государственным праздником. В некоторых местах по старинному обычаю разрушали часть городской стены и делали специальный вход, чтобы тот, кто принес городу славу, мог войти в него по тропе, которую еще не прокладывали другие люди. Его приветствовали песнями триумфа, и по дороге, усыпанной цветами, провели к дому отца. Ему преподнесли богатые подарки, и во всех отношениях с ним обращались как с человеком, которого город с удовольствием уважал и почитал. В Афинах вернувшихся победителей чествовали тем, что отныне им разрешалось обедать за государственный счет в зале, где обедали члены совета и великие люди города.

Павсаний, путешественник, которому мы обязаны описанием столь многого в Древней Греции, ныне исчезнувшего, посетил Олимпию, и он рассказывает, что

много дивных зрелищ можно увидеть и не мало историй о чудесах можно услышать в Греции; но нет ничего, на чем благословение Божье покоилось бы в такой полной мере, как на обрядах Элевсиса и Олимпийских играх.....

И Пиндар, греческий поэт, который чаще всего воспевал Олимпийские игры, суммировал чувства каждого победителя в словах: "Тот, кто побеждает, благодаря играм обретает сладкое спокойствие на всю жизнь".

[1] См. с. 47.

[2] Pausanias.

[3] Павсаний.

[4] Дион Хризостом.

[5] From E. N. Gardiner: *Greek Athletic Sports and Festivals*.

[6] Илиада, XXIII.

ГЛАВА IV

ГРЕЧЕСКИЙ ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

Когда люди живут вместе в сообществах, какими бы маленькими они ни были, необходимо соблюдать определенную форму закона, чтобы поддерживать порядок и справедливость между человеком и его соседями. Форма, которую этот закон принимает в разных местах и в разных сообществах, называется правительством.

Самой ранней формой правления в Греции, как и во всех первобытных государствах, была семья, и слово главы семьи было законом для всех, кто в нее входил. Земля, на которой они жили, принадлежала семье в целом, а не отдельным людям, и умерших всегда хоронили там, пока со временем семья не стала претендовать на эту землю, где они жили на протяжении многих поколений и где были похоронены их предки, как на свою собственную.

Со временем семьям стало удобнее объединяться и жить одной общиной. Таким образом, труд по обработке земли распределялся более равномерно, а во время нападения врагов для защиты можно было использовать более крупные и сильные силы. Объединение семей составляло *деревню*, а самый сильный и способный мужчина в деревне становился ее вождем.

Со временем, как семьи сочли за благо объединиться и образовать деревни, так и деревни, живущие в одном районе, сочли за благо объединиться и образовать еще более крупное сообщество, которое стало называться королевством, поскольку вместо вождя им управлял король. Сначала царей, как и вождей, выбирали по их способностям и силе, позже должность стала наследственной и передавалась от отца к сыну.

Поскольку греческие общины жили на равнинах, отделенные друг от друга горами, вместо одного большого царства они образовали множество маленьких. В древности не было короля Греции, но Афины, Спарта, Коринф, Фивы и бесчисленные другие города имели свои собственные независимые формы правления, своих правителей, свои армии, свои корабли, и, кроме того, что все они были греками и были связаны узами языка и религии, они были совершенно независимы друг от друга. Все эти независимые города со временем стали называться городами-государствами, поскольку для греков государство означало город, территория, непосредственно окружающая его, входила в состав государства, но город был самой важной его частью.

Все сообщества всегда управляются одним из трех способов: либо одним человеком, либо несколькими людьми, либо многими людьми, и греки испробовали все эти способы, пока не нашли тот, который лучше всего отвечал их представлениям о том, каким должен быть город-государство. Все государства не развивались одинаково, но одно выделялось среди других тем, что наиболее полно соответствовало греческому идеалу. Этим государством были Афины. Ее история будет рассказана в отдельном месте, а в этой главе мы увидим, каким, по мнению греков, должно быть идеальное государство и каковы, по их мнению, обязанности хорошего гражданина.

Греческий философ Аристотель написал книгу, в которой изложил эти идеалы.^[1] Он считал, что цель существования государства состоит в том, чтобы все его граждане могли вести жизнь, которую он называл "хорошей жизнью", и под ней он понимал жизнь, которая наилучшим образом дает человеку возможность развивать свои высшие инстинкты и позволяет каждому гражданину развивать свои собственные дарования, какими бы они ни

были, самым высоким и истинным образом. Для реализации такой жизни в государстве должны царить закон и порядок, и Аристотель считал, что для обеспечения этого необходимо, прежде всего, чтобы государство не было слишком большим. Он считал, что величие государства определяется не размерами его территории или численностью населения, а тем, что, хотя определенные размеры и определенная численность помогают сделать государство достойным и благородным, если они не сочетаются с хорошим законом и порядком, государство не является великим. Государства, по его словам, подобны животным и растениям или вещам, созданным человеческим искусством, которые, если они слишком велики, теряют свою истинную природу и портятся для использования. Но как узнать, когда достигнут предел размера и численности населения? Есть ли какой-нибудь критерий, по которому можно определить, выросло ли государство или ему грозит опасность стать слишком большим?

Аристотель ответил на этот вопрос, сказав, что государство должно быть достаточно большим, чтобы включать в себя возможности для всего разнообразия и богатства того, что он называл "хорошей жизнью", но не настолько большим, чтобы граждане не могли видеть его или думать о нем в своем сознании как о едином целом, все части которого им известны. Он также считал необходимым, чтобы характер всех граждан был хорошо известен, что невозможно в слишком большом сообществе, но как иначе, спрашивал он, люди могли бы разумно избирать своих судей?

Обязанность государства, таким образом, заключалась в том, чтобы обеспечить возможность "хорошей жизни" всем своим гражданам. Каков же был греческий идеал гражданства? Прежде всего, каждый гражданин должен был принимать непосредственное и личное участие во всех делах государства. Для грека не существовало разделения между частной и общественной жизнью, все, что касалось государства, было его делом, и ожидалось, что каждый должен иметь собственное мнение, что он должен ясно мыслить по всем вопросам, представляющим общий интерес, и не позволять себе поддаваться чувствам, честно не обдумав вопрос, а для грека мышление означало прямоту, способность отличать добро от зла, справедливо судить без предрассудков и страстей, отделять важное от неважного и беспрекословно следовать туда, куда ведет истина.

Эта вера в обязанность гражданина лично участвовать в делах государства способствовала тому, что государство оставалось маленьким, ведь если каждый гражданин должен был посещать собрания, то они должны были быть такого размера, чтобы каждый мог быть услышан, если он захочет выступить, и необходимо было, чтобы очень короткое путешествие приводило сельского жителя в город для участия в делах государства, так как частые поездки и длительные отлучки от своей фермы или стада были бы невозможны для сельского жителя.

Кроме того, грек считал, что богатство дается человеку только в качестве доверия. За обладание им он получал определенные привилегии и права, но эти привилегии и права требовали от их обладателя определенных обязанностей. Чем больше человек имел, тем большего требовало от него государство; он должен был уделять свое время разработке законов, на его богатство строили корабли, оплачивали общественные праздники, украшали город красивыми зданиями, оно тратилось не на него одного, а делилось с согражданами и шло на то, что составляло их общий интерес. Это приводило к страстной преданности каждого грека своему городу, ведь каждый человек так или иначе участвовал в его создании, и, жертвуя своей жизнью в моменты опасности, он снова и снова доказывал, что действительно готов умереть за него.

Идеальный город требовал от своих граждан очень высоких стандартов, и ни одно греческое государство не достигло их в совершенстве. Но в поисках того, что они считали наивысшим совершенством, греки открыли истины как о правительстве, так и о подлинном смысле гражданства, которые остались одним из бесценных достояний человечества.

[1] "Политика" Аристотеля. См. с. 384.

ГЛАВА V

СПАРТА [1]

Из всех городов-государств Греции два выделяются на фоне остальных тем, что сыграли ведущую роль в греческой истории. Это Афины, которые наиболее близко подошли к идеальному городу-государству, и Спарта, передовое военное государство Греции.

Спарта была главным городом полуострова на юге Греции, называемого Пелопоннесом, или страной Пелопса, одного из древних мифических героев этой земли. В период греческих миграций Пелопоннес был, вероятно, последним заселенным районом, а племена, пришедшие в него, назывались дорийцами. Они вторглись в Лаконию, главным городом которой была Спарта, и заселили ее и окрестности. Спартанцами называли только жителей самого города; тех, кто был подданным города, но жил за его пределами, называли лакедемонянами.

В отличие от большинства других греческих городов, которые были хорошо укреплены и защищались цитаделью, построенной на возвышенности, Спарта, "низко расположенная среди пещерных холмов", выросла из группы деревень и не имела стен. Но если у нее не было внешних признаков безопасности от врагов, то у нее были самые могучие воины Греции, готовые защищать ее до последнего. Однажды с Ликургом, мудрецом Спарты, посоветовались, не разумнее ли построить вокруг города стену, и он ответил пришедшим к нему людям такими словами: "Хорошо укреплен тот город, у которого стена из людей, а не из кирпича".

Спартанцы всегда боялись нападения своих рабов. Это были прежние жители земли, которых спартанцы завоевали и сделали рабами. Этих рабов называли гелотами; хозяева обращались с ними сурово и часто жестоко, и при удобном случае они всегда были готовы восстать. Это была одна из причин, по которой спартанцы уделяли больше времени военной подготовке, чем другие греки. Эта общая опасность также способствовала тому, что все

спартанцы очень тесно сплотились и подчинили все остальные интересы высшему долгу - защите государства.

I. ПРАВИТЕЛЬСТВО СПАРТЫ: ЗАКОНЫ ЛИКУРГА

Спартанцы всегда считали Ликурга своим великим законодателем, хотя никогда не соглашались с тем, когда он жил. Вероятно, законы были созданы не одним законодателем, а многими мудрецами, чьи имена не были известны последующим поколениям, которые помогали создавать законы в течение долгого времени. Поскольку Ликург был тем мудрецом, чье имя было известно спартанцам, они стали обращаться к нему как к единственному законодателю, ведь именно благодаря созданному им правительству и принятым им законам Спарта стала таким великим государством. Он был братом царя Спарты, который умер, оставив наследником ребенка. Все думали, что Ликург воспользуется возможностью захватить трон и сделать себя царем, но он заявил, что будет править только до тех пор, пока его племянник не станет достаточно взрослым, чтобы стать царем. Однако некоторые люди не поверили в это, и против его жизни были организованы заговоры. Это заставило Ликурга на время покинуть Спарту и посетить другие страны, чтобы научиться у них тому, что может пригодиться ему самому. Сначала он отправился на Крит, где,

рассмотрев несколько форм правления и познакомившись с главными людьми среди них, он одобрил некоторые из их законов и решил использовать их в своей стране. С Крита он отплыл в Азию, намереваясь, как говорят, изучить разницу между нравами и правилами жизни критян, которые были очень трезвыми и умеренными, и ионийцев, народа пышного и деликатного, и таким образом составить свое мнение. В Спарте очень скучали по Ликургу и часто посылали за ним, "ведь у нас есть цари, - говорили люди, - которые носят маски и принимают царские титулы, но что касается качеств их ума, то у них нет ничего, по чему их можно было бы отличить от их подданных".

Только Ликург, говорили они, знал, как править и как заставить народ повиноваться ему.

Ликург вернулся, но по пути зашел в Дельфы посоветоваться с Аполлоном, и оракул назвал его "возлюбленным богом" и сказал ему:

Вот, ты пришел, о Ликург, в это богатое святилище моего храма, любимый Зевсом и всеми, кто владеет обителью Олимпа. Назвать ли тебя богом, сомневаюсь я, в голосах моих пророческих, Богом или человеком, но скорее богом я думаю, о Ликург". [].²

Далее оракул сказал, что "его молитвы были услышаны, что его законы должны быть самыми лучшими, а государство, которое их соблюдает, - самым известным в мире".

По возвращении в Спарту Ликург первым делом реформировал правительство. Теперь оно должно было состоять из трех частей: царей, сената или совета и собрания. В Спарте всегда было два царя, которые сменяли друг друга от отца к сыну. Именно им принадлежало право командовать армией на войне, их всегда сопровождала телохранительница из специально

подобранных людей, на общественных жертвоприношениях и играх они занимали особые почетные места, а на всех банкетах и пирах им подавали двойные порции всего. Когда государству требовалось посоветоваться с оракулом, один из царей принимал решение о том, кого послать.

Сенат или Совет состоял из двух царей, которые были членами по праву своего рождения, и еще двадцати восьми человек, которые избирались сенаторами пожизненно. Каждый кандидат должен был достигнуть шестидесяти лет, так как Ликург считал, что пока человек не достигнет этого возраста, он недостаточно мудр и не достаточно пригоден для того, чтобы доверить ему верховную власть.

не достаточно мудр и не достаточно пригоден для того, чтобы доверить ему верховную власть над жизнями и высшими интересами всех его соотечественников. Избрание происходило следующим образом: народ созывался вместе, некоторые избранные лица запирались в комнате неподалеку от места избрания, причем так, чтобы они не могли ни видеть, ни быть увиденными, но могли только слышать шум собрания снаружи; ведь они решали это, как и большинство других важных дел, по крикам народа. Таким образом, конкурсантов приводили и представляли не всех вместе, а одного за другим по жребию, и они проходили по порядку через собрание, не произнося ни слова. У тех, кто сидел взаперти, были с собой письменные столы, на которых они записывали и отмечали каждый крик по его громкости, не зная, в пользу кого из кандидатов он был сделан, а только то, что он был первым, вторым, третьим и так далее. Тот, кто получал наибольшее количество и громче всех аплодировал, объявлялся избранным сенатором. После этого ему на голову надевали гирлянду, и он отправлялся в процессии во все храмы, чтобы воздать благодарность богам.

В обязанности сената входила подготовка всех законов и вопросов, представляющих общественный интерес, которые должны были выноситься на рассмотрение общего собрания; он выступал в качестве судебной инстанции по уголовным делам, и его решения имели большой вес.

Каждый спартанский гражданин старше тридцати лет был членом собрания. Обязанностью спартанцев в собрании было одобрить или не одобрить все вопросы, вынесенные на их рассмотрение сенатом. Именно они избирали сенаторов и всех остальных магистратов, объявляли войну и заключали мир. Несмотря на существование этого собрания граждан, управление Спартой фактически находилось в руках сената, поскольку члены собрания могли не обсуждать законы, представленные на их утверждение, а только ратифицировать или отвергать их. Простым гражданам не давали возможности долго говорить на публике. Спартанцы не любили длинных речей, и Ликург считал, что никому не следует позволять много говорить, если он не может в нескольких словах сказать много полезного и нужного. Эта манера говорить стала настолько характерной для мужчин из Лаконии, что ее называли их именем, и даже сегодня речь, которая является короткой, резкой и точной, называют *лаконичной*. Об этой спартанской манере речи рассказывают много историй. Однажды царь Леонид сказал человеку, который говорил о каком-то важном деле, но в неподходящее время и в неподходящем месте: "Многое к месту, господин, в другом месте"; а тот, кто все время требовал ответа на вопрос "Кто лучший человек в Лакедемон?", получил в ответ: "Тот, господин, кто меньше всего похож на тебя".

Спустя долгое время после смерти Ликурга для помощи в управлении страной был избран еще один специальный орган. Этих людей называли эфорами, и их было пять. В их

обязанности входило следить за поведением царей, за тем, чтобы законы исполнялись, а в государстве поддерживались порядок и дисциплина. Вероятно, ни одно греческое государство не подчинилось бы такому надзору, но спартанцы были хорошо дисциплинированы и не смотрели на такую должность как на то, что она как-то мешает их личной свободе. Платон, написав много позже об их власти, сказал, что она была "очень похожа на власть тирана".

II. ОБЫЧАИ В СПАРТЕ

Создав правительство, Ликург решил ввести среди спартанцев то, что считал хорошими обычаями. Первым делом он перераспределил землю между гражданами. Он обнаружил, что одни очень богаты, а другие бедны, и решил, что все они должны жить вместе, делясь во всем одинаково. Поэтому он разделил землю на участки и распределил их поровну между всеми горожанами. После того как это было сделано и наступило время сбора урожая, Ликург, "увидев, что все стога стоят одинаково, улыбнулся и сказал окружающим: "Кажется, вся Лакония похожа на одно семейное поместье, только разделенное между несколькими братьями"".

Во время своих путешествий по другим частям света Ликург имел возможность сравнить богатые государства с бедными, и он пришел к выводу, что самые богатые не всегда управляются лучше других, а богатство не всегда приносит счастье. Он твердо решил, что спартанцы должны стать хорошими солдатами и что они должны быть великими в войне, так как считал, что простые привычки и простота жизни легче приобретаются народом воинов, чем народом, преданным только миру. Для этого он хотел, чтобы в Спарте не было ни богатых, ни бедных, но чтобы все были одинаковы. Ликург, однако, был достаточно мудр, чтобы понимать, что одни люди всегда сумеют заработать больше денег или накопить больше, чем другие, поэтому вместо того, чтобы разделить все деньги в государстве поровну между всеми, он

велел призвать всю золотую и серебряную монету и пустить в ход только железные деньги, вес и количество которых были очень малы; так что для того, чтобы сложить двадцать или тридцать фунтов, требовался довольно большой шкаф, а для того, чтобы его вынуть, - не меньше воловьего ярма.

Это не только не позволило одному человеку стать слишком богатым, но и уменьшило количество воровства в Спарте, ведь никто не хотел красть то, что не имело ценности.

Отсутствие денег также привело к отказу от роскоши, так как

Не было больше средств покупать иностранные товары; купцы не присылали в лаконские порты корабли; ни один золотых или серебряных дел мастер, гравер или ювелир не ступал в страну, где не было денег, так что роскошь расточилась и угасла сама собой.

Все необходимое в своих домах спартанцы должны были делать сами, используя лишь самые простые инструменты, а сами дома были построены грубо. Закон требовал, чтобы

Потолки в домах должны были коваться только топором, а ворота и двери сглаживаться только пилой, и поскольку никто не мог обставить такие простые и обычные комнаты кушетками на серебряных ножках, пурпурными покрывалами и золотыми и серебряными пластинами,

Все спартанцы привыкли к самой простой и незатейливой обстановке.

Рассказывают, что один из их царей был настолько непривычен к иному виду работ, что, будучи принят в Коринфе в величественной комнате, он был очень удивлен, увидев дерево и потолок с такой тонкой резьбой и панелями, и спросил своего хозяина, растут ли такие деревья в его стране.

Последний закон, принятый Ликургом для обеспечения простоты жизни, заключался в том, что все спартанские мужчины и юноши должны были питаться за общими обеденными столами, и им разрешалось есть только ту пищу, которая была разрешена законом. За каждым столом сидело около пятнадцати человек, которые совместно обеспечивали себя едой; каждый из них был "обязан приносить ежемесячно бушель муки, восемь галлонов вина, пять фунтов сыра, два с половиной фунта смокв и некоторую очень небольшую сумму денег, на которую можно было купить мясо и рыбу". Вся еда готовилась очень просто, но "самым знаменитым блюдом был черный бульон, который так ценился, что пожилые мужчины питались только им, оставляя молодым то, что было мясом". Другие греки, однако, считали этот черный бульон очень неприятным.

По обычаю, за одним столом должны были сидеть только те, кто дружелюбно относился друг к другу. Когда к какому-то столу хотел присоединиться новый человек, все сидящие за ним голосовали, хотят ли они его видеть или нет. Вокруг стола ставили урну, и каждый присутствующий опускал в нее маленький шарик хлеба. Те, кто голосовал за новичка, опускали шарики, не меняя их формы, а те, кто голосовал против, сплющивали шарик пальцами, прежде чем положить его в урну. Одного плоского шара было достаточно, чтобы исключить человека из-за стола.

Когда ужин заканчивался, "каждый мужчина отправлялся к себе домой без света, так как пользоваться им во всех случаях было запрещено, чтобы приучить себя смело идти в темноте".

III. СПАРТАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Ликург твердо решил, что каждый спартанец должен быть обучен так, чтобы стать хорошим воином, и некоторые из его важнейших законов касались воспитания детей. Как только ребенок появлялся на свет, его несли к

Старейшины племени, к которому он принадлежал, внимательно осматривали младенца и, если находили его крепким и хорошо сложенным, отдавали распоряжение о его воспитании, а если находили его тщедушным и плохо сложенным, приказывали отнести его в пещеру на горе Тайгет, где его оставляли погибать, так как не считали ни благом самого ребенка, ни общественным интересом, чтобы его воспитывали, если он с самого начала не будет выглядеть здоровым и энергичным.

В Спарте верили, что вино укрепляет лучше, чем вода для купания, и поэтому первое купание ребенка всегда происходило в вине.

Кормилицы проявляли много заботы и искусства; дети росли свободными, не стесненными в движениях и формах, не прихотливыми в еде, не боялись темноты, не оставались одни, не проявляли ни капризов, ни плохого настроения. По этой причине спартанских нянек часто нанимали жители других стран.

В возрасте семи лет спартанские мальчики покидали свои дома и своих матерей, а остальное их воспитание брало на себя государство.

Как только им исполнялось семь лет, их зачисляли в определенные роты и классы, где они жили в едином порядке и дисциплине, вместе делали упражнения и играли. Из них тот, кто проявлял наибольшее поведение и мужество, становился капитаном; они всегда смотрели на него, подчинялись его приказам и терпеливо переносили любые наказания, которые он накладывал; так что весь курс их воспитания был одним непрерывным упражнением в готовности и совершенном послушании. Чтение и письмо они давали им в достаточном количестве, чтобы они могли выполнять свои обязанности; их главной заботой было сделать из них хороших подданных, научить их терпеть боль и побеждать в бою.

По мере взросления спартанских мальчиков приучали к всевозможным лишениям. Они носили очень мало одежды, даже в зимнюю стужу, и один плащ должен был служить им целый год.

После двенадцати лет они жили небольшими группами на кроватях из камыша, растущего у берегов реки Евротас, который они должны были срывать руками без ножа. Старики присматривали за ними в это время, часто приходя на территорию, чтобы услышать и увидеть, как они соревнуются друг с другом в остроумии или силе, причем серьезно и с большим беспокойством; так что едва ли находилось время или место, где не присутствовал бы кто-нибудь, чтобы напомнить им об их долге и наказать их, если они пренебрегали им.

Кроме того, всегда находился один из лучших и честнейших людей в городе, которому поручалось руководить ими; он снова распределял их по группам и ставил над каждой из них капитаном самого умеренного и смелого из тех, кого они называли иренами, обычно двадцатилетнего возраста. Этот юноша, таким образом, был их капитаном в бою и хозяином дома, используя их для работы в своем доме; он посылал самых старых из них за дровами, а более слабых и менее способных - собирать салат и травы, и они должны были либо обходиться без них, либо воровать; что они и делали, пробираясь в сады или хитро и близко проникая в съестные припасы; если они были схвачены на месте, их били плетью без жалости за то, что они так плохо и неуклюже воровали. Они воровали и все остальное мясо, которое попадалось им под руку, высматривая и наблюдая за всеми возможностями, когда люди спали или были более беспечны, чем обычно.

Если их ловили, то наказывали не только розгами, но и голодом, потому что тогда им сокращали их обычное довольствие, которое специально было очень маленьким, чтобы заставить их прибегнуть к хитрости и мастерству, если они захотят его пополнить. "Лакедемонские дети так серьезно занимались воровством, что один юноша, украв молодую лисицу и спрятав ее под плащом, так растерзал зубами и когтями, что скорее умер, чем увидел ее".

Спартанские юноши по мере взросления подвергались суровой дисциплине. Каждый год старших мальчиков прилюдно били плетью перед алтарем Артемиды, чтобы научить их терпеть боль без крика, и говорят, что некоторые мальчики скорее умирали от этой порки, чем произносили жалобы.

Ирен обычно оставался с ними ненадолго после ужина, в это время он предлагал одному из них спеть песню, другому задавал вопрос, требующий обдуманного и взвешенного ответа, например, "Кто лучший мужчина в городе? Что он думает о таком-то поступке такого-то человека? Так они рано приучали их выносить верное суждение о людях и вещах, а также узнавать о способностях или недостатках своих соотечественников. Кроме того, они должны были хорошо обосновывать свои слова, причем как можно реже; того, кто не справлялся с этим или отвечал не по делу, хозяин укусывал за большой палец. Иногда Ирэн делал это в присутствии стариков и судей, чтобы они могли видеть, справедливо он наказывает или нет; а когда он поступал неправильно, они не обличали его перед мальчиками, но, когда они уходили, его призывали к ответу и подвергали исправлению, если он впадал в крайности снисходительности или строгости.

Кроме того, желая крепко заложить в их юные души корень скромности, Ликург ввел для этих больших мальчиков особое правило. На улицах они должны были держать обе руки в складках плаща; ходить молча, не поворачивая головы, чтобы поглазеть - то туда, то сюда, - а смотреть только на землю перед собой. И скорее можно было ожидать, что каменное изображение обретет голос, чем один из этих спартанских юношей; отвести глаза какой-нибудь бронзовой статуе было не так сложно. [].³

Мальчики не тратили много времени на обучение чтению и письму; большая часть их образования была посвящена гимнастическим упражнениям, бегу, прыжкам, боксу и борьбе, а также всем видам упражнений, которые могли бы помочь им стать храбрыми и

выносливыми солдатами. Они учились музыке, в основном пению, но пели только те песни, которые наполняли их жизнью и духом, а боевые песни исполняли с большим энтузиазмом.

Во время войны со спартанскими юношами обращались чуть менее сурово, чем во время домашних тренировок. Им разрешалось завивать и украшать свои волосы, иметь дорогое оружие и красивую одежду. У них и одежда была лучше, и офицеры не были так строги к ним. Они выходили на битву под звуки музыки. "Это было одновременно великолепное и ужасное зрелище - видеть, как они маршируют под звуки своих флейт, без какого-либо беспорядка в рядах, без какого-либо разлада в умах или изменения в лице, спокойно и весело двигаясь вместе с музыкой к смертельной схватке".

Спартанская дисциплина не заканчивалась, когда мальчики и юноши становились мужчинами.

Дисциплина сохранялась и после того, как они становились взрослыми мужчинами. Никому не позволялось жить по собственному вкусу; город был своего рода лагерем, в котором каждый мужчина свою долю провизии и дел, и считал себя рожденным служить не столько собственным целям, сколько интересам своей страны.

Photo Anderson.

A GIRL RACER.
Early 5th Century B.C
Vatican, Rome.

ДЕВУШКА-ГОНЩИЦА.
Начало V века до н.э.
Ватикан, Рим.

Девочки получали домашнее образование, но, как и мальчики, проходили гимнастическую подготовку, учились бегать и бороться, метать квоит и дротики, быть такими же сильными и храбрыми, как их братья. Как спартанских мальчиков готовили стать хорошими солдатами, готовыми умереть за Спарту, так и девушек готовили стать хорошими женами и матерями спартанских мужчин, а если они сами не могли умереть за свою страну, то быть готовыми пожертвовать теми, кого они любили больше всего. Каждый спартанец, отправляясь на войну, брал с собой щит, который был настолько тяжелым, что, если он убегал от врага, ему приходилось его выбрасывать, поэтому считалось большим позором вернуться домой без щита; если спартанец погибал в бою, его несли домой на нем. Спартанские матери знали об этом и, прощаясь со своими сыновьями, уходящими на войну, просили их возвращаться домой со щитами или на них.

Спартанцы очень почитали своих женщин; они прислушивались к их советам и часто выполняли их. Однажды одна из жительниц другого города сказала спартанцу: "Вы единственные женщины в мире, которые могут управлять мужчинами". "С полным основанием", - ответил тот, - "потому что мы единственные женщины, которые производят на свет мужчин".

Установив все эти законы и обычаи, Ликург запретил спартанцам путешествовать, опасаясь, что общение с чужеземцами привьет им дурные привычки и вызовет недовольство их простым образом жизни. "Он старался уберечь свой город от заражения чужеземными дурными привычками, как обычно люди стараются предотвратить занесение моровой язвы".

Наконец наступило время, когда Ликург почувствовал, что его законы и обычаи прочно укоренились, стали привычными для народа, но он боялся, что после его смерти они могут быть изменены. Тогда он придумал план, как сделать так, чтобы они сохранились навсегда. Он созвал специальное собрание людей и сказал им, что все уже устоялось, но есть еще один вопрос, по которому он хотел бы посоветоваться с оракулом. Перед тем как отправиться в путь, он заставил двух королей, сенат и все собрание дать торжественную клятву, что они будут соблюдать его законы без малейших изменений до его возвращения. "Сделав это, он отправился в Дельфы и, предварительно принеся жертву Аполлону, спросил бога, хороши ли его законы и достаточны ли они для счастья и добродетели его народа". Оракул ответил, что законы превосходны и что государство, соблюдающее их, должно пользоваться большой славой. Ликург отправил этот оракул в письменном виде в Спарту, а затем, еще раз принеся торжественную жертву, расстался со своими друзьями и, чтобы не освобождать спартанцев от данной ими клятвы, покончил с собственной жизнью, тем самым обязав их вечно соблюдать его законы. Он не обманулся в своих надеждах, ведь Спарта оставалась одним из величайших греческих государств, как рассказывает Плутарх, до тех пор, пока соблюдала законы Ликурга.

[1] Если не указано иное, все цитаты в этой главе взяты из Плутарха: *Life of Lycurgus*.

[2] Геродот, I.

[3] Ксенофонт: *Конституция лакедемонян*.

ГЛАВА VI

РОСТ АФИН

I. ПЕРВЫЕ АФИНЫ

Афины были самым красивым городом Греции. Он вырос у подножия высокой скалы, известной как Акрополь, которая в древние времена была цитаделью, защищавшей город. Акрополь имел очень крепкие стены, главный вход охраняли девять ворот, что, должно быть, делало его практически невозможным для врага, а внутри крепости находился колодец, так что у защитников всегда была вода. Но история почти ничего не рассказала нам о могущественных владыках, построивших эту крепость, и о жизни людей, над которыми они правили.

Но если история молчит, то легенда может многое рассказать. Самыми первыми правителями Афин были цари, и одним из первых среди них был Кекропс. Вокруг его имени собирались всевозможные истории, и считалось, что он не совсем человек, а существо, выросшее из земли и являющееся наполовину человеком, наполовину змеей. Именно когда он был царем, состоялось состязание, кто будет главным хранителем города - сероглазая богиня мудрости Афина или морской владыка Посейдон. Победа была присуждена Афине, которая, взяв свое копье, вонзила его в землю, после чего чудесным образом появилось оливковое дерево. Посейдон подарил лошадь Афинам, а по легенде, ударив трезубцем по скале, извлек чистую соленую воду, которую также подарил афинянам. Навсегда олива стала ассоциироваться не только с Афиной, но и с Аттикой и ее городом Афинами, а для афинянина море стало почти вторым домом.

Древние цари претендовали на происхождение от богов. Они были не только законодателями, но и судьями, первосвященниками, а во время войны - полководцами. Все, кого притесняли, имели право обратиться к царю, и его решения были окончательными. Хотя царь был верховным правителем, существовали собрания главных людей, всегда называемых старейшинами, и народа, которые собирались всякий раз, когда царь созывал их вместе. Эти собрания важны не потому, что в ранние времена они обладали реальной властью, ведь они собирались только для того, чтобы услышать, что собирается сделать король, и никогда не обсуждали, а потому, что именно из этих собраний развилась власть народа над собой.

Величайшим из ранних царей был Тесей, который убил Минотавра и освободил Афины от уплаты дани Миносу, морскому царю Крита. Больше всего он запомнился своим соотечественникам тем, что именно Тесей объединил всю Аттику под руководством Афин. До этого времени все города и деревни Аттики были независимыми, но он "собрал всех жителей Аттики в один город, сделал их жителями одного города... и дал всему государству имя Афины". [1] Легенда рассказывает о нем, что он был добр и милосерден ко всем

нуждающимся и защищал всех угнетенных, но он чем-то обидел богов и умер в изгнании вдали от Афин. Спустя много веков после этого афинский полководец Цимон захватил остров, на котором, по преданию, был похоронен Тесей. Цимон

очень хотел узнать место, где был похоронен Тесей, и случайно увидел орла на возвышенности, как вдруг ему пришло в голову, словно по божественному вдохновению, раскопать там землю и поискать кости Тесея. В том месте был найден гроб мужчины более чем обычного размера, медный наконечник копья и меч, лежавший рядом, и все это он взял на борт своей галеры и привез с собой в Афины. Афиняне, придя в восторг, вышли встречать и принимать мощи с пышными процессиями и жертвоприношениями, как будто это сам Тесей вернулся живым в город. Его гробница стала прибежищем и убежищем для рабов и всех тех, кто находится в плохом состоянии и бежит от преследований власть имущих, в память о том, что Тесей при жизни был помощником и защитником страждущих и никогда не отказывал в просьбах страждущих, которые бежали к нему". [].2

II. ПРАВЛЕНИЕ НЕМНОГИХ: ОЛИГАРХИЯ

Неизвестно точно, как долго длилось правление царей в Афинах, но, похоже, они постепенно теряли свою власть, и в конце концов были назначены другие магистраты, чтобы помочь им править. Первые цари были наследственными правителями; когда их власть ослабла, хотя они уже не были единственными правителями Афин, эти наследственные цари все еще сохраняли свой пост пожизненно. Позже они правили пожизненно, но избирались; следующим изменением стало избрание нового царя каждые десять лет, и, наконец, произошло величайшее из всех изменений, когда старая должность царя была упразднена, а власть, которая раньше находилась в руках одного человека, была передана трем: Архон, греческий титул, означающий *правитель*, который был главным представителем государства и давал свое имя году, Царь-Архон, который был главным жрецом и имел власть над всеми жертвоприношениями, приносимыми государством, и Полемарх, или Военный Архон, который был главным генералом. Также избирались шесть других архонтов, в обязанности которых входило помогать остальным и следить за соблюдением законов государства.

Не каждый мог стать архонтом; избираться могли только люди из знатных семей, поэтому власть переходила в руки немногих. Правление немногих называется *олигархией*, и это был второй шаг, который сделали афиняне на пути к самоуправлению.

Поначалу это правление было хорошим, так как на собственном опыте вельможи научились многому в искусстве управления; они поняли, что порядок в государстве лучше беспорядка, и установили высокие стандарты преданности общественному долгу. Но все вельможи принадлежали к одному классу людей, они были самыми образованными и богатыми, и вместо того, чтобы использовать свои преимущества положения, образования и богатства для блага всего государства (идеал, разработанный в более поздние годы афинянами), они стали считать эти вещи своей исключительной собственностью и стали очень узкими и нетерпимыми. Они считали себя во всех отношениях выше простого народа и стали издавать законы, выгодные только им, игнорируя права других, особенно бедняков.

Дворяне получили свою власть благодаря тому, что выступали против правления одного человека, но когда власть перешла в их руки, они оказались неспособны быть справедливыми по отношению ко всем, и их правление стало таким же нетерпимым, как и правление королей. Тогда их власть была поставлена под сомнение, и люди начали задавать друг другу вопросы. В чем разница, спрашивали они, между богатыми и бедными, между знатными и простыми людьми, между свободными и рабами? Кто такие граждане, спрашивали они, и что значит быть гражданином? Чем больше народ задавал вопросов, тем сильнее становился гнет и несправедливость знати, и условия в Афинах становились все хуже. Многие способствовали возникновению духа недовольства: войны, неурожаи и голод, очень суровые законы, позволявшие должникам, которые не могли выплатить свои долги, продавать себя в рабство. Возникли ссоры, и люди все больше и больше сомневались в справедливости всего этого. Они сказали:

Но вы, у кого есть запасы земли, кто насытился и переполнился,
Сдерживайте свою разбухшую душу, успокаивайте ее и сдерживайте;
Пусть сердце, которое велико в вас, будет обучено более низкому пути;
Вы не будете иметь все по вашей воле, мы не будем вечно повиноваться. [].³

III. СОЛОН, АФИНСКИЙ МУДРЕЦ, И ПРАВЛЕНИЕ МНОГИХ []⁴

Именно в это время смятения и бедствий появился Солон, один из семи мудрецов Греции. По происхождению он был знатного рода, но в начале своей жизни был бедным человеком и занимался торговлей. Позднее наступило время, когда купец не считался равным благородному, и Плутарх, написавший жизнь Солона спустя семьсот лет после его смерти, оправдывается тем, что он занимался торговлей.

В его время, как говорит Гесиод, "работа не была постыдной ни для кого", и в торговле не было никакого различия, но торговля была благородным занятием, которое приносило домой блага, которыми наслаждались варварские народы, было поводом для дружбы с их царями и большим источником опыта.

Солон наслаждался путешествием и знакомством с новыми вещами, и это удовольствие не покидало его до глубокой старости, ибо в старости он говорил, что

Каждый день он становился старше и узнавал что-то новое.

Незадолго до этого Афины вели войну с соседней Мегарой за владение Саламином, ранее принадлежавшим Афинам, - островом, расположенным так близко к афинской гавани, что его принадлежность Афинам была абсолютно необходима. Но война была долгой и безуспешной, и ни одна из сторон не одержала победы. Афиняне настолько "устали от этой утомительной и трудной войны, что издали закон, согласно которому любой человек, письменно или устно утверждающий, что город должен попытаться вернуть остров, должен

быть смертельно ранен". Солон счел это большим позором и, зная, что тысячи афинян последуют за ним, если только один человек будет достаточно храбр, сочинил несколько пламенных стихов, которые произнес на рыночной площади.

Я пришел как вестник, сам себя пославший, из Саламиса, прекрасного острова,
И весть, которую я доношу до ваших ушей, я превратил в песню.

Страну и имя я бы сменил, пусть лучше скажут все люди,
"Это один из трусливых, ленивых афинян,

Кто упустил Саламис из рук, когда он был
когда он принадлежал им для удара!"

Итак, к Саламину, братья! Давайте сражаться за
прекрасный остров,
Отбросив навсегда от себя груз невыносимого позора. []⁵

До нас дошла лишь часть этих стихов, но они настолько вдохновили афинян, что было решено предпринять еще одну попытку отвоевать Саламин, и на этот раз им это удалось. Саламин был отвоеван, но ситуация в Афинах оставалась такой же несчастливой, как и прежде. Теперь Солон был в таком почете, что, как нам говорят, "мудрейшие из афинян просили его оказать помощь содружеству". Он согласился и был избран архонтом в 594 году до нашей эры.

Первое, что сделал Солон, - облегчил положение должников. Для этого он аннулировал все долги, освободил всех, кто был рабами за долги, и законодательно запретил афинянам отдавать в залог себя, свою жену или своих детей. Это принесло такое облегчение государству, что в честь этого события был устроен праздник под названием "Снятие бремени".

Солон хотел навести порядок в отвлеченном городе, который он любил, так как считал, что порядок - одно из величайших благ, которые может иметь государство, поэтому он приступил к работе над реформой управления государством, чтобы уменьшить власть знати и обеспечить справедливость для народа. "Во-первых, он отменил все законы Драко" (Драко был предыдущим законодателем в Афинах), "потому что они были слишком суровы, а наказания слишком велики; ведь смерть назначалась почти за все преступления, так что в последующие времена говорили, что законы Драко были написаны не чернилами, а кровью".

Солон реформировал управление государством таким образом, что даже самые бедные граждане имели политические права. Не все они могли быть архонтами, но в Афинах, как и в Спарте и других греческих государствах, было общее собрание народа, и все они могли голосовать на нем, а также принимать участие в избрании магистратов. Признавая права более бедных граждан, Солон считал необходимым сохранить определенную часть власти знати, а налогообложение и общественную службу государству он организовал таким

образом, что чем больше богатство человека и чем выше его положение, тем больше государство требовало от него как службы, так и денег. Сам Солон говорил об этих законах:

Я дал массе народа такое звание, какое соответствовало их нуждам,
Я не отнимал у них чести и ничего не давал их жадности;
В то время как те, кто был богат властью, кто в богатстве был славен
и велики,
Я решил, что ничто не должно постигнуть их, недостойное их
блеска и состояния;
И я стоял с протянутым щитом, и оба были в безопасности.
и оба были в безопасности,
И не хотел я, чтобы победил кто-то из них, когда победа
не было за правым. []6

Солон не всем угождал своими законами, и когда

к нему каждый день приходили некоторые, чтобы похвалить или похвалить их, посоветовать, если возможно, опустить или вставить что-нибудь, и просили объяснить и рассказать смысл такого-то и такого-то места, он, зная, что это бесполезно, и не сделать этого - значит навлечь на себя дурную славу, так трудно, как он сам говорит, в больших делах удовлетворить все стороны, купил торговое судно и, получив отпуск на десять лет отсутствия, уехал, надеясь, что к тому времени его законы станут привычными.

Он пробыл вдали десять лет, а затем вернулся в Афины. Больше он не принимал участия в государственных делах, но был всеми почитаем и уважаем до самой смерти.

Во время своих путешествий Плутарх рассказывает, что он посетил Крез, богатого царя Лидии. Этого визита не могло быть, так как Солон умер в Афинах как раз в тот момент, когда Крез вззошел на трон. Собственно говоря, Плутарх прекрасно знал об этом, но он говорит, что должен рассказать столь знаменитую историю, даже если она не соответствует действительности, потому что она так характерна для Солона и так достойна его мудрости и величия ума, и что было бы глупо опускать ее из-за несоответствия определенным датам, относительно которых в любом случае все расходилось во мнениях!

Говорят, что Солон, придя к Крезу по его просьбе, находился в таком же состоянии, как и житель материка, когда он впервые отправляется посмотреть на море; Ибо как любая река, которую он встречает, кажется ему океаном, так и Солон, проходя через двор и видя множество вельмож, богато одетых и гордо сопровождаемых множеством стражников и лакеев, принимал каждого за царя, пока его не привели к Крезу, который был украшен всеми возможными редкостями и диковинками, драгоценными камнями, пурпуром и золотом, что могло сделать его великим и великолепным зрелищем. Когда Солон предстал перед ним и, казалось, ничуть не удивился, он приказал открыть все свои сокровищницы и повести его посмотреть на роскошную мебель и предметы роскоши, хотя он этого и не хотел; и когда он вернулся после осмотра всего, Крез спросил его, знал ли он когда-нибудь более счастливого человека, чем он. И когда Солон ответил, что знал одного Теллуса, своего согражданина, и рассказал, что этот Теллус был честным человеком, имел хороших детей, богатое имение и

храбро погиб в бою за свою страну, Крез принял его за невоспитанного человека и глупца. Однако он снова спросил его, знает ли он, кроме Теллуса, еще какого-нибудь человека, более счастливого. И Солон ответил: "Да, два человека, которые были любящими братьями и чрезвычайно послушными сыновьями своей матери, и когда волю задержали ее, запряглись в повозку и повезли ее в храм Геры, соседи называли ее счастливой, а она сама радовалась; затем, после жертвоприношения и пира, они легли отдохнуть и больше не вставали, а умерли среди своей чести безболезненной и безмятежной смертью". "Что, - гневно сказал Крез, - и ты совсем не причисляешь нас к счастливым людям?" Солон, не желая ни льстить, ни раздражать его еще больше, ответил: "Боги, о царь, дали грекам все остальные дары в умеренной степени, и поэтому наша мудрость тоже веселая и домашняя, а не благородная и царственная, и только того, кому божество сохранило счастье до конца, мы называем счастливым".

Эта история характерна не только для Солона, но и для греческого духа. Этот дух не любил крайностей, роскоши и показухи, и он верил, что есть слава, которую не купишь за деньги. Грек, получивший в награду венок из оливковых листьев, добился величайшего успеха, известного в Греции. Однажды эту историю рассказали одному знатному человеку, который пришел с персидским царем, чтобы вторгнуться в Грецию, и, услышав ее, он воскликнул: "Что это за люди, с которыми ты привел нас сражаться, которые вступают в борьбу не ради денег, а ради чести!" Таков был дух Греции.

IV. ТИРАНЦЫ

Афины обрели политическую свободу не без борьбы. Она перешла от правления одного человека, царя, к правлению немногих, олигархии, а затем, благодаря законодательству Солона, к правлению многих, народа. Но в этот период перемен время от времени предпринимались попытки могущественных лидеров взять власть полностью в свои руки. Таких лидеров, которые хотели захватить власть и править единолично, греки называли *тиранами*. Всегда существовала опасность, что такой правитель, не имея в государстве авторитетов, которые могли бы его контролировать, станет суровым и деспотичным, но так было не всегда. Хотя правление одного человека никогда не является лучшим видом правления, некоторые греческие тираны внесли реальный вклад в развитие государств, которыми они управляли. Как правило, они были образованными людьми, поощряли искусство и литературу; они всегда были честолюбцами и часто мечтали распространить свою власть за пределы собственного государства, и хотя это были сугубо личные и эгоистические амбиции, усилия по их реализации привели греков к соприкосновению с вещами, которые до сих пор оставались за пределами их горизонта, ведь в эпоху тиранов ни один грек еще не мечтал и не видел видений империи.

Не всегда попытки стать тираном увенчивались успехом. Примерно за сорок лет до того, как Солон стал архонтом, власть попытался захватить богатый афинянин Кайлон, принадлежавший к хорошей семье и пользовавшийся популярностью как победитель в Олимпии. Он посоветовался с оракулом, который посоветовал ему предпринять попытку во время великого праздника Зевса. Он, как и все греки, воспринял это как Олимпийские игры, поэтому дождался их начала, а затем вместе со своими друзьями напал на Акрополь и фактически овладел цитаделью. Но, похоже, оракул, давая один из тех ответов, смысл

которых неясен, имел в виду праздник в честь Зевса в Афинах, а не в Олимпии, и попытка Кайлона не увенчалась успехом. Некоторые из заговорщиков бежали, а другие укрылись в храме Афины. Здесь они были в безопасности, ведь никто не посмел бы тронуть того, кто отдал себя под защиту богини в ее святилище. Но в храме не было ни еды, ни питья, а так как никто не приносил им их, некоторые из них умерли от голода, и Сайлон был вынужден тайно бежать. Тогда архонт сказал оставшимся, что если они сдадутся, то их жизни будут пощажены. Те согласились, но, не вполне доверяя архонту, привязали длинную веревку к статуе Афины и держали ее, пока спускались с холма, чтобы под защитой богини оставаться в безопасности. Однако на полпути веревка порвалась, и архонт, заявив, что это свидетельствует о том, что Афина отказалась от своей защиты, приказал предать мужчин смерти. Афиняне расценили это как большое преступление, так как считали его не только предательством, но и святотатством, и нажили архонту много врагов. Они объявили, что в наказание за этот поступок проклятие ляжет на него и на всех его потомков. Его род происходил от Алкмеона, поэтому о проклятии говорили как о проклятии Алкмеонидов, и враги этого рода всегда приписывали ему все несчастья, случившиеся с городом.

Самым известным тираном в Афинах был Писистрат. Пока Солон был в отъезде, в городе снова вспыхнули ссоры, а когда он вернулся, то, хотя и не принимал активного участия в делах, пытался путем частных бесед с лидерами различных группировок восстановить мир, но безуспешно. "Пеисистрат был очень ровным и увлекательным в речи, большим другом бедных и умеренным в обидах, так что ему доверяли больше, чем другим лидерам". [7] Таким образом, он стал очень популярен и обманул людей, заставив их думать, что он желает служить государству, в то время как на самом деле он делал все возможное, чтобы удовлетворить свои собственные амбиции и стать единоличным правителем Афин. Чтобы заполучить сторонников, он однажды появился на рынке на своей колеснице, которая была окроплена кровью, а сам он казался раненым. Когда его спросили, в чем дело, он ответил, что эти раны нанесли ему враги. Тогда один из его друзей заявил, что афиняне не должны допустить подобного, и посоветовал, чтобы его сопровождал телохранитель из пятидесяти человек, чтобы защитить его от дальнейшего нападения. Так и было сделано, после чего с их помощью Писистрат овладел Акрополем. Но его силы оказались недостаточно, чтобы удержать его, и он и его сторонники были изгнаны из Афин.

Однако вскоре Пеисистрат вернулся, придумав любопытный план, с помощью которого он мог бы обмануть афинян, заставив их поверить в то, что на его правление есть воля богов. Во время праздника в сопровождении большого количества молодежи он въехал в Афины на своей колеснице, а рядом с ним стояла высокая и красивая женщина, одетая как сама Афина, со щитом и копьем. Народ закричал, что сама богиня сошла с Олимпа, чтобы оказать Писистрату свою благосклонность, и его приняли как тирана. Но он снова был изгнан своими врагами. Он отсутствовал десять лет, а затем снова собрал войско и двинулся на Афины. Он снова добился успеха и вошел в город. На этот раз ему никто не противостоял, он стал единоличным правителем и оставался им до самой своей смерти, последовавшей примерно через десять лет.

Писистрат показал себя мудрым правителем: он благоустроил город и провел в него воду по акведуку, а также построил новые дороги. Вдоль этих дорог, особенно в местах возле источников и фонтанов, были установлены небольшие статуи Гермеса, а на постаментах под некоторыми из них были выгравированы стихи, возможно, похожие на следующие строки, чтобы подбодрить путника в его пути:

Я, Гермес, у серого морского берега
Там, где сходятся три дороги,

За пределами сада, продуваемого ветром,
Даю отдых усталым ногам;
Воды моего фонтана
Чисты, прохладны и сладки. []⁸

Именно Писистрат издал закон о том, что раненные в бою и семьи убитых должны получать заботу от государства. Он построил новый храм Афине и сделал ее праздник более пышным, а также приказал собрать и записать древние поэмы Гомера, чтобы их можно было бережнее хранить. Но каким бы хорошим правителем он ни был, он все равно оставался тираном, и во время его правления народ был лишен права управлять собой, но пока он жил, никто ему не противостоял.

После его смерти его сыновья Гиппиас и Гиппарх стали его преемниками, но они забыли, что, в конце концов, они могут оставаться тиранами только с позволения народа, и стали наглыми, суровыми и властными. Два молодых афинянина задумали убить этих угнетателей на ближайшем празднике. Настал день, и Гиппарх был убит, хотя Гиппию удалось спастись. Заговорщики были немедленно схвачены и преданы смерти, а Гиппиас продолжал править единолично. Он становился все более жестоким, и афиняне склонялись под его гнетом. Наконец на помощь им пришли спартанцы. Они пришли, потому что в течение некоторого времени, когда бы они ни отправлялись в Дельфы, чтобы спросить совета у оракула, всегда приходил ответ: "Сначала освободи Афины". Благодаря этой помощи Гиппий был изгнан и отправлен в изгнание.

Афины были свободны. Власть тиранов закончилась, и Афины снова могли править собой, стать тем государством, о котором на вопрос "Какой пастух правит и властвует над своим народом?" можно было ответить: "Ни у кого они не называются рабами или подданными". []⁹

[1] Плутарх: *Жизнь Тесея*.

[2] Ibid.

[3] Поэма Солона, из *Аристотеля об афинской конституции*, перевод П. Г. Кеньона. (С разрешения компании Messrs. G. Bell and Sons).

[4] Если не указано иное, цитаты в этом разделе взяты из Плутарха: *Life of Solon*.

[5] Поэма Солона в переводе Лесли Уайта Хопкинсона.

[6] Поэма Солона из книги "Аристотель об афинской конституции", перевод П. Г. Кеньона. (С разрешения издательства "Г. Белл и сыновья").

[7] Plutarch: *Life of Solon*.

[8] Написано Анитэ, поэтессой, вероятно, в 4 веке до н.э., переведено сэром Реннелом Роддом в книге *"Любовь, поклонение и смерть"*.

[9] Aeschylus: *The Persians*.

ГЛАВА VII

ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ

I. ОСНОВАНИЕ КОЛОНИИ

Греки были мореплавателями и любителями приключений. Их собственные земли были невелики, но острова Эгейского моря служили ступеньками к побережью Малой Азии, и мир Эгейского моря был хорошо знаком греческому моряку. Греческие галеры можно было встретить в большинстве портов, а греческий торговец стал грозным соперником финикийца.

Переплывая с острова на остров и далее на материк, греки поняли, что некоторые из этих мест могут стать подходящим домом, и постепенно начали их колонизировать, то есть партии переселенцев отправлялись из родных городов, чтобы основать новые дома за океаном. Пионеры, отважные исследователи, всегда отправлялись в путь первыми и привозили сообщения о новых землях. Подходящее место требовало хорошего водоснабжения и плодородной земли, где можно было бы выращивать кукурузу, виноградную лозу и оливы. Поселенцам нужна была древесина, из которой они могли бы строить свои корабли, и, конечно, хорошая гавань была необходима. Они также надеялись найти дружелюбных туземцев, которые будут помогать им в хозяйстве и ни в коем случае не станут противиться или мешать их планам. Туземцы, должно быть, с удивлением смотрели на вновь прибывших греков. Большинство из них никогда раньше не видели таких людей. Единственными иностранными торговцами, которых они знали, были финикийцы, и те приезжали только торговать, эксплуатировать людей и истощать здешние ресурсы, чтобы получить золото. Они знали только этих "жадных купцов с бесчисленными гаудами на черных кораблях". [1] Но эти новоприбывшие были другими. Один греческий поэт описал это греческое приключение за морем и удивление тех, кто принял чужеземцев:

Вспышка пены, вспышка пены,
Волна на лопасть весла набегают,
И они вышли в сердце синевы:
Колесница, которую влекли бурные волны.
Неужели они пришли за золотом?

Или гордость, чтобы сделать великим свое жилище? [2]

Всевозможные соображения влекли греков за море, чтобы найти себе новый дом: некоторые из них были недовольны своим правительством и хотели отправиться туда, где можно установить новое; из-за роста населения их родные города стали переполненными, что создавало трудности с поставками продовольствия, и многие думали, что новая земля даст им больше и лучше возможностей; другие обнаружили, что торговля в колониях была источником богатства; а третьи отправлялись просто из любви к приключениям. Всякий раз, когда группа людей решала отплыть и основать колонию, они сначала советовались с оракулом в Дельфах о том, будет ли у них успех, и одобрит ли Аполлон выбранное ими место и благословит ли их предприятие. Затем они выбирали вождя, имя которого всегда почиталось и передавалось по наследству как имя основателя колонии. Покидая город-мать, колонисты шли процессией к ратуше, где получали огонь от священного очага, который забирали с собой и от которого разжигали огонь на своем священном очаге в новом доме.

Эти колонии были совершенно независимы от города-матери в том, что касалось управления, но колонисты с большой любовью оглядывались на родину, из которой произошел их род; куда бы они ни отправлялись, они все равно оставались греками, говорили на греческом языке и поклонялись греческим богам.

Колонии были основаны не только на островах Эгейского моря, но и вдоль берегов Черного моря, которое греки называли Эвксинским. Эти последние колонии, крупнейшей из которых был Византий (древнее название Константинополя), стали очень важны для греков, поскольку поставляли им зерно, которое в изобилии произрастало на северных берегах, и железо из земли хеттов на юго-востоке.

Самыми крупными из всех колоний на Востоке были ионийские колонии, расположенные в восточной части Эгейского моря и на побережье Малой Азии. Греки, которые их колонизировали, происходили от ионийских племен, поселившихся в Греции, и поэтому весь этот регион стал называться Ионией. Геродот рассказывает, что "ионийцам посчастливилось построить свои города в наиболее благоприятном положении с точки зрения климата и времени года из всех известных нам людей". Милет был величайшим из ионийских городов, и в нем развилась очень богатая цивилизация за некоторое время до великих дней Афин.

Из Ионии вышли великие мыслители. Фалес, один из семи мудрецов Греции, философ и ученый, изучал небеса и предсказал затмение солнца в определенный год, что и произошло. Вавилоняне до него проводили подобные исследования, но он продолжил их дело и добился больших успехов. Он задался вопросом, что могут означать его открытия, и впервые в мире заявил, что движения солнца, луны и звезд определяются законами, а затмения солнца вызваны определенными движениями небесных тел и не имеют ничего общего с гневом Бога-Солнца. Это был первый шаг в освобождении человеческого разума от суеверий, и хотя человеку предстояло пройти долгий путь и многому научиться, прежде чем он смог сделать второй шаг, именно Фалес из Милета и другие ионийские философы в шестом веке до нашей эры впервые заставили людей задуматься о реальном значении вещей, которые они видели вокруг себя в мире природы. То, что мы сегодня называем наукой, зародилось в Ионии более двух тысяч лет назад. Сохранилось множество мудрых изречений Фалеса. Именно он сказал: "Бог - древнейший из всех вещей, ибо у него нет рождения: мир - прекраснейший из всех вещей, ибо он - дело рук Бога: ... время - мудрейшее из всех вещей, ибо оно все узнает". [].³

Другим ученым мудрецом, жившим в Милете, был Анаксимандр. Он был одним из самых первых картографов, и он вместе с Гекатеем, написавшим "Географию" как "текст к карте Анаксимандра", был одним из первых мыслителей, разработавших науку географии.

TEMPLE OF POSEIDON AT PAESTUM.

End of 6th Century B.C.

Paestum, the ancient Poseidonia, was a flourishing Greek Colony in Italy. The colony was founded early in the 6th Century B.C. and in ancient times it was famous for its roses. The temple is one of the best preserved Greek temples out of Attica

ХРАМ ПОСЕЙДОНА В ПАЭСТУМЕ.

Конец VI века до н.э.

Паэстум, древняя Посейдония, был процветающей греческой колонией в Италии. Колония была основана в начале VI века до н. э. и в древности славилась своими розами. Храм является одним из наиболее хорошо сохранившихся греческих храмов за пределами Аттики.

Ионические колонии могли похвастаться как поэтами, так и учеными. Хиос считается родиной Гомера, а Лесбос, один из крупнейших островов колонии, был известен как родина Саффо, не только первой женщины, чьи стихи дошли до нас, но и одной из великих поэтесс мира. К сожалению, до нас дошло лишь несколько фрагментов ее стихов.

ДАРЫ ВЕЧЕРА

Ты, Геспер, приносишь домой всех.

Что с лучезарной зарей пронеслись вдаль и вширь,
Овец в пастбище, коз в стойло,
Детей к матери. []⁴

Лицо Греции было обращено на Восток, но духи авантюристов всегда обращались к неизведанному Западу; финикийцы уже исследовали западные регионы, и греки вскоре последовали за ними. Елисейские поля лежали на западе, и что мог бы обнаружить человек, если бы не поплыл в этом направлении? Греки не нашли Елисейских полей, но они сделали то, что оказалось самым важным в истории мировой цивилизации. Они основали колонии на юге Италии, которые стали настолько процветающими, что весь регион стал известен как

Magna Graecia. Греки принесли с собой письменность, искусство и поэзию и надежно закрепили их на земле, которой однажды должен был править город, бывший тогда лишь маленьким поселением у подножия семи холмов. Рим стал могущественнее Греции в искусстве управления великой империей, и должен был наступить день, когда она сама будет править Грецией, но в процессе развития своей цивилизации Рим признал греков своими учителями.

Другие греческие колонии были основаны в Сиракузах на Сицилии и вдоль северного побережья Средиземного моря до нынешнего Марселя, а на юге несколько колоний были основаны вдоль берегов Африки до Наукратиса в Египте. Колонии на юге Испании и вдоль северного побережья Африки от Геркулесовых столбов до Карфагена находились в руках финикийцев, но к концу VI века до н. э. преобладающей цивилизацией в Средиземноморье была греческая.

II. ИОНИЯ И ЛИДИЯ

Ионийские колонии занимали прибрежные земли Малой Азии, но на материке за ними находилось Лидийское царство. Долгое время ионийцы жили в мире, развивали свою науку, осмысливали свои идеи и росли в могуществе. Но в начале шестого века до нашей эры на лидийский престол взошла новая раса царей. Они были энергичны и амбициозны, и не одобряли, что важные прибрежные города с хорошими гаванями находятся в руках греков. Поэтому они напали на них, начав с Милета, который был осажден. Осада длилась одиннадцать лет, но город не сдавался. Наконец лидийцы поняли, что Милет спасен своей гаванью, и хотя он не мог получить продовольствие или какие-либо припасы по суше, все необходимое доставлялось в город по воде. Поэтому лидийский царь отказался от идеи завоевать Милет и заключил с ним мирный договор.

Вероятно, не только невозможность завоевать морской порт заставила лидийского царя отказаться от осады Милета, но и осознание того, что на востоке возникла военная туча, которая неуклонно приближалась к его земле. Это была армия мидийцев, народа, который уже помог разрушить Ассирию, и чья армия теперь приближалась к Лидии. Произошло несколько сражений без особых результатов, но в конце концов две армии сошлись в битве.

В этом сражении, когда бой уже начался, случилось так, что день внезапно сменился ночью. И эту смену дня Фалес Милесийский предсказал ионийцам. Лидийцы же и медяне, увидев, что вместо дня наступила ночь, перестали сражаться и стали гораздо сильнее желать, чтобы между ними был заключен мир. [].⁵

Так был заключен мир, и вскоре после этого царь Лидии умер, и Крез стал его преемником.

Ионические города, видя угрозу своей независимости, должны были бы объединиться и выступить против своих врагов, но каждый отдельный город так дорожил своей независимостью и так боялся всего, что могло бы хоть как-то ее ослабить, что стоял особняком, и когда Крез, находясь в мире с медянами, решил овладеть этими ионическими городами, он смог напасть на них поодиночке и одолеть их. Он позволил им сохранить независимое правительство, но обязал их платить ему регулярную ежегодную дань. Это был

первый случай в истории Греции, когда греки платили кому-либо дань; до правления Креза все греки были свободны. Крез оставил ионийским городам определенную долю независимости из-за своего восхищения греками и их цивилизацией. Он посылал богатые и великолепные дары Аполлону, а в ответ получил статус гражданина Дельф, а на Пифийских играх его посланникам предоставлялись особые почетные места.

К этому времени Кир, медянин, стал царем Персии, и Крез с большой тревогой наблюдал за ростом его могущества. Видя, что война неизбежна, он отправил послание оракулу в Дельфах с вопросом, стоит ли ему выступить в поход против персов. Геродот назвал ответ "коварным": , что если он перейдет реку Халис, то великая империя будет разрушена. Подумав, конечно, что это означает разрушение Персидской империи, Крез перешел реку и встретился с Киром в бою. Лидийцы славились своими лошадьми, и всадники были важной частью их армии. Кир знал об этом, поэтому он придумал план, как победить их. Он приказал разгрузить всех верблюдов, которые находились в тылу его армии и везли провиант и багаж, и вывести верблюдов на передовую, а там посадить на них хорошо вооруженных людей. Он поступил так, "потому что лошадь боится верблюда и не выносит ни его вида, ни его запаха; и как только лошади почуяли верблюдов и увидели их, они галопом усаkali в тыл, и надежды Креза сразу же были сведены к нулю". [].6

Лидийцы потерпели поражение и отступили в столицу Сарды. Но после непродолжительной осады Кир взял город, и Крез потерял свое царство. Не желая попасть в руки персов, он приказал воздвигнуть большой костер и, вознеся возлияния богам, сел на него и велел рабам поджечь его, чтобы скорее погибнуть в пламени, чем попасть живым в руки завоевателя. Но внезапно на небе появились тучи и пошел дождь, погасивший пламя. Подумали, что это дело рук Аполлона, которому Крез всегда оказывал большую честь, и, узнав об этом, Кир приказал снять его с костра и привести в свое присутствие. "Крез, - спросил он его, - какой человек уговорил тебя отправиться в поход на мою землю и стать мне не другом, а врагом?" И Крез ответил,

О царь, то, что я сделал это, было тебе на пользу, а мне в убыток, и вина лежит на боге эллинов, который побудил меня выступить против тебя с войском. Ведь никто не настолько бессмыслен, чтобы по своей воле выбрать войну, а не мир, поскольку в мире сыновья хоронят своих отцов, а в войне отцы хоронят своих сыновей. Воля богов, я полагаю, была такова, чтобы все это произошло именно так. []7

Теперь Лидия была присоединена к Персидской империи, и только ионийские города оставались независимыми. Но даже перед лицом великой опасности со стороны Персии они не объединились, и Кир покорял их один за другим, пока не подчинил Ионию, а когда были покорены города на материке, то ионийцы на островах, пораженные этим страхом, отдались Киру, который, пройдя через верхние части Азии, покорил все народы, не обойдя ни одного. [].8

Так и получилось, что греки, жившие в Азии, потеряли свою независимость и стали подвластны великому царю Персии".

[1] Одиссея, XV.

[2] Еврипид: *Ифигения в Тавриде*, перевод Гилберта Мюррея.

[3] Диоген Лаэртский.

[4] Поэма Сапфо, переведенная сэром Реннелом Роддом в книге *"Любовь, поклонение и смерть"*.

[5] Herodotus, I.

[6] Herodotus, I.

[7] Herodotus, I.

[8] Ibid.

ГЛАВА VIII

НАЧАЛО ПЕРСИДСКИХ ВОЙН [1].

I. ДАРИЙ И ВОССТАНИЕ ИОНИЙЦЕВ

Правление лидийских царей над ионийскими городами в Малой Азии не было тяжелым, но правление персов было иным, ибо они установили тиранов во всех греческих городах и требовали помощи своих солдат и моряков в своих войнах, что было очень горько для свободолюбивых греков.

Когда Дарий стал царем, он, как и великие цари до него, решил присоединить к своей империи еще больше земель, и поэтому подготовил армию, которая должна была вторгнуться в Скифию, регион к северу от Черного моря. Поскольку сами персы от природы не были мореходами, греки из ионийских городов были вынуждены отправить большое количество кораблей на помощь этой экспедиции.

Дарий со своим войском отправился в путь, и, прибыв к реке Истер (ныне известной как Дунай), к нему присоединились ионийские корабли. Здесь Дарий приказал построить мост из лодок, а затем, взяв шнур, на котором завязал шестьдесят узлов, созвал ионийских вождей и сказал им:

Мужи Ионии, храните эту веревку и делайте то, что я вам скажу: как только вы увидите, что я иду вперед против скифов, с этого времени начинайте и в каждый день развязывайте по узлу; если же в течение этого времени меня не будет и вы обнаружите, что дни, отмеченные узлами, прошли, то отплывайте в свои земли. До тех пор охраняйте плавучий мост, проявляя все усердие, чтобы сохранить его в целостности и сохранности. Действуя таким образом, вы окажете мне весьма достойную услугу".

Сказав это, Дарий поспешил в поход.

Скифия была совершенно неизвестной персам землей, и в последующие годы о приключениях царя и его войска рассказывали странные истории. Скифы были кочевым народом и считали себя непобедимыми. Когда они узнали, что Дарий пришел в их землю с намерением завоевать ее, они "задумали не вступать в открытое сражение, а отступить перед персами и прогнать перед ними их скот, засыпав землей колодцы и источники воды, мимо которых они проходили, и уничтожив траву с земли". Некоторое время Дарий преследовал этот загадочный народ, но так и не смог настичь его.

Так как это продолжалось долгое время и не прекращалось, Дарий послал всадника к царю скифов и сказал следующее: "Дивный ты человек, зачем ты вечно бежишь, когда из этих двух дел ты мог бы сделать одно? Если ты считаешь себя способным противостоять моей силе, то стой на месте и прекрати скитаться по стране и сражайся; если же ты признаешь себя слишком слабым, то и в этом случае прекрати свой путь и вступи в разговор с твоим господином, принеся ему дары земли и воды". На это царь скифов ответил: "Мое дело, о перс, обстоит так: Никогда еще я не бежал, боясь, ни до этого времени от кого-либо другого, ни теперь от тебя; не делал я и теперь ничего иного, чем то, что имел обыкновение делать и в мирное время; что же касается причины, по которой я не сражаюсь с тобой сразу, то и это я объявлю тебе. У нас нет ни городов, ни земли, засеянной посевами, о которых мы должны бояться, чтобы их не захватили или не опустошили, и таким образом быстрее вступить с вами в бой; но знайте, что у нас есть усыпальницы, в которых похоронены наши отцы; поэтому придите сейчас, найдите их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться с вами за усыпальницы или не будем сражаться. До этого, однако, мы не вступим с вами в бой. О сражении пусть будет достаточно того, что сказано; что же касается владык, то я не признаю над собой никого, кроме Зевса, моего предка, и Гестии, царицы скифов. Тебе же вместо даров земли и воды я пошлю то, что тебе подобает получить; а в ответ на твои слова, что ты мой господин, скажу: горе тебе".

Царь Скифии, как и обещал, прислал Дарию подарки, странные и загадочные. Он прислал ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Сначала перс не мог понять, что могут означать эти дары, но один из его мудрецов истолковал их так: "Если вы не превратитесь в птиц и не взлетите в небо, или в мышей и не опуститесь под землю, или в лягушек и не прыгнете в озера, вы не вернетесь домой, а будете поражены этими стрелами".

Скифы продолжали водить персов с места на место в этом странном походе, пока, наконец, не привели их снова к Истеру, где ионийцы охраняли лодочный мост. Первыми прибыли скифы, которые пытались убедить ионийцев разрушить мост, чтобы Дарий не нашел путей к отступлению и попал в их руки. Некоторые греки были за это, но милетский тиран, желавший сохранить хорошие отношения с Дарием, посоветовал отказаться от такого вероломства, и его слово восторжествовало. Чтобы прогнать скифов, они, передвинув несколько лодок, сделали вид, что собираются разрушить мост, но когда Дарий подошел, то после минутного

страха, что его покинули, обнаружил, что мост все еще на месте, благополучно переправился и вернулся в свою страну.

Когда Дарий узнал, что благодаря совету милетского тирана мост был спасен, он послал за ним и высоко оценил его поступок, сказав, что знает его как человека понимающего и благосклонного к нему, и что поэтому он хочет, чтобы тот отправился с ним в Сузы, ел за его столом и был его советником. Дарий поступил так потому, что на самом деле не доверял ему и предпочитал, чтобы тот находился рядом с ним в Сузах, где можно было бы наблюдать за его передвижениями.

Тем временем родственник этого тирана был оставлен на его месте в Милете, и когда на Наксосе вспыхнуло восстание, он взялся его усмирить, надеясь, что это принесет ему благосклонность царя. К несчастью для него, это не удалось, и так как он очень боялся гнева царя, то решил, что раз он не может подавить восстание, то сам присоединится к нему. Греки в Милете были более чем готовы восстать от персидского ига, и к ним присоединились другие ионийские города. Но они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы в одиночку противостоять Персии, поэтому отправили послов в Грецию с просьбой о помощи к своим сородичам. Первой попросили Спарту. Посол обратился к царю и рассказал, что ионийцы считают позором не только для себя, но и для спартанцев, на которых смотрели как на вождей всех людей греческого происхождения, что они должны быть рабами, а не свободными людьми. "Итак, - сказал он, - я молю вас богами Эллады спасти от рабства ионийцев, которые являются вашими сородичами". Далее он рассказал о персах, которых он может покорить, о богатстве их земли и обо всех благах, которые достанутся ему, если он поможет ионийцам стать свободными. Царь сказал ему, что все обдумает и даст ответ в ближайший день. Когда этот день настал, царь спросил посла из Милета, сколько дней пути от моря ионийцев до резиденции царя. Следует помнить, что ни одна часть Греции не находилась далеко от побережья, и ни один грек, даже спартанец, который был солдатом, а не моряком, не был счастлив, если чувствовал себя вне досягаемости моря. Поэтому можно понять чувства спартанского царя, когда ему сказали, что до города персидского царя нужно добираться три месяца по морю. Он быстро принял решение. "Друг-гость из Милета, - сказал он, - убирайся из Спарты, пока не зашло солнце, ибо ты говоришь слова, которые нехорошо звучат в ушах лакедемонян, желая отправить их в трехмесячное путешествие от моря".

Затем посол отправился в Афины, где добился большего успеха. Афиняне прислали на помощь ионийцам двадцать кораблей, а эретрийцы, в благодарность за помощь, полученную когда-то из Милета, когда они были в нужде, добавили пять. С этой помощью греки подошли к Сардам и захватили их. Но тут случайно загорелся один из домов, и огонь охватил весь город. Это дало персам время собраться с силами от неожиданности нападения, и они вытеснили греков, которые в ужасе разбежались. Некоторые из них были догнаны и убиты, а остальные отступили к своим кораблям.

Дарий в это время находился в Сузах, и туда ему принесли весть о сожжении Сард. Он не придавал особого значения ионийцам, принимавшим в этом участие,

Так как он знал, что они в любом случае не останутся безнаказанными за свой бунт, он спросил, кто такие афиняне; и когда ему сообщили, он попросил свой лук и, получив его и наложив стрелу на тетиву, выпустил ее вверх к небу, и когда она выстрелила в воздух, он сказал: "Зевс, да будет мне дано отомстить афинянам!". Сказав это, он поручил одному из своих приближенных, чтобы тот, когда перед царем будет накрыт обед, всегда трижды произносил: "Господин, помяни афинян".

Дарий вспомнил об афинянах, но сначала ему нужно было наказать ионийские города за их участие в восстании. Один за другим он нападал на них, и они падали перед ним, пока, наконец, не остался только Милет. Единственная надежда на безопасность Милета заключалась в его морской обороне, и все корабли, которые смогли собрать ионийцы, были собраны на Ладе, острове неподалеку от гавани Милета. Теперь ионийцы копировали многие обычаи своих лидийских соседей, они были более роскошными и вели более мягкий образ жизни, чем их родственники на материке. Один из греческих вождей попытался заставить ионийцев ежедневно тренироваться и заниматься физическими упражнениями, чтобы все они были в хорошем состоянии, когда наступит день битвы. Некоторое время они подчинялись, но были ленивы и непривычны к такому труду, а тяжелая работа и упражнения так изнуряли их, что они заявили, что предпочли бы рабство такому тяжелому труду, который им навязывали. Поэтому они отказались от дальнейших учений и "разбили свои палатки на острове, как армия, и держались в тени, не поднимались на борт кораблей и не занимались никакими упражнениями".

Результат мог быть только один. Персы дали бой, ионийцы потерпели поражение, а некоторые из них даже опозорились, уплыв без боя. Хиосцы отказались играть в труса и сражались до конца, но их было слишком мало, чтобы переломить ход битвы, и персы одержали над ними полную победу. Милет был взят штурмом, город уничтожен огнем, все мужчины преданы смерти, а женщины и дети отправлены в качестве рабов в Сузы.

Весть о падении Милета стала страшным ударом для греческого мира. До этого времени он был величайшим из греческих городов. Она была богата не только материальными благами, но и всем, что касалось интеллектуальной жизни, а теперь она пала! Это был, прежде всего, удар по афинянам, ведь Афины и Милет были тесно связаны родственными узами, и когда афинский драматург

сочинил драму под названием "Взятие Милета" и поставил ее на сцене, зрители зашлись в рыданиях, а афиняне, кроме того, оштрафовали поэта на том основании, что он напомнил им об их собственных бедствиях, и приказали, чтобы впредь никто не представлял эту драму.

Так и случилось, что ионийцы снова стали подданными персидского царя. Они были до крайности наказаны за то, что осмелились восстать против его власти, и не было опасений, что они сделают это снова. Теперь Дарий мог вспомнить об афинянах.

II. МАРАФОН

В 492 году до н. э. Дарий отправил Мардония, полководца, пользовавшегося его благосклонностью, через Геллеспонт с приказом пройти через Фракию и Македонию и, заручившись их верностью, двинуться в Грецию, где Афины и Эретрию ожидало суровое наказание за участие в сожжении Сард. У Дария было несколько причин для этой экспедиции: наказание Афин и Эретрии - та, о которой больше всего говорили, но поскольку ему и в голову не приходило, что он может быть побежден, Дарий, вероятно, намеревался так

разрушить города на материке, чтобы греки в Ионии поняли, что бесполезно рассчитывать на помощь своих сородичей, если они когда-нибудь задумают новое восстание, и так наказать европейских греков, чтобы они никогда больше не осмелились вмешиваться в дела Персидской империи. Но под всеми этими причинами скрывались мечты о завоеваниях. Великий царь мечтал покорить всю Грецию и распространить свою империю на Европу.

Были сделаны приготовления, и Мардоний отправился в путь. Флот должен был плыть недалеко от побережья и поддерживать постоянную связь с армией. Все шло хорошо, пока не достигли горы Афон, и тут поднялась сильная буря.

Северный ветер обошелся с ними очень жестоко, отбросив множество кораблей. Говорят, что число уничтоженных кораблей составило триста, а людей - более двадцати тысяч; поскольку в море, которое находится около Афона, очень много морских чудовищ, некоторые из них были схвачены ими и погибли, а другие разбились о скалы; некоторые из них не умели плавать и погибли по этой причине, другие же - от холода.

Не лучше обстояли дела и с армией: на нее напали фракийцы, и хотя Мардоний заставил их подчиниться, он понес в бою такие потери, что, поскольку его флот тоже был почти полностью уничтожен, он был вынужден отплыть в Азию, не снискав в этом деле никакой чести.

Прошло два года, и тогда была запланирована еще одна экспедиция. Перед ее началом Дарий отправил гонцов в Афины, Спарту и другие греческие государства, требуя от них земли и воды - символов покорности Великому царю. Некоторые государства согласились на это требование либо потому, что были оцепеневшими от ужаса при одной только мысли, что Великий Царь может вторгнуться на их землю, либо потому, что считали, что он обязательно завоюет их и что, подчинившись сразу, они обезопасят себя и свою землю от уничтожения. Афины и Спарта, однако, бескомпромиссно отказались. Афиняне бросили посланцев в яму, а спартанцы - в колодец и сказали, что если им нужны земля и вода, то они могут добыть их сами. Узнав о том, что случилось с его посланниками, Дарий отдал приказ генералам немедленно отправиться в Грецию и наказать все государства, отказавшиеся подчиниться, обратив всех жителей в рабство и приведя их в Сузы в связанном виде. В частности, Афины и Эретрию за их другие проступки ожидало самое суровое обращение. Итак, экспедиция началась.

Помня о катастрофе на горе Афон, флот на этот раз отправился через Эгейское море, остановившись у Наксоса, первого из восставших ионийских городов, который теперь понес наказание в виде сожжения и порабощения жителей. Затем персы отправились на Делос, где принесли жертвы Аполлону, а оттуда отплыли в Эретрию, которую немедленно атаковали. Город продержался шесть дней, а затем предатели в стенах открыли ворота персам, которые вошли и взяли город. Они сожгли его дотла и увели всех жителей в рабство. Так Эретрия была наказана за то, что осмелилась сжечь город Великого Царя.

Весть об этих передвижениях персов, конечно, дошла до Афин, но до сих пор афиняне не считали их опасными для себя. Но Эретрия находилась не так далеко от Афин, и когда пришло известие о полном разрушении этого города, афиняне осознали всю степень своей опасности. Изгнанный тиран Гиппий укрылся у персов, но не терял надежды когда-нибудь

вернуться в Афины. В это время он как раз замыслил с друзьями в городе, и персы, зная об этом, надеялись на их помощь в захвате Афин. Таким образом, афинянам угрожала опасность как изнутри, так и извне.

Легко представить себе ужас афинян, когда они узнали, что Эретрия разрушена, а персы, завоеватели всего мира, уже на подходе к Афинам. Как они могли надеяться со своей небольшой армией противостоять великой империи? Необходима помощь, причем скорейшая. К кому же им обратиться, если не к Спарте, передовому военному государству Греции, которое, если Афины падут, станет следующим государством, подвергшимся нападению? Самооборона, если бы не другая причина, несомненно, привела бы их в Афины. Поэтому афиняне послали Фидиппида, быстрого бегуна, с просьбой о помощи. Расстояние от Афин до Спарты составляет сто пятьдесят миль, и афинянам, должно быть, показались очень долгими часы, пока они ждали его возвращения с ответом. Но он так стремительно бежал, что вернулся раньше, чем они осмелились его ожидать. Как ему это удалось? Два дня и ночь он мчался "по холмам, по долам, по ямам и вершинам" и менее чем через сорок восемь часов достиг Спарты. Он без лишних церемоний ворвался в их собрание и страстно призвал их прийти на помощь Афинам.

Но на этот призыв о помощи спартанцы ответили лишь холодно. Они, конечно, придут, но должны подождать пять дней до полнолуния, когда у них принято приносить жертвы Аполлону, и нарушить этот обычай означало бы оскорбить бога. Когда наступит полнолуние, тогда они пошлют афинянам помощь. Фидиппид дождался ответа, а затем с отчаянием в сердце отправился обратно в Афины. Через холмы и равнины, через леса и ручьи мчался он, взывая в своем сердце к богам, которым Афины всегда оказывали честь, но которые, казалось, покинули ее в самый трудный момент. Неужели нет помощи? Внезапно он остановился; кого он увидел, сидя в расщелине скалы? Это был Пан, бог-козел.

"Остановись, Фидиппид", - крикнул он, и остановился. Тогда бог милостиво и ласково заговорил с ним, спрашивая, почему только Афины в Греции не построили ему храм, но он всегда был и будет ее другом. И теперь в трудную минуту он придет ей на помощь. Он велел Фидиппиду отправиться домой и передать Афинам, чтобы они успокоились, ведь Пан на ее стороне.

Если раньше Фидиппид бежал быстро, то теперь он бежал так, словно ему подарили крылья. Едва коснувшись земли, он словно пронесся по воздуху и ворвался к ожидавшим его афинянам, которые не смели ожидать его так скоро, с вестью о том, что Спарта действительно их подвела, но что Пан, могучий спасти, будет сражаться за них!

Но вот пришло серьезное известие: персы высаживаются в Аттике. Стоял сентябрь 490 года до нашей эры, и жаркие летние дни еще не ушли. Афиняне не могли ждать спартанцев, они должны были сами выйти навстречу врагу. В жару они прошли двадцать четыре мили по неровной и труднопроходимой дороге, пока не достигли равнины Марафона. Там они встретили персов.

Вероятно, персы и не собирались сражаться при Марафоне. Они надеялись, что друзья Гиппия в Афинах в конце концов предадут им город, и их план при высадке заключался в том, чтобы отвести афинскую армию от города и, по возможности, удержать ее вдали, пока они не получат ожидаемый сигнал от предателей. Равнина Марафона окружена холмами, за исключением тех мест, где она спускается к морю. Афиняне занимали более сильные и высокие позиции, персы расположились лагерем у моря, а их корабли стояли на якоре

недалеко от берега. В течение нескольких дней армии наблюдали друг за другом и ждали. Афиняне считали дни до полнолуния, когда появится надежда, что спартанцы придут; персы знали, что каждый прибавляющийся день дает заговорщикам больше времени для коварных действий в городе. И вот обе стороны ждали.

Вдруг помощь пришла к афинянам с неожиданной стороны, помощь, которая ободрила и вдохновила их. Сквозь облако пыли на одной из дорог, ведущих на равнину, они увидели блеск копий и шлемов. Это не могли быть спартанцы, так как они не могли прийти с этой стороны. Когда люди приблизились, оказалось, что это войско из Платеи, небольшого города в Беотии, куда за несколько лет до этого, когда Фивы угрожали своей независимости, Афины послали подмогу. Теперь же, хотя афиняне и не считали ее союзницей, поскольку она была маленькой и не могущественной, она вспомнила о тех, кто дружил с ней в трудную минуту, и со всеми своими бойцами пришла на помощь Афинам в трудную минуту.

Мильтиад был афинским полководцем при Марафоне. Он знал, почему персы ждут, и когда гонцы принесли ему весть о том, что они высаживают часть своих людей, зная, что это означает их намерение плыть в обход Афин, поскольку заговорщики в городе были готовы действовать, он дал сигнал к атаке. На каждого грека приходилось, вероятно, два перса, поэтому греческая армия была выстроена таким образом, чтобы противостоять этим шансам. Центральная линия была тонкой, но фланги были очень сильными. При первом же натиске персов центр провалился, но крылья тут же развернулись и атаковали персов с такой силой, что те сдались и бежали к берегу. Греки бросились в погоню, и завязался страшный бой и резня. Семь персидских кораблей были уничтожены огнем, но остальные спаслись. Персы бежали на оставшихся кораблях, оставив на равнине более шести тысяч погибших и множество богатой добычи. Они отплыли в Афины и, зная, что афинская армия все еще находится на равнине Марафона, надеялись, что город не будет защищаться и предатели откроют им ворота. Но афиняне, одержавшие победу при Марафоне, не собирались допустить, чтобы их город попал в руки врага, поэтому, увидев отплывающие персидские корабли, изможденные напряжением битвы, они отправились по неровной дороге за двадцать четыре мили на защиту своего любимого города, оставив лишь небольшой отряд, чтобы охранять тела убитых и не дать ворах унести награбленное.

По возвращении из Спарты Фидиппида спросили, какую награду он должен получить за пробег. Все, что он попросил, - это дать ему возможность сражаться за Афины, а когда персы будут прогнаны, жениться на любимой девушке и жить в своем доме. Все было дано, как он и просил. Он сражался в битве при Марафоне, но когда победа была одержана, от него потребовали еще одного поединка. По неровной дороге он бежал в Афины, чтобы крикнуть в уши ожидающим его афинянам: "Афины спасены!". Но сердце его не смогло вместить столь великую радость, и, передав свое послание, он умер.

Афинское войско достигло Афин раньше врага, и когда при свете луны персидские корабли вошли в бухту у Афин, там, готовые встретить их, стояли те же люди, которые ранее победили их при Марафоне. Персы не хотели так скоро встречаться с ними снова; они поняли, что действительно потерпели тяжелое поражение, и отдали приказ разбитой армии и искалеченному флоту отплыть в Азию.

Спартанцы прибыли, как и обещали, но слишком поздно, чтобы принять участие в битве.

Две тысячи из них пришли в Афины после полнолуния, очень спеша, чтобы успеть, так что прибыли в Афины на третий день после выхода из Спарты; и хотя они пришли слишком поздно для битвы, все же им хотелось посмотреть на медяков; поэтому они отправились в

Марафон и посмотрели на тела убитых; после этого они отправились домой, одобряя афинян и дело, которое они совершили.

Но ни одна часть чести Марафона не досталась Спарте.

Афиняне потеряли в битве около двухсот человек. Их похоронили там, где они пали, над могилами возвели большой курган, а их имена начертали на высоких столбах неподалеку. Много богатой добычи оставили персы на равнине, часть которой была принесена Аполлону в качестве благодарности за победу. Афиняне построили в Дельфах прекрасный маленький храм, известный как Сокровищница Афины, и Пан не был забыт. Ему был посвящен грот на склоне Акрополя, где приносили жертвы в память о его помощи и поддержке, когда они были так необходимы.

Греки, сражавшиеся при Марафоне, рассказывали множество историй о битве, и многие чудесные деяния, как утверждалось, были совершены. Считалось, что в ней участвовали сами боги и древние герои Афин. Говорили, что Пан вселил такой страх в сердца персов, что они в беспорядке и ужасе бежали, и этот ужас впоследствии стал называться паникой. Некоторые даже говорили, что видели Тесея и других героев, и долгое время считалось, что духи убитых преследуют поле битвы.

Марафонская битва стала одним из величайших событий в истории. Впервые Восток и Запад столкнулись в конфликте, и Запад одержал победу. Афиняне были "первыми из всех эллинов, кто выдержал столкновение с одеждой медян и людьми, которые ее носили, тогда как до этого времени само имя медян вызывало у эллинов ужас". Никогда прежде маленькое государство не сталкивалось с мировой империей персов и не побеждало. Греческие воины показали, что способны противостоять персам, на которых давно смотрели как на завоевателей мира, и одержать над ними победу. Цивилизация Востока встретила отпор самом пороге Европы, и Афины спасли Грецию. Но великие цари Персии не привыкли к поражениям; смирятся ли они с этим, и будет ли Греция, а через нее и Европа, в безопасности, или персы придут снова?

[1] Глава VIII взята в основном из *"Истории"* Геродота.

ГЛАВА IX

ВЕЛИКОЕ ПЕРСИДСКОЕ НАШЕСТВИЕ ПРИ КСЕРКСЕ [].1

I. ПОДГОТОВКА

(а) Персы

Персы пришли снова. Когда Дарию доложили о битве при Марафоне, царь, который и до этого был сильно раздражен против афинян из-за нападения на Сарды, еще больше, чем прежде, возмутился и решил предпринять поход против Эллады. Он сразу же разослал гонцов по разным городам империи и приказал им готовить свои войска. Каждый город или община должны были прислать больше людей, чем в прежние времена, а также военные корабли, лошадей, провиант и транспортные суда. Когда эти приказы были выполнены, вся Азия пришла в движение на три года, потому что все лучшие люди набирались для похода на Элладу и готовились. Но прежде чем экспедиция была готова, в Египте вспыхнуло восстание, а вскоре после этого Дарий умер, и "таким образом ему не удалось отомстить афинянам".

Дария сменил его сын Ксеркс. Первым делом он сокрушил Египет, а затем обратил свое внимание на Грецию. Мардоний, полководец, который был вынужден уйти из Фракии после крушения флота у горы Афон, стремился убедить царя предпринять еще одно вторжение. Вероятно, он хотел восстановить репутацию, утраченную в прошлый раз, и надеялся, что, если Греция станет персидской провинцией, его назначат губернатором. "Господин, - сказал бы он царю, - не подобает, чтобы афиняне, причинив персам очень большое зло, не поплатились за содеянное", и добавил бы, что Греция - "очень справедливая земля, на ней растут все виды деревьев, которые выращивают для получения плодов, и что только царь из всех смертных достоин владеть ею".

Ксеркса не нужно было долго уговаривать. Он происходил из рода царей, чье слово было законом Меди и Персов, который не меняется, и его гнев был велик против государств, которые не только отказались подчиниться персидскому царю, но и фактически разгромили его армию в битве. Он хотел отомстить им за содеянное и объявил, что пойдет с войском через всю Европу против Греции, чтобы, по его словам, "отомстить афинянам за все то, что они сделали персам и моему отцу. Я не остановлюсь, пока не завоюю Афины и не сожгу их в огне".

О подготовке к вторжению Ксеркса мы знаем от Геродота. [2] Возможно, он кое-что преувеличил в своем рассказе, но его история была написана для греков его времени, и он хотел объяснить им, насколько велика разница между Востоком и Западом; насколько лучше их свобода и независимость по сравнению с рабством, в котором находились государства, управляемые Великим Царем. Ведь эти государства не имели права голоса в делах империи; если царь шел на войну, они должны были следовать за ним и отдавать свои жизни за дела, которые их не касались и которые, как правило, служили лишь жадности и алчности их правителей.

Решив вторгнуться в Грецию, Ксеркс разослал по всей империи глашатаев, возвещавших о начале войны и требовавших, чтобы все воины были готовы и присоединились к царю в Сардах. Там войска были собраны, и весной 480 года до н. э., через десять лет после битвы при Марафоне, Ксеркс и его армия были готовы отправиться в путь. Им предстояло дойти до Геллеспонта, а затем, пройдя через Фракию и Македонию, спуститься в Грецию. Флот должен был присоединиться к армии у Геллеспонта и, проплывая недалеко от берега, поддерживать постоянную связь с сухопутной армией.

Наконец все было готово, и настал день, когда армия покинула Сарды. Сначала в путь отправились носильщики багажа вместе со своими конями, а за ними половина пехоты всех народов, следовавших за Великим Царем. Затем оставался промежуток, за которым шел сам царь. Перед ним ехала сначала тысяча всадников, выбранных из числа самых знатных персов, а затем тысяча копьеносцев; за ними следовали десять священных коней с богатыми уборами, а за конями ехала священная колесница великого персидского бога, запряженная восьмеркой лошадей, поводья которой держал пеший возница, ибо ни одно человеческое существо не могло взойти на сиденье этой колесницы. За ней следовал сам Ксеркс, сопровождаемый копьеносцами, отобранными из лучших и знатнейших персов. За ними, в свою очередь, следовали люди, известные как Бессмертные, которых всегда было десять тысяч. Они носили это название, потому что если кто-то из них становился неполным, либо из-за смерти, либо из-за болезни, его место занимал другой человек, и их никогда не было ни больше, ни меньше десяти тысяч. Это был самый цветок персидской армии; девять тысяч из них несли копья, оканчивающиеся серебряными гранатами, а копья тысячи, охранявших фронт и тыл, были украшены золотыми гранатами.

Из всех народов персы отличались наибольшим великолепием украшений и сами были лучшими людьми, и их отличало большое количество золота, которое они использовали. Меды и персы носили туники и штаны, к которым греки всегда испытывали величайшее презрение, потому что их носили варвары, а не греки, и мягкие войлочные шапки на головах. Они несли плетеные щиты, имели короткие копья и кинжалы, а также луки и стрелы. Кроме них, за Великим Царем шли целые народы: были ассирийцы, прославившиеся во всей древней истории как великий боевой род, в бронзовых шлемах, льняных нагрудниках и с деревянными булавами, утыканными железом; были бактрийцы с луками из тростника и короткими копьями; скифы с остроконечными шапками из овчины и боевыми топорами; были каспийцы, одетые в шкуры и владеющие короткими мечами; были люди странного и дикого вида, одни в крашенных одеждах, в высоких сапогах, другие в шкурах, и все с луками и стрелами, кинжалами и короткими копьями. Пришли и аравийцы в распахнутых одеждах, готовые к бою, с длинными луками в руках; и темные эфиопы, на которых было страшно смотреть в их одеждах из шкур леопарда и льва; они сражались с длинными луками с остроконечными стрелами, с копьями и булавами, и когда они выходили на бой, каждый мужчина красил половину своего тела в белый цвет, а половину - в красный. Были и другие эфиопы, которые носили на голове скальпы лошадей с ушами и гривами. В этой могучей армии было представлено еще много народов и племен. Некоторые несли маленькие щиты и небольшие копья и кинжалы, другие носили бронзовые шлемы, к которым были прикреплены уши и рога быка.

Все эти и многие другие люди составляли армию великого царя; они пришли с севера и юга, с востока и запада, с морских островов, и в великолепном строю прошли от Сард до берегов Геллеспонта, где их должен был встретить флот. Когда Ксеркс достиг пролива, для него построили трон из белого мрамора, и он сел на него и стал смотреть на свое войско и корабли. Ксеркс отдал приказ построить мост через Геллеспонт, по которому его армия

должна была пройти в Европу. Но когда пролив был переброшен, поднялась сильная буря, которая разрушила мост. Узнав об этом, Ксеркс пришел в ярость и велел своим воинам пронзить Геллеспонт тремястами ударами плети, а сам спустил в море пару оков. Во время этого к морю было обращено такое обращение:

Ты, горькая вода, твой господин налагает на тебя это наказание, потому что ты причинила ему зло, хотя никогда не терпела от него зла; и царь Ксеркс пройдет над тобой, хочешь ты того или нет.

Море было наказано таким образом, и было дано повеление отрубить головы тем, кто отвечал за строительство моста. Не безнаказанно ослушался Великий Царь. Тогда был построен новый мост, более прочный и надежный, чем первый, и по нему войско прошло в безопасности.

Чтобы не случилось несчастья, воздали почести богам, сожгли на мосту благовония и ароматные духи, а дорогу усеяли ветвями мирта. Переправа должна была состояться рано утром, и все было готово еще до рассвета. Когда взошло солнце, Ксеркс вылил из золотого кубка возлияние в море и взмолился Солнцу, чтобы с ним не случилось никакой беды, пока он не покорит Европу до самых дальних ее пределов. Помолившись, он бросил кубок в Геллеспонт, а вместе с ним золотую чашу для смешивания и персидский меч, как дары морским силам. Когда Ксеркс сделал это, великая армия в блестящем строю прошла по мосту. Семь дней и семь ночей без передышки шла вся армия, и рассказывают, что в конце один человек, живший на том берегу и наблюдавший за переправой, воскликнул:

Почему, о Зевс, в облике перса и взяв себе имя Ксеркс вместо Зевса, ты привел все народы людей покорять Элладу? Неужели ты не мог сделать это без их помощи?"

Когда все войско благополучно переправилось, Ксеркс осмотрел его. Он проехал по всем рядам на своей колеснице, а сопровождавшие его писцы записали для него имена всех представленных народов. Когда он это сделал, корабли спустили в море, и Ксеркс, пересев с колесницы на сидонский корабль, сел под золотым балдахином, проплыл вдоль носов кораблей и осмотрел свой флот. Затем корабли отплыли и должны были направиться вдоль побережья к Термам, где их снова должна была встретить сухопутная армия.

Затем Ксеркс и армия продолжили свой поход через Фракию и Македонию. За некоторое время до этого были отправлены гонцы, чтобы подготовить провизию для этого огромного войска. Все города, через которые проходили персы, были вынуждены предоставлять еду и питье для людей и животных. Это было грандиозное дело, и по мере продвижения захватчиков позади оставались скудость и нужда. Жители должны были обеспечить себя огромным количеством пшеницы и ячменя, отдать лучший откормленный скот, птиц и птиц, а также предоставить все золото и серебро, необходимое для сервировки стола. Все это было очень тяжело для жителей земли, и в одном месте они пошли всем телом в свой храм и молили богов, чтобы они на будущее время оградил их от такого зла. Тем не менее они вознесли благодарственную молитву богам за все милости, которые они оказали им в прошлом, и особенно за то, что Ксеркс, находясь в их городе, счел нужным принимать пищу

только один раз в день, так как было бы совершенно невозможно обеспечить его завтраком так же, как и ужином.

Флот благополучно отплыл в Термы, и к нему присоединилась армия, как и было условлено. До сих пор все шло хорошо для персов. Им удалось совершить великое достижение: огромная армия была перевезена из Сард вокруг Эгейского моря без каких-либо серьезных происшествий, и по дороге ее кормили и заботились о ней. Трудности должны были быть очень велики, и только великолепная организация могла сделать это успешно. Но это было сделано, и теперь Ксеркс, чтобы отомстить одному греческому городу, стоял со своей армией, состоящей из бойцов сорока шести народов, у самого порога Греции. С Терм он мог смотреть на Фессалийские горы, мог видеть заснеженный Олимп, обитель богов, которые следили за судьбой свободолюбивых греков. Афиняне выстояли против персов при Марафоне, но теперь против них шел весь восточный мир. Смогут ли они противостоять этому могучему войску или будут вынуждены покориться?

(б) Греки

Между битвой при Марафоне и прибытием Ксеркса к границам Греции прошло десять лет. В годы, предшествовавшие 490 году до н. э., персидская держава наводила ужас на греков. Не довольствуясь покорением Азии вплоть до тусклых границ Индии, великие цари проложили себе путь к Эгейскому морю и даже покорили греков, живших у его восточных берегов. Затем, подобно зловещей военной туче, эта могущественная держава переправилась через море в саму Грецию. Но там случилось непредвиденное. При Марафоне персы потерпели первое в своей жизни крупное поражение от небольшого государства, до тех пор сравнительно малоизвестного. Платейцы, конечно, помогли, но их численность была невелика, и именно афиняне одержали настоящую победу над персами. С тех пор афиняне пользовались огромной репутацией благодаря своей военной мощи. Мифы и легенды сплели вокруг имени Марафона, в результате чего могущество афинян стало считаться большим, чем было на самом деле, а могущество Персии, конечно, обесценилось. Если бы она была такой грозной, как всегда считалось, как афиняне смогли бы победить ее почти без посторонней помощи? Таким образом, в течение нескольких лет греки испытывали меньший ужас перед именем Персии и наслаждались определенным чувством безопасности, не осознавая, насколько оно было ложным.

Но внезапно их спокойствие было нарушено. До них дошли слухи о подготовке персов к вторжению в Грецию, слухи, которые, несомненно, были преувеличены, но все же в них было много правды. Удивительно, как в те времена, несмотря на медленную и сложную коммуникацию, новости быстро передавались с места на место. Поэтому греки были достаточно хорошо информированы о том, что делают персы. В этом кризисе афиняне взяли на себя инициативу, и

Если кто-нибудь скажет, что афиняне оказались спасителями Эллады, он не погрешит против истины; именно они, предпочитая, чтобы Эллада продолжала существовать в условиях свободы, подняли на борьбу всю Элладу. Страшные оракулы, пришедшие из Дельф и повергшие их в ужас, также не побудили их покинуть Элладу.

Первым делом греки провели конференцию в Коринфе, на которой присутствовали посланники всех ведущих государств, кроме Аргоса и Фив, которые держались в стороне. На этой конференции греки приняли три важных решения. Они решили, что примирят все свои разногласия и положат конец войнам друг с другом; как эллины, они объединятся против общего врага. Затем они решили послать в Азию шпионов, которые должны были привезти точные отчеты о приготовлениях и силе Ксеркса. И наконец, они отправят гонцов в колонии на Сицилии, Корсире и Крите с просьбой о помощи.

Три шпиона отправились в путь, но были схвачены в Сардах и приговорены к смерти. Узнав о случившемся, Ксеркс послал за шпионами, которых привели к нему. К их удивлению, вместо того чтобы вывести их на немедленную казнь, Ксеркс приказал провести их вокруг и показать всю армию, как пешую, так и конную, а когда они все увидят, отпустить их и вернуться домой. Он поступил так, потому что сказал, что

если бы лазутчики были преданы смерти, эллины не узнали бы о его силе, насколько она превосходит всякое описание; с другой стороны, предав смерти трех человек, они не нанесли бы большого ущерба врагу; но когда они вернутся в Элладу, он думал, что эллины, узнав о его силе, сами дадут ему свободу, прежде чем состоится поход, и таким образом им не придется тратить труд на поход против них армии.

Ксеркс и не подозревал, с какими свободолюбивыми людьми ему придется иметь дело. Итак, шпионы все разузнали и вернулись в Грецию.

Тем временем вернулись гонцы в колонии. Ответы на призыв о поддержке были весьма неутешительными. Ни Сицилия, ни Корсира, ни Крит не хотели помогать. Они либо прямо отказывались, либо давали неопределенные ответы. Похоже, они больше думали о собственном сохранении, чем о безопасности Греции в целом; они считали, что перс наверняка победит, и предпочитали либо быть на стороне победителя, либо находиться в таком положении, чтобы иметь возможность договориться с персом, если он победит.

Теперь греки приготовились выступить со своими армиями навстречу персидскому врагу. Главное командование было отдано Спарте, величайшему военному государству Греции, и они отправились в долину Темпе на севере Фессалии, где надеялись встретить Ксеркса и не допустить его в Грецию. Однако когда они пришли туда, то обнаружили, что удержать перевал против врага не удастся, так как он был расположен так, что персы могли напасть на них как с моря, так и с суши, а через горы был другой путь, по которому персы могли напасть на них с тыла. Поэтому греки отступили в Коринф, чтобы обдумать, где они встретят врага. Это отступление из Фессалии произошло в то время, когда Ксеркс со своей армией переправлялся через Геллеспонт, и имело важные последствия для персов, так как фессалийцы, до этого никогда не отличавшиеся верностью Греции, увидев, что другие греки покидают их землю, "перешли на сторону мидийцев с доброй волей и уже без полунамека, так что в ходе событий они оказались очень полезными для царя".

Теперь греки решили занять позицию гораздо южнее, в Фермопилах. Это был узкий проход, и его легче было защищать, поэтому они решили

охранять его и не позволять варварам проходить в Элладу, и они решили, что флот должен плыть в Артемисий, так как эти пункты находятся недалеко друг от друга, чтобы каждая часть их войск могла иметь информацию о том, что происходит с другой.

В Фермопилах греки ждали персов.

II. ТЕРМОПИЛЫ

Была середина лета 480 года до н. э., когда персидское войско покинуло Термы и двинулось через Фессалию к Фермопильскому перевалу. Персы разбили лагерь перед перевалом, и вперед был послан разведчик, который должен был вернуть информацию о том, что делают греки. Лишь небольшой отряд греков защищал перевал, основная часть греческой армии была отведена дальше на юг для защиты перешейка. Небольшой отряд из трехсот спартанцев был отправлен под командованием своего царя Леонида для защиты Фермопильского перевала и, по возможности, для того, чтобы не дать персам продвинуться дальше в Грецию. Эти триста человек были отборной гвардией царя, в которой могли служить только отцы сыновей, чтобы их семьи не исчезли из Спарты.

Персидский разведчик осторожно пошел вперед и, к своему удивлению, увидел, что некоторые спартанцы занимаются атлетическими упражнениями, а другие расчесывают свои длинные волосы. Остальных он не увидел, так как древняя стена, построенная через перевал, скрывала их от глаз. Он вернулся к Ксерксу и доложил об увиденном. Царь послал за греком, который был в его лагере, и спросил его, что может означать такое поведение спартанцев. Тот ответил, что они следуют древнему спартанскому обычаю: "Всякий раз, когда они собираются подвергнуть свою жизнь опасности, они заботятся о том, чтобы уложить волосы". Спартанцы знали, с какими трудностями им придется сражаться, но долг поставил их на это место, и ни один спартанец никогда не отступал и не поворачивался спиной к врагу.

Великий царь намеревался в один и тот же момент напасть и по суше, и по морю. Флоты находились в Артемизиуме, и персидских кораблей было в четыре раза больше, чем греческих. Прошел жаркий и знойный летний день, и сигнал к атаке ожидался утром. Но на рассвете море начало бурно волноваться, поднялся сильный восточный ветер, вдали загрохотал гром, и вскоре разразилась страшная буря. Греческие корабли остались невредимы, но множество персидских судов потерпело крушение, и были потеряны огромные сокровища. Три дня продолжалась буря, и три дня Ксерксу пришлось ждать, прежде чем он смог атаковать перевал. Когда на четвертый день шторм утих, началось морское сражение. Трижды греки атаковали персидские корабли, и каждый раз одерживали над ними верх. После третьего боя афинский адмирал Фемистокл получил известие, что двести персидских кораблей, шедших в тыл грекам, погибли во время шторма, так что нападения в этом направлении можно больше не опасаться. Грекам удалось повергнуть персидские корабли в смятение и так покалечить флот, что в итоге они выиграли сражение. Именно тогда Ксеркс отдал приказ своей армии атаковать перевал.

Весь жаркий летний день персы атаковали. Сначала мидийцы попытались форсировать проход, но он был узок, и, встретив спартанские копья, они падали, человек за человеком. Так продолжалось час за часом, но каждая атака была отбита, и почти ни один спартанец не

пал. Тогда медяне отступили, и их место заняли бессмертные. Они были свежи и значительно превосходили спартанцев числом, но и они не могли одержать над ними верх. Временами спартанцы делали вид, что обращаются в бегство, но когда варвары с криками и бряцанием оружия устремлялись за ними, они поворачивались лицом к варварам и убивали их в большом количестве. Спартанцы потеряли несколько человек, но в конце дня персы отступили, измученные и побежденные, а спартанцы все еще удерживали перевал.

На следующий день произошло то же самое. В этот день персы устроили такую резню, что Ксеркс трижды вскакивал с места, с которого наблюдал за боем, в смертельном страхе за свою армию. Но к концу дня перевал так и не был взят, и персы снова отступили, обессиленные и отброшенные назад, оставив большое количество своих товарищей лежать мертвыми перед перевалом.

Ксеркс был в затруднении, что ему делать дальше, когда ему сообщили, что некий человек желает его аудиенции. Это был грек, живший в тех краях, и он предложил, если перс наградит его достаточным количеством золота, провести его армию по известному ему пути, о котором спартанцы не знали, через гору к месту, откуда можно было бы атаковать перевал с тыла. Это был долгий и трудный путь, но предатель хорошо знал его и уверенно провел бы их. Награда была обещана, и примерно в то время, когда в лагере зажгли лампы, Бессмертные со своим командиром отправились в путь под руководством предателя. Всю долгую черную ночь они поднимались по крутой и каменистой тропе, а когда рассвело, достигли вершины горы. Здесь расположилась тысяча фокийцев, чтобы защитить свою страну и дорогу, ведущую в долину. Поднявшись на гору, они не могли видеть персов, так как по бокам горы росли дубы, но в великой тишине, которая наступает в природе перед рассветом, вдруг эти люди услышали неожиданный звук. Это персы наступали на сухие дубовые листья, которые густо лежали на земле под их ногами. Греки вскочили на ноги, и когда персы, внезапно налетев на них, выпустили в них свои стрелы, они отступили на возвышенность, расположенную неподалеку, где и стали ждать ожидаемого нападения. Однако, к их удивлению, враг отвернулся и покинул их. Предатель пошел дальше, за ним последовали персы, пока не оказались на дороге в тылу Леонида.

Пока была ночь, разведчики спустились с гор, где они вели наблюдение, и сообщили Леониду, что перевал повернут, а враг приближается к нему с тыла. Леонид понимал, что это значит, что пришел конец, но он командовал спартанцами и знал, что пока хоть один останется в живых, перевал не будет взят.

На рассвете, согласно договоренности с предателем, Ксеркс атаковал. Спартанцы, зная, что идут на смерть, отошли на более широкое пространство перед перевалом, где было больше места. И тут началась битва, которая никогда не будет забыта. Варвары совершали атаку за атакой, а спартанцы каждый раз сбивали их и отгоняли назад. Многие из них были сброшены в море и погибли, многие были растерзаны еще живыми и затоптаны насмерть, и число погибших не поддается подсчету. Два брата Ксеркса пали в бою, а затем пал и Леонид. Спартанцы сражались за тело своего царя; большинство их копий к тому времени были сломаны, поэтому они бились и убивали персов мечами. Четыре раза персы почти брали тело царя, и четыре раза спартанцы отгоняли их назад, когда пришло известие, что Бессмертные напали на Перевал с тыла. Тогда оставшиеся спартанцы расположились с телом Леонида за стеной и там устроили свою последнюю оборону. На этом месте те, у кого они еще были, защищались кинжалами, а те, у кого не осталось оружия, сражались руками и зубами, пока варвары, наседавшие на них спереди и сзади, не окружили их и не перебили, пока в живых не осталось ни одного спартанца.

Так персы заняли перевал, и перед ними открылась дорога на Афины.

Спартанцев хоронили там, где они пали, и воздвигли столб в память о тех, кто погиб столь великой смертью, защищая перевал. На нем были начертаны простые слова:

Незнакомец, передай спартамцам, что мы лежим здесь, повинуюсь их приказу".

III. ТЕМИСТОКЛ

Персы взяли Фермопильский перевал; Фивы, главный город Беотии, стремились быть на стороне победителей и были государством-медитатором; ничто не могло спасти Афины от завоевательной персидской армии.

Но в этот мрачный час в Афинах появился государственный деятель, который должен был вернуть Афинам уверенность в себе и закрепить их место среди свободных народов мира. Этим человеком был Фемистокл, уже известный афинянам как адмирал, победивший персов при Артемизиуме. Он происходил из скромной семьи, но законы, принятые Солоном и более поздними законодателями, позволили ему, несмотря на родовитость, подняться до самого высокого положения в государстве.

С юности Фемистокл отличался пылким и стремительным характером, быстрым умом, сильным и устремленным к действиям и великим делам. Каникулы и перерывы в учебе он проводил не в играх и безделье, как другие дети, а постоянно придумывал или составлял для себя какую-нибудь речь, так что его хозяин часто говорил ему: "Ты, мой мальчик, не будешь маленьким, а будешь великим, так или иначе, к добру или к худу". Он неохотно и небрежно принимал наставления, которые давались ему, чтобы улучшить его манеры и поведение или научить его какому-нибудь приятному или изящному делу, но все, что говорилось, чтобы улучшить его в проницательности или в управлении делами, он принимал с вниманием, превосходящим все его годы. А когда в компании ему приходилось оправдываться тем, что он не умеет играть на каком-либо струнном инструменте, [3] он отвечал, что хотя он и не умеет этого делать, но если бы в его руки попал маленький и непонятный город, он бы сделал его великим и славным. Говорят, что Фемистокл был так увлечен мыслями о славе и так пылал страстью к великим деяниям, что, хотя он был еще молод, когда состоялась битва при Марафоне, когда повсюду говорили об искусном поведении полководца Мильтиада, его заметили задумчивым и замкнутым в одиночестве; Он проводил ночи без сна и избегал всех своих обычных мест отдыха, а тем, кто удивлялся такой перемене и спрашивал о ее причине, он отвечал, что "трофей Мильтиада не дает ему спать". [4]

Именно этот человек должен был теперь помочь Афинам, и он обладал именно теми качествами, которые были наиболее необходимы в том серьезном положении, в котором она оказалась.

Фемистокл был человеком, чья природная сила была несомненной; это было то качество, которым он отличался от других людей; по своей собственной природной остроте, без

всякого обучения до или во время, он был самым искусным судьей курса, которого следовало придерживаться в неожиданной ситуации, и мог лучше всех предсказать, что может произойти в самом отдаленном будущем. Все, что он знал, он мог объяснить другим, и даже там, где у него не было опыта, он был вполне компетентен, чтобы составить достаточное суждение; никто не мог с такой же ясностью предвидеть добрые или злые намерения, скрытые в будущем.

Эта прозорливость проявилась в убеждении Фемистокла, который, "когда другие считали, что Марафонская битва положит конец войне, думал, что это лишь начало гораздо более серьезных конфликтов" [5], и из-за этого убеждения он делал все возможное, чтобы убедить афинян быть готовыми ко всему, что может произойти.

Фемистокл считал, что главное, что необходимо Афинам, - это флот, и он убедил афинян, хотя и с большим трудом, так как поначалу они не видели в этом необходимости, строить корабли. Денег в Афинах тогда было немного, а без денег корабли строить было нельзя. Но в этот критический момент в государственную казну поступила неожиданно большая сумма денег. Это были доходы от серебряных рудников в Лауриуме на юге Аттики, которые афиняне намеревались разделить между собой. "Тогда Фемистокл уговорил их отказаться от этого плана раздела и сделать для себя на эти деньги двести кораблей". Так они и сделали, а также улучшили афинскую гавань и

В дальнейшем, мало-помалу поворачивая и приближая город к морю в надежде, что с помощью кораблей они смогут отразить персов и овладеть Грецией, Фемистокл, как рассказывает Платон, превратил афинян из стойких солдат в моряков и мореходов и дал повод к упреку в свой адрес, что он отнял у них копье и щит и привязал их к скамье и веслу. []⁶

Фемистокл добился своего не без противодействия. У него был соперник в Афинах, Аристеид, человек, который рос вместе с ним и играл с ним в детстве, но всегда занимал противоположные стороны, чем бы они ни занимались. В отличие от Фемистокла, Аристеид принадлежал к знатному роду, и всякий раз, когда Фемистокл выступал на стороне народа, Аристеид отдавал предпочтение знати. Даже будучи мальчиками, они

и вскоре проявили свои природные наклонности: один - готовый, авантюрный и тонкий, с готовностью и жадой во всем участвующий, другой - степенный и уравновешенный, стремящийся к справедливости, не допускающий ни фальши, ни хитрости, ни тем более игры. []⁷

Из всех его достоинств именно *справедливость* Аристеида больше всего нравилась народу; она не подводила его ни при каких обстоятельствах, и поэтому ему дали прозвище *Справедливый*.

Теперь Аристеид считал, что строительство флота для Афин - это слишком сильное изменение прежней политики города. Афиняне выиграли Марафонскую битву и тем самым закрепили за собой репутацию воинов, и он считал очень неразумным и опасным отступать от старых традиций и вкладывать все свои силы в военные корабли. Фемистокл считал иначе, и два лидера вступили в жестокий конфликт друг с другом.

В Афинах существовал обычай, известный как остракизм. Это был закон, по которому раз в год афиняне могли изгнать на десять лет любого гражданина, который, по их мнению, взял на себя слишком много власти или стал слишком популярным. Они всегда боялись, что такая власть может привести к возвращению тирании, и, страстно желая предотвратить это, часто изгоняли тех, кто заслуживал лучшей награды за свои заслуги. Во времена национальной опасности подвергшихся остракизму иногда возвращали до окончания срока изгнания; в противном случае им разрешалось вернуться только через десять лет. Приговор об остракизме мог быть вынесен только после того, как за него проголосовало не менее шести тысяч человек. Каждый голос записывался на кусочке разбитой керамики, называемом остраконом, и помещался в урну, установленную в специально отведенном для этого месте. Конфликт между Фемистоклом и Аристеидом стал настолько сильным, что афиняне решили, что один из них должен уступить и покинуть Афины, и решили устроить остракизм. В результате Аристеид был изгнан, а Фемистокл остался вершить свои дела в Афинах без сопротивления. Рассказывают, что во время голосования

неграмотный парень, встретив Аристеида и не узнав его, подал ему свой пастух и попросил написать на нем "Аристеида"; тот, удивившись, спросил, не причинил ли ему Аристеид какого-нибудь зла. "Никакого", - ответил тот, - "и я не знаю этого человека, но мне надоело слышать, как его везде называют Справедливым". Аристеид, услышав это, как говорят, ничего не ответил, но вернул шерд с начертанным на нем собственным именем. []⁸

Аристеид был аристократом и консерватором и выступал против перемен, которые Фемистокл считал столь необходимыми, чтобы Афины сохранили свою свободу, но он был человеком, честь которого никогда не ставилась под сомнение, который отдавал все силы своей стране, никогда не требуя награды, и который, когда впоследствии его вернули к власти, а его великий соперник впал в немилость, никогда, насколько известно, ни словом, ни делом не относился к нему с подлостью или неблагородством.

Благодаря Фемистоклу у афинян появился флот и хорошая гавань, но это не могло защитить их от армии Ксеркса, которая продвигалась через Беотию к Аттике. В тревоге они послали гонцов в Дельфы, чтобы спросить совета у оракула, но полученный ответ поверг их в отчаяние. Им было велено покинуть свой дом, ибо все обречено на гибель, что огонь и бог войны вот-вот навлекут на них разорение, что надежды для них нет, но что они погрязнут в печали. Афиняне не могли поверить, что их ждет такая судьба, и снова отправились к оракулу, умоляя Аполлона взглянуть на них благосклонно. Наконец они получили следующий ответ, с которым вернулись в Афины:

Паллас не удастся смягчить Зевса Олимпийского,
Хоть словами она его осыпает и советами мудрыми,
Но я дам тебе ответ твердый и неизменный:

Завоевана должна быть земля, где стоит крепость Кекропиан,
Покорен мирный медонос священного Китаэрона; но впредь
Зевс, широко глядя, разрешает хранить в честь Палласа
Стены из дерева незыблемы, чтобы укрыть тебя и детей твоих.
Не жди ни конных, ни пеших, которые придут разорять страну твою,
Не жди ни конных, ни пеших, что придут разорять страну твою из материка далекого, а лучше
уступи врагу,
Повернувшись спиной в бегстве, ибо все равно ты встретишь его в бою.
О божественный Саламис! Сколько женских детей
Ты убьешь при посеве кукурузы и при созревании урожая! [].9

С этим ответом афиняне вернулись домой, и там разгорелась бурная дискуссия о значении оракула. Одни толковали его как то, что они должны построить деревянную ограду вокруг города, другие - что "деревянные стены" могут означать только корабли, и что они должны оставить все и отправиться на свой флот. Были и такие, кто считал, что последние строки предвещают ужасное поражение Афин, но Фемистокл поднялся на собрании и заявил, что если бы бог имел в виду именно это, он бы сказал "Саламис жестокий или беспощадный", но поскольку он сказал "Саламис божественный", то резня должна относиться к врагу, а не к афинянам. Фемистокл также был на стороне тех, кто считал, что деревянные стены - это корабли, и убедил афинян вывезти в безопасное место из Аттики своих жен и детей, а также все свое имущество, какое только можно. Так они и сделали, а затем, оставив лишь несколько человек для охраны Акрополя, сражающиеся сели на корабли и бросили якорь у острова Саламис.

Все это было сделано слишком быстро, так как

Варвары уже прибыли в Аттику, и вся земля была охвачена огнем. Они достигли Афин, взяли нижний город, а затем, обнаружив, что в храме осталось несколько афинян, заняли позицию на возвышенности напротив Акрополя и осадили их. Афиняне продолжали защищаться, хотя и дошли до крайней степени бедствия, поэтому долгое время Ксерксу не удавалось их захватить. Но в конце концов, найдя место, где никто не караулил, потому что никто не мог предположить, что кто-то может подняться этим путем, персы пробились к Акрополю, и, войдя в ворота, перебили всех защитников, разграбили храм и подожгли весь Акрополь.

Так Афины попали в руки варваров.

IV. САЛАМИС ДО КОНЦА

Афины были сожжены, стены разрушены, но афиняне еще не были побеждены: они были с флотом в Саламине и готовы были биться насмерть за свободу своего государства. К ним

присоединились корабли из других греческих государств, но когда весть о сожжении Афин дошла до греческих военачальников, те, кто прибыл из Пелопоннеса, особенно спартанцы, не захотели больше оставаться в Саламине, а хотели отплыть к себе домой, и если враг будет их преследовать, сделать там последний рывок. Фемистокл всеми силами противился этой политике, и последовала жаркая дискуссия. Коринфский адмирал насмехался над Фемистоклом, что тот хочет остаться и сражаться в Саламине, потому что у него теперь нет родины, на что тот ответил, что там, где есть афинские корабли и афинские люди, есть Афины, и что, кроме того, это большая земля, чем Коринф, поскольку афиняне послали двести кораблей, больше, чем корабли всех остальных греков вместе взятых. Несмотря на его страстный призыв, командиры остальных греческих кораблей решили отплыть и оставить афинян сражаться с варварами в одиночку.

В таком отчаянном положении Фемистокл придумал хитрость, с помощью которой он мог бы вызвать на бой своих союзников, прежде чем они успеют покинуть его. Он отправил тайного гонца, которому мог доверять, на лодке к лагерю варваров и поручил ему передать это послание Ксерксу:

Командир афинян послал меня тайно, без ведома других эллинов (ибо, как видно, он расположен к делу царя и желает, чтобы победа досталась скорее твоей стороне, чем эллинам), сообщить тебе, что эллины собираются бежать, пораженные ужасом; и теперь ты можешь одержать большую победу, если не позволишь им бежать: ибо они не единомысленны друг с другом и не выступят против тебя в бою, но ты увидишь, как они будут сражаться друг с другом на море, те, кто настроен на твою сторону, против тех, кто не настроен".

Ксеркс принял эту весть с радостью и немедленно приступил к ее исполнению, окружив греков, чтобы ни один не мог спастись. В это время Аристеид, изгнанный соперник Фемистокла, чей приговор был отменен в этот тяжелый час, когда Афинам нужны были все ее сыновья, внезапно вернулся из Эгины к афинскому флоту с известием, что никто из греков не может уплыть, потому что они уже окружены врагом. Аристеид передал эту новость сначала Фемистоклу, сказав ему, что если в другие времена они были соперниками, то сейчас они могут соперничать только в одном виде - в том, кто из них больше послужит своей стране. Новости, которые он принес, оказались правдивыми, и теперь грекам не избежать битвы.

Морское сражение началось с рассветом. Ксеркс воздвиг для себя большой трон, с которого он мог наблюдать за событиями дня; "и на виду у всего войска трон стоял на высоком холме у самого моря".

Эсхил, великий афинский поэт, сам присутствовавший на битве, написал пьесу "*Персы*", в которой гонец приносит весть о Саламине матери Ксеркса, ожидавшей в Сузах возвращения сына. Никогда прежде он не терпел поражений, но теперь она должна выслушать рассказ о горе:

С этого начались все наши беды, королева:
Демон или падший изверг восстал - кто знает, откуда?
Ведь из афинского войска пришла эллинка,
И сыну твоему, Ксерксу, поведал эту историю,

Что когда наступит черная ночь,
Греки не стали бы оставаться, но, вскочив прямо
На форштевень галеры, туда и сюда.
В скрытном бегстве спасти свои жизни.
Как только он услышал, не видя ни коварства
В том греке, ни ревности небесной,
Всем своим капитанам он возвестил это слово,
Что, когда солнце перестанет палить землю,
и мрак заполнит освященное пространство неба,
В три линии должны они выстроить свою толпу кораблей.
Чтоб охранять каждый проход, каждый морской пролив;
А другие должны оцепить весь остров Айаса:
Ведь если грекам все же удастся избежать гибели,
И найдут их корабли укромный путь для бегства,
Все эти капитаны были обречены на гибель.
Так говорил он, в духе самоуверенном,
Не зная, что боги предвещают.
Сердца послушны, не смущены,
Потом ужинали наши экипажи, и каждый моряк
К хорошо обтесанной колодке пристегнул свое весло.
Но когда блеск солнца померк,
и наступила ночь, каждый хозяин весла
На борт корабля взошел, и каждый оруженосец.
И тогда от шеренги к шеренге длинных кораблей передавалось слово:
И, как было каждому назначено, так они и плыли.
Так всю ночь капитаны кораблей
Держали все морское войско под парусами.
Ночь прошла, а эллины все плыли.
не совершало тайного бегства.
Но когда наступил день, белые кони, запряженные в колесницы,
сияя, залил светом всю землю,
Первым из эллинов раздался громкий крик.
Зазвенел триумфальный напев; и дикий и высокий
С островной скалы раздался ответный крик
Эхо. Всех наших людей охватил ужас
От несбывшихся ожиданий; ибо греки
Не для бегства пели этот священный гимн,
но с героическими сердцами устремились в бой.
Трубный глас зажег все их ряды.
Сразу же, с звоном лихих весел
Они с громким кличем рассол разнесли,
И внезапно промелькнули все они.
Впереди их правое крыло, как положено, шло
В честном строю; дальше все их вооруженье
В бой устремилось. И тут раздался
крик: "Вперед, сыны Эллады, вперед!
Завоюйте для родины свободу! Свободу завоюйте
Для сыновей, жен, храмов богов предков,
И могил старых предков! Сегодня все поставлено на карту!"

Да, и от нас донесся гром персидских приветствий.
Ответили - не время медлить!
И тут же галера опустила свой бронзовый клюв
На галеру. Эллинский корабль начал
Наступление, и берег весь в фигурном уборе
С финикийского: капитан на капитана напал.
Сперва персидский флот, нахлынувший потоком
Сдержал их; но когда наш огромный флот был стеснен
В проливном пространстве - друг не мог оказать помощь другу.
Тогда наши клыки союзников бронзовыми клювами
Поразили и разбили весь их гребной ряд;
А эллинские корабли с проницательной стратегией
Вьются вокруг, и таранят нас, и переворачивают корпуса
Кораблей, и больше не было видно моря,
заваленное обломками и конечностями убитых людей:
Берега, скалы, рифы были усеяны трупами.
Затем гребли все корабли в беспорядке,
Да, каждый киль нашего варварского войска,
Они обломками весел и осколками обломков
Били, рубили, как люди бьют тунцов и рыбу.
рыб; и стон, сбитый с толку
с воплями, витал над морской водой.
Пока ночь не скрыла весь ужас.
Этот рой бед, да, хоть на десять дней.
Я должен был бы повторить, но не могу рассказать об этом во всей полноте.
Но знайте, что никогда в один день
Не погибало столько людей, о которых не рассказывают. []10

Великий царь Ксеркс потерпел поражение, и теперь его единственным желанием было вернуться домой в Азию. Он оставил своего полководца Мардония в Фессалии с отборным войском, которое должно было продолжить войну весной, а сам с тем, что осталось от его армии, двинулся в обратный путь через Македонию и Фракию, к Геллеспонту и обратно в свои земли. Это был совсем не тот триумфальный поход, который он совершил в начале года. Жители земель, через которые они проходили, не боялись побежденного царя, и было трудно достать провизию. Персы захватывали все, что удавалось собрать,

а если не находили урожая, то брали траву, растущую из земли, сдирали кору с деревьев, срывали листья и пожирали их. Тогда чума охватила войско, и некоторых из заболевших царь оставил.

В таком виде Ксеркс вернулся домой.

Тем временем Мардоний со своим войском провел зиму в Фессалии. Когда наступила весна (это было весной 479 года до н.э.), он отправил к афинянам гонца, который сказал им такие слова:

Афиняне, пришло послание от царя, в котором говорится следующее: Я прощаю вам все обиды, которые были совершены против меня, и вот что я говорю: Я верну вам вашу собственную землю и любую другую в придачу, и вы останетесь независимыми; и я отстрою все ваши храмы, если вы заключите со мной договор.

Спартанцы узнали об этом послании и отправили в Афины гонцов, умоляя афинян не заключать договора с варваром, так как боялись, что если Афины станут подвластны Персии, то им не будет никакой безопасности. Они предлагали послать в Афины припасы, чтобы возместить потерю урожая, уничтоженного персами, поддержать семьи убитых афинян, сделать почти все, что угодно, лишь бы афиняне устояли.

Спартанцам не стоило бояться. Свободолюбивые афиняне вряд ли покорились бы врагу-варвару. Они отправили персу такой ответ:

Пока солнце идет тем же путем, что и сейчас, мы никогда не заключим соглашения с Ксерксом, но, уповая на богов и героев как на союзников, пойдем защищаться от него.

Спартанцам они сказали:

Естественно, конечно, что вы боитесь, чтобы мы не заключили договор с варваром; но это недостойный страх для людей, которые так хорошо знают дух афинян, а именно, что нигде на земле нет ни такого большого количества золота, ни такой прекрасной земли, чтобы мы были готовы принять его и поработить Элладу, перейдя на сторону мидян. Будьте уверены, что пока жив хоть один из афинян, мы никогда не заключим соглашение с Ксерксом. Мы благодарны тебе за твое отношение к нам, но мы будем продолжать терпеть, как можем, и не причиним тебе никакого беспокойства. Но высылайте войско как можно скорее, ибо варвар в недалеком будущем вторгнется в наши земли. Поэтому, пока он не прибыл сюда, в Аттику, быстро придите к нам на помощь в Беотию".

Так ответили афиняне, и посланцы отправились обратно в Спарту.

Когда посланцы вернулись к Мардонию с ответом из Афин, персидский полководец вышел из Фессалии через Беотию в Аттику, и варвар во второй раз сжег Афины. Ксеркс оставил лишь немного для сожжения, Мардоний не оставил ничего. Затем он вернулся в Беотию и разбил свой лагерь в районе между Фивами и Платеей. Здесь он ждал греков. Они пришли с некоторой задержкой, так как спартанцы приводили различные доводы, чтобы не отправляться в путь, но в конце концов под предводительством своего царя Павсания они выступили в поход и присоединились к афинянам. И вот у Платеи разыгралась последняя великая битва в этой великой войне. Целый день бушевала она, и поначалу казалось, что персы одерживают верх, но пока исход битвы был под вопросом, Мардоний был убит, а

вместе с ним бежали и все надежды персов. Они обратились в бегство, но их преследовали и догнали греки, и в живых осталось совсем немного. Тогда греки вошли в лагерь персов и с изумлением смотрели на богатства, которые они там обнаружили. Там были "шатры, обставленные золотом и серебром, и постели, покрытые золотом и серебром, и чаши для смешивания из золота, и кубки, и другие сосуды для питья". Десятую часть этой богатой добычи отправили в Дельфы, а остальное разделили между участниками битвы. Бронзовая статуя Зевса была отправлена в качестве подношения в Олимпию, а статуя Посейдона - на перешеек. Кроме того, было решено, что земля, принадлежащая Платее, должна навсегда остаться священной, и никогда больше на ней не должно происходить сражений.

После того как персы взяли Фермопилы, тело Леонида было похищено и жестоко использовано в отместку за то, что он осмелился противостоять великому царю и зарубил столько персидских воинов. Павсанию предложили отомстить за это варварское деяние, изуродовав тело павшего в битве Мардония.

Чужеземец, - ответил он, - ты считаешь меня ничтожеством, советуя совершить такой поступок. Такие вещи более подобает делать варварам, чем эллинам, и даже у них мы находим недостаток в том, что они так поступают. Я не желаю таким образом угождать тем, кто любит подобные вещи. Что касается Леонида, то он уже отомщен бесчисленным количеством жизней, отнятых у этих людей. Что касается тебя, то не приходи ко мне больше с подобным предложением и не давай подобных советов; и будь благодарен, что теперь тебе не грозит за это наказание".

В персидском лагере греки нашли палатку самого Ксеркса, которую он оставил Мардонию, не желая обременять себя лишним багажом во время бегства из Греции. Когда Павсаний увидел ее, он,

увидев мебель Мардония, обставленную золотом и серебром и увешанную разными цветами, приказал пекарям и поварам приготовить еду, как они привыкли делать для Мардония. И когда они сделали это, как им было приказано, говорят, что Павсаний, увидев золотые и серебряные кушетки с роскошными покрытиями, столы из золота и серебра и великолепное устройство пира, был поражен тем, что перед ним было, и ради спортивного интереса приказал своим слугам приготовить лаконскую еду; И так как, когда пир был подан, разница между двумя блюдами оказалась велика, Павсаний рассмеялся и послал за эллинскими военачальниками; и когда они собрались, Павсаний сказал, указывая на приготовление обоих блюд по отдельности: "Эллины, я для того и собрал вас, чтобы показать вам бессмысленность этого вождя медян, который, имея такую пищу, как эта, пришел к нам, имеющим такую жалкую пищу, какую вы видите здесь, чтобы отнять ее у нас". Так, по преданию, Павсаний обратился к эллинским полководцам.

После Саламинской битвы персидские корабли ушли на Самос, а греческие - на Делос, где и провели зиму. Весной, когда армии выступили в поход, чтобы встретиться у Платеи, флоты медленно двинулись к ионическому побережью, и в тот же день, когда произошла битва при Платее, как рассказывает Геродот, они встретились в ожесточенном морском бою, в котором персы были полностью разгромлены. Таким образом, в один и тот же день, на суше и на

море, варвар был побежден, и Греция стала свободной. Она доказала, что право выше силы и что в борьбе за свободу слабый может противостоять сильному и победить".

[1] Если не указано иное, глава IX взята или адаптирована из *"Истории" Геродота*.

[2] См. с. 385.

[3] См. с. 227.

[4] Плутарх: *Жизнь Фемистокла*.

[5] Фукидид, I.

[6] Plutarch: *Life of Themistocles*.

[7] Плутарх: *Жизнь Аристиды*.

[8] Плутарх: *Life of Aristides*.

[9] Из перевода Алисы Циммерн в книге *"Греческая история для юных читателей"*.

[10] Aeschylus: *The Persians*, перевод А. С. Взя.

ГЛАВА X

АФИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

I. УКРЕПЛЕНИЯ АФИН

Персы были побеждены, и Греция стала свободной. Афиняне пострадали больше других государств, ведь они были вынуждены оставить свой город, чтобы его занял враг, и дважды сжигали его дотла. Теперь, однако, они могли свободно вернуться. Город был полностью разрушен, но великая надежда на будущее наполнила их сердца, когда они обнаружили, что священное оливковое дерево на Акрополе, сожженное персами, не погибло, а пустило свежие зеленые побеги. Афина не оставила их.

Теперь Фемистокл был признанным лидером Афин и героем всей Греции.

На следующих Олимпийских играх, когда он вышел на арену, зрители не обращали внимания на тех, кто боролся за призы, а весь день смотрели на него, показывали его

незнакомым людям, восхищались им, аплодировали ему, хлопая в ладоши и выражая радость, так что он сам, немало довольный, признался друзьям, что пожинает плоды всех своих трудов ради греков. []1

По своей природе он был большим любителем почестей и славы, и ему нравилось казаться выше других людей. После битвы при Саламине, когда на берег вынесло множество персидских мертвецов, "он увидел на них золотые браслеты и ожерелья, но прошел мимо, показав их только другу, который шел за ним, сказав: "Возьми себе эти вещи, ведь ты не Фемистокл"". [].2

Именно этот человек дал Афинам флот, с помощью которого они победили варваров, и теперь он понял, что для сохранения независимости город должен быть хорошо укреплен. Афиняне охотно последовали его совету, и все жители города, мужчины, женщины и даже дети, усердно трудились над восстановлением стен. Спартанцы все больше завидовали растущему могуществу афинян и, узнав о новых стенах, возвышающихся вокруг Афин, отправили туда посланников, чтобы сообщить афинянам, что они считают ненужным укреплять свой город. Они считали, что лучше, чтобы в Аттике не было города с крепкими стенами, потому что если враг когда-нибудь захватит его, цитадель можно будет использовать как базу, с которой враг отправится завоевывать другие места. Если снова начнется война и афиняне почувствуют себя неуверенно в своем городе, Спарта с радостью примет их в Пелопоннесе. Фемистокл предложил отправиться в Спарту и все обсудить со спартанскими вождями, и отправился в путь. Он оставил распоряжение, чтобы во время его отсутствия работы на стенах велись со всей возможной скоростью и чтобы к нему прислали гонцов, которые сообщат, когда работы будут закончены. Но спартанцев не удовлетворили оправдания и объяснения Фемистокла, и он предложил им послать гонцов в Афины, чтобы самим узнать правду. Они едва успели приступить к работе, как прибыли афинские гонцы с известием о том, что стены построены. Тогда Фемистокл рассказал спартанцам всю правду, заявив, что Афины во всем равны Спарте и не будут принимать от нее никаких приказов о том, что ей делать или не делать на своей земле. Спартанцы были разгневаны, но не показали этого, и Фемистокл вернулся домой в Афины.

Далее Фемистокл приступил к работе по укреплению гавани Пейрей. Афины находятся в нескольких милях от моря, и Пейрей - это ее гавань. Это полуостров с глубокой бухтой с одной стороны, в которой корабли могут безопасно стоять на якоре. Вокруг полуострова была возведена мощная стена, а узкий вход в гавань был защищен цепями, которые можно было легко натянуть, чтобы в случае необходимости предотвратить вход любых кораблей. Затем город и гавань соединили длинными стенами, которые практически образовали укрепленную дорогу до самого моря. Это давало Афинам все преимущества морского порта, и врагу было бы так же трудно взять Афины, как и Милет.

Персы были разбиты в Греции, но ионийские греки в Малой Азии все еще подчинялись Великому царю. Теперь, когда война закончилась, эти греки обратились к материковым государствам с просьбой помочь им. Афины проявляли особый интерес к этим ионийским колониям, поскольку они были заселены людьми, состоявшими в близком родстве с афинянами. Таким образом

Эллины совещались об удалении жителей Ионии и думали, где бы им поселить их в тех частях Эллады, которыми они владели, оставив Ионию варварам, ибо им было ясно, что, с одной стороны, невозможно постоянно находиться в качестве стражи для защиты ионийцев,

а с другой стороны, если они не будут стоять для их защиты, то у них не будет надежды, что ионийцы спасутся от персов. Поэтому пелопоннесцам, обладавшим властью, казалось, что хорошо бы удалить жителей торговых портов, принадлежавших тем народам Эллады, которые перешли на сторону медяков, и отдать эти земли ионийцам для проживания; но афиняне не считали нужным ни удалять жителей Ионии, ни советоваться с пелопоннесцами об афинских колониях; и так как те упорно сопротивлялись этому предложению, пелопоннесцы уступили. [].³

Спартанцы не только уступили, но и, когда афинский флот отправился в Геллеспонт, спартанцы послали двадцать кораблей с Павсанием, полководцем, командовавшим при Платее, чтобы присоединиться к экспедиции. Объединенный флот взял Сестос, а в следующем году - Византию. Павсаний остался командовать в Византии, и вскоре в нем произошла странная перемена. Его манеры стали властными и гордыми, он отказался от спартанских привычек простого образа жизни и перенял персидские обычаи, даже одевался как перс. Все это было настолько подозрительно, что его отозвали в Спарту, но так как ничего против него не было доказано, он вернулся в Византию. Здесь он вступил в переписку с Ксерксом и предложил, в обмен на золото и дочь великого царя в качестве невесты, предать Грецию персам. Хотя в Спарте об этом узнали только позже, его поведение стало достаточно подозрительным, чтобы спартанцы отозвали его во второй раз, но сначала не могли найти никаких конкретных доказательств его предательства. Наконец один из его рабов дал против него показания. В течение некоторого времени Павсаний посылал гонцов в Малую Азию, и этот раб заметил, что ни один из них не вернулся. Когда настала его очередь, вместо того чтобы отнести послание на Восток, он отнес его одному из эфоров, который вскрыл его и нашел в нем доказательства вероломства и предательства Греции варварам, а также приказ убить раба, принесшего послание. Весть о том, что его посланца перехватили, дошла до Павсания, который немедленно бежал из своего дома и укрылся в камере, примыкающей к святилищу в одном из храмов. Здесь он был в безопасности, но эфоры, чтобы предотвратить его побег, приказали завалить дверной проем, и, заточенный в маленькой камере, Павсаний медленно умирал от голода. Его вывели только тогда, когда он был уже на грани смерти, чтобы тело предателя не осквернило храм.

В то время как в Спарте происходили эти события, в Афинах делами заправлял Фемистокл. У него было много врагов среди афинян, и они обвиняли его во многих неправильных действиях. Они никогда не были точно доказаны, а записи о конце его карьеры настолько скудны, что трудно сказать, сколько правды было в этих обвинениях, но, несомненно, существовал ряд подозрительных фактов, которыми воспользовались его враги. Среди прочего его обвиняли в получении взяток. Он отрицал это, но, покинув Афины, стал обладателем необычно большого состояния, источники которого так и не были объяснены. У Фемистокла был очень острый язык, и когда его враги нападали на него, он напоминал им, гораздо чаще, чем это было необходимо, о великих заслугах, которые он совершил для Греции и для Афин в частности, и это высокомерное хвастовство сделало его ненавистным для многих людей, которые в противном случае могли бы быть его друзьями. Последнее серьезное обвинение, выдвинутое против него, заключалось в том, что он поддерживал связь с персами и собирался выступить в роли предателя. Доказательств этому не было, но Фемистокл верил в политику заключения мира с персами. Не было опасений, что они снова нападут на греков, и Фемистокл видел, что богатство и процветание наверняка придут в Афины благодаря торговле, поэтому он выступал за мирные отношения с великой империей

Востока, чтобы афинские купцы могли безопасно входить и выходить из ее торговых портов и тем самым увеличивать богатство и значение Афин. Но такая политика была очень непопулярна в Афинах, и чувства против Фемистокла становились все более и более ожесточенными, пока, наконец, его не подвергли остракизму. Он покинул Афины и стал скитаться из города в город. Ни один город не принимал его, отчасти потому, что его боялись, а отчасти потому, что Афины были теперь могущественным государством, и никто не хотел обидеть ее, дав приют одному из своих изгнанников. Иногда он был вынужден спасаться бегством, а однажды единственным способом безопасно вывезти его из города было спрятать его в подстилку, которую поместили в закрытую карету, как обычно путешествуют дамы, и так "его повезли, а тем, кто встречался или разговаривал с водителем по дороге, говорили, что он везет молодую гречанку из Ионии к одному придворному вельможе". [].4

После этого и подобных приключений бездомный, странствующий из города в город Фемистокл, человек, спасший Грецию, заложивший основы величия Афин, бывший самым злейшим и неумолимым врагом персов, пришел в Сузы и, распростершись перед Артаксерксом, сменившим Ксеркса на посту царя, сказал ему:

"О царь, я Фемистокл Афинянин, изгнанный греками в изгнание. Зло, которое я причинил персам, многочисленно, но я пришел с умом, соответствующим моим нынешним бедам; я готов как к благосклонности, так и к гневу. Если ты спасешь меня, то спасешь и своего сторонника; если иначе, то погубишь врага греков". [].5

Царь очень обрадовался прибытию Фемистокла, и он "был так доволен, что ночью, среди сна, трижды воскликнул от радости: "У меня Фемистокл Афинянин!"". [6] Придворные, окружавшие царя, были менее довольны и говорили о Фемистокле как о "тонком греческом змее".

По истечении года Фемистокл смог легко говорить на персидском языке и стал очень близок с царем, который почитал его выше всех чужеземцев, приезжавших ко двору.

Нет никаких записей, чтобы рассказать нам обо всем, что должно было происходить в сердце и уме Фемистокла, изгнанного из Греции и жившего с персом, но традиция передала нам надежду, что в конце концов его древняя любовь и преданность Афинам восторжествовали, поскольку говорится, что великий царь призвал его помочь персам в экспедиции против Греции, но Фемистокл, вместо того чтобы опуститься до такой глубины позора, выпил яд и таким образом покончил с собственной жизнью. Это был трагический конец великого человека, совершившего великие подвиги ради своей страны. Но его характер оказался недостаточно сильным, чтобы выдержать напряжение постоянных обвинений, оскорблений и несправедливости со стороны врагов, и в час испытаний он не выдержал и отвернулся от своей страны. Хотя он почти наверняка невиновен в самом худшем из того, в чем его обвиняли еще в Афинах, его последующие действия ставят его если не в один ряд с теми, кто стал настоящим предателем своей страны, то, по крайней мере, с теми, чья верность и честь были запятнаны.

Этот недостаток в характере Фемистокла был очень распространен в Греции. Греки не были благодарным народом. Они, и особенно афиняне, всегда боялись, что слишком большая власть в руках одного человека приведет их обратно к тирании, и поэтому часто не признавали и не награждали подобающим образом тех, кто совершил для них великие дела.

Греческий патриот страстно любил свое государство, но эта любовь нередко переходила в ненависть, если встречала неблагодарность, и самые печальные страницы греческой истории - это те, на которых записаны имена греческих предателей.

Афины никогда не смогли бы стать великим государством, если бы не деятельность Фемистокла, и, несмотря на все, что он сделал в последние годы своей жизни, хочется верить, что история, сохраненная Плутархом, правдива. Он рассказывает, что спустя много лет после смерти Фемистокла у гавани Пейрей, где море всегда спокойно, была обнаружена гробница великого афинского государственного деятеля, о которой говорили следующее:

Гробница твоя стоит на берегу,
Где купцы все еще будут приветствовать ее на земле;
Они будут приходить и уходить,
И наблюдать за галерами, что мчатся вниз. []⁷

Возможно ли, что афиняне более позднего поколения, осознав, что сделал Фемистокл для Афин, простили его и принесли его тело домой, чтобы оно покоилось рядом с великой гаванью, которую он сам создал?

II. ДЕЛОССКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

Отзыв Павсания из Византии оставил спартанцев в Малой Азии без полководца. Спарта никогда особо не стремилась освободить ионийцев, а ионийцы, что вполне естественно, больше доверяли морской державе, чем той, чья сила заключалась главным образом в ее армии, поэтому они обратились за руководством к Афинам.

Фемистокл был в изгнании, а его старый соперник Аристеид теперь был самым влиятельным лидером в Афинах. Он считал, что долг афинян - сделать все возможное, чтобы освободить своих сородичей в ионийских городах от персидского владычества, и с этой целью он и ионийские вожди образовали лигу, известную как Конфедерация или Делосская лига. Свое название она получила от острова Делос, где проходили собрания и хранилась казна Лиги. Делос был выбран потому, что до него могли легко добраться все члены Лиги, а также потому, что это было место, особо почитаемое Аполлоном, ведь, по легенде, он родился именно там, и до того, как Дельфы стали столь важны, его главное святилище находилось на острове, где он родился.

Целью Лиги было освобождение всех эллинов в Малой Азии и на островах Эгейского моря от персов и, обеспечив им свободу, помочь им сохранить независимость. Для этого нужны были деньги и корабли. "По доброй воле союзников афиняне получили руководство. Они сразу же определили, кто из городов должен поставлять деньги, а кто - корабли для войны с варварами" [8], а поскольку они были

желая, чтобы город за городом получал должную долю, они поручили Аристеиду обследовать страны и оценить каждого в соответствии с его способностями и стоимостью; и он установил налог не только без коррупции и несправедливости, но и к всеобщему удовлетворению и удобству. Кроме того, Аристеид заставил всех жителей Греции поклясться соблюдать договор, а сам дал клятву от имени афинян, бросив в море клинья из раскаленного железа и прокляв тех, кто нарушит свою клятву. [].⁹

Взносы собирались каждую весну десятью специально назначенными людьми, называемыми эллинскими управителями, которые приносили деньги на Делос, где они помещались в сокровищницу Лиги. Лига сразу же начала свою работу, и один за другим греческие города в Малой Азии и на островах Эгейского моря освобождались, пока, наконец, ни один из них не остался под властью Персии. По мере обретения независимости каждый город вступал в Лигу, сила и значение которой росли по мере увеличения ее численности. Афины были ее признанным лидером; она не только определяла сумму взноса каждого члена, но и все эллинские управители были афинянами, а дела Лиги регулировались афинскими законами. Постепенно отношения Афин с другими членами Лиги менялись. Сначала государства считали себя союзниками друг друга и Афин, но по мере роста могущества Афин она стала рассматривать эти греческие государства не столько как союзников, сколько как подданных, обязанных следовать ее примеру и выполнять ее приказы. В конце концов эти отношения были настолько признаны, что в некоторых государствах Афины потребовали принести клятву верности от тех, кто пользовался ее защитой как члены Делийской лиги:

Я не восстану против афинского народа ни в каком виде, ни словом, ни делом, и не буду соучастником восстания. Если кто-то взбунтуется, я сообщу об этом афинянам. Я буду платить афинянам дань и буду верным и настоящим союзником, насколько это в моих силах. Я буду помогать афинскому народу, если кто-либо причинит ему вред, и буду повиноваться его приказам". []¹⁰

На словах Афины вместе со всеми островными государствами в Эгейском море и ионийскими городами в Малой Азии были союзниками и независимыми. Их посланники по-прежнему встречались на Делосе, якобы для того, чтобы посоветоваться друг с другом, но на самом деле они подчинялись Афинам и выполняли их приказы. Лига была образована в 477 году до н. э., и в течение двадцати трех лет Делос был ее штаб-квартирой. Затем было предложено перенести казначейство в Афины, и в будущем проводить там собрания. Теперь Афины перестали быть просто ведущим государством среди своих союзников. С переносом казначейства с Делоса в Афины она стала не просто ведущим государством конфедерации, а Афинской империей, как по названию, так и по сути.

III. АФИНСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРИ ПЕРИКЛЕ

Теперь Афины были империей и признавались таковой. Островные государства в Эгейском море, а также ионийские города на материковой части Малой Азии были связаны с ней узами верности. Сердцем империи были Афины, и там принимали переселенцев из самых разных мест, если они приносили с собой что-то, способствующее благосостоянию города: скульптора, мастера по обработке золота, серебра и других металлов, гончара, красильщика, кожевника, купца, привозившего дорогие товары из дальних стран, - всех этих и многих других принимали с радостью.

PERICLES.
British Museum.

ПЕРИКЛЫ.

Британский музей.

Фемистокл был изгнан, Аристеида умерла, и теперь ведущую роль в афинских делах играл государственный деятель по имени Перикл. Его юность пришлась на одни из самых захватывающих лет афинской истории. Еще ребенком он стал героем-поклонником тех, кто сражался при Марафоне; он, должно быть, был среди тех старших детей, которые были вынуждены бежать из Афин при приближении Ксеркса; и хотя он был недостаточно взрослым, чтобы сражаться, он был достаточно взрослым, чтобы понимать, как много зависит от исхода битвы при Саламине, и он, вероятно, провел тот великий день в звуках, если не в поле зрения, конфликта между двумя враждебными флотами. Его отец был командующим флотом, который в следующем году разбил персов в тот же день, когда произошла битва при Платее, и можно представить, как юноша, вернувшись в любимые Афины, прославлял подвиги отца и своих соотечественников и решил внести свою лепту в превращение Афин в великий и славный город.

Перикл принадлежал к знатной семье и получил образование у великих философов своего времени. Подобно Фалесу Милетскому, эти люди верили, что природой управляют законы, не имеющие ничего общего с доброй волей или гневом богов, а один из них, хотя и верил в существование многих богов, придерживался убеждения, что мир был создан одним лишь Разумом, и он научил Перикла разделять эту веру. Это помогло освободить разум Перикла от суеверий, и несколько раз он пытался избавить других от страхов, которые приносят суеверия. Однажды он находился на борту своего корабля, когда произошло затмение солнца. Темнота наполнила всех ужасом, и на нее смотрели как на знак гнева богов.

Поэтому Перикл, видя, что рулевой охвачен страхом и не знает, что делать, взял свой плащ и держал его перед лицом человека, и, закрыв его так, что он не мог видеть, спросил его, считает ли он, что в этом есть большой вред или признак большого вреда, и он ответил отрицательно: "Что, - сказал он, - это отличается от этого, только то, что вызвало эту темноту там, является чем-то большим, чем плащ." [].¹¹

Хотя по рождению Перикл принадлежал к знати, в Афинах он встал на сторону народа, отчасти потому, что поначалу не хотел делать ничего такого, из-за чего могло бы показаться, что он стремится к единоличной власти тирана. Вскоре он стал признанным лидером, а затем

начал совершенно по-новому распоряжаться своим временем. Его не видели на улицах, кроме той, что вела к рынку и залу совета, он избегал приглашений друзей на ужин и любых дружеских визитов и общения. Кроме того, он появлялся только через определенные промежутки времени, не приходя постоянно в Собрание, а резервируя себя для важных случаев. [].¹²

Во многих отношениях Перикл показывал себя выше окружающих его людей, и за это превосходство и за его огромную власть в государственных делах ему дали фамилию Олимпиец. О нем, как о Зевсе, говорили, что он говорит с

громом и молнией, а на языке у него была грозная молния. Однако Перикл был очень внимателен к тому, что и как он должен был говорить, и всякий раз, когда ему предстояло выступать в собрании, он молил богов, чтобы ни одно слово не вырвалось у него незаметно, не соответствуя делу и случаю. []¹³

Под руководством Перикла Афины превратились в великое государство. Век Перикла был коротким, длился всего около пятидесяти лет в последней части пятого века до нашей эры, но это был период, который был великим не только в материальном процветании, но и во всех формах интеллектуальной и художественной красоты. Работы Перикла

которая дала наибольшее удовольствие и украшение городу Афины, и наибольшее восхищение и даже удивление всем чужестранцам, и которая теперь является единственным доказательством Греции, что сила, которой она хвасталась, и ее древнее богатство не романтика или пустая история, было его строительство общественных и священных зданий. []¹⁴

История этих зданий будет рассказана в отдельном месте; более двух тысяч лет они свидетельствовали о величии народа, который их построил.

По законам Перикла каждый свободнорожденный афинский гражданин, каким бы бедным он ни был, мог принимать активное участие в управлении государством, тем самым завершив работу предыдущих законодателей и превратив Афины в демократию, государство, которым управляют многие.

В Афинах существовал обычай, согласно которому тела убитых в бою афинян привозили домой и хоронили в специальных гробницах, которые находились в очень красивом месте за стенами города. Только после битвы при Марафоне погибших, в знак признания их великой доблести в борьбе с варварами, похоронили на поле боя. Всех остальных привозили домой и устраивали публичные похороны. Вместе с ними всегда хоронили пустой гроб, как символ всех тех, чьи тела пропали без вести и не могли быть найдены после битвы. Считалось, что это желание оказать честь мертвым и достойно похоронить их обеспечит им счастье в жизни после смерти, которое, по мнению каждого грека, будет нарушено, если не будет должного погребения. В конце похоронных церемоний всегда просили какого-нибудь великого оратора произнести подходящую речь. В одном из таких случаев оратором был Перикл, и в своей великой похоронной речи он изложил афинянам то, что, по его мнению, Афины олицетворяли собой в мире. Нет лучших слов, чтобы описать величие Афин того времени и идеалы, к которым они стремились, поэтому прислушайтесь к словам Перикла, описывающего город, который он любил:

Наша форма правления не вступает в соперничество с чужими институтами. Мы не копируем наших соседей, а являемся для них примером. Правда, нас называют демократией, потому что управление находится в руках многих, а не немногих. Но хотя закон обеспечивает равную справедливость для всех в их частных спорах, признается и право на превосходство; и если гражданин чем-то выделяется, ему отдается предпочтение на государственной службе, но не

в качестве привилегии, а в качестве награды за заслуги. Бедность также не является препятствием, но человек может приносить пользу своей стране независимо от своего состояния. Дух благоговения пронизывает наши общественные деяния; мы удерживаемся от дурных поступков благодаря уважению к власти и законам, проявляя особое уважение к тем из них, которые предписаны для защиты обиженных, а также к тем неписаным законам, которые навлекают на их нарушителя порицание общего настроения.

И мы не забыли предоставить нашим усталым духам многочисленные послабления от трудов; в течение всего года мы регулярно устраиваем игры и жертвоприношения; дома стиль нашей жизни изыскан; и удовольствие, которое мы ежедневно испытываем от всего этого, помогает изгнать меланхолию. Благодаря величию нашего города к нам стекаются плоды всей земли, так что мы можем наслаждаться товарами других стран так же свободно, как и своими собственными..... Мы любим прекрасное, но при этом просты в своих вкусах, и культивируем ум без потери мужественности. Богатство мы используем не для болтовни и показухи, а когда оно действительно нужно. Признаться в бедности для нас не позор; истинный позор в том, что мы ничего не делаем, чтобы ее избежать. Афинский гражданин не пренебрегает государством, потому что заботится о собственном хозяйстве; и даже те из нас, кто занимается бизнесом, имеют весьма справедливое представление о политике. Только мы считаем человека, не интересующегося общественными делами, не безвредным, а бесполезным персонажем; и если немногие из нас являются инициаторами, мы все здраво оцениваем политику..... В делании добра, опять же, мы не похожи на других; мы приобретаем друзей, оказывая, а не получая услуги..... Подводя итог, я скажу, что Афины - школа Эллады... ибо в час испытаний одни Афины среди своих современников превосходят все, что о них говорят..... Мы заставили каждую землю и каждое море открыть путь для нашей доблести и повсюду установили вечные памятники нашей дружбы и нашей вражды. Это город, ради которого эти люди благородно сражались и умирали; они не могли смириться с мыслью, что она может быть отнята у них; и каждый из нас, кто остался в живых, должен с радостью трудиться над ее именем..... День за днем смотрите на величие Афин, пока не проникнитесь любовью к ней; и когда вы будете впечатлены зрелищем ее славы, подумайте, что эта империя была приобретена людьми, которые знали свой долг и имели мужество его выполнить.....

И теперь, когда вы должным образом оплакали, каждый своего умершего, вы можете удалиться. []¹⁵

[1] Плутарх: *Life of Themistocles*.

[2] Ibid.

[3] Геродот, IX.

[4] Плутарх: *Жизнь Фемистокла*.

[5] Плутарх: *Life of Themistocles*.

[6] Ibid.

[7] Плутарх: *Life of Themistocles*.

[8] Thucydides, I.

[9] Плутарх: *Life of Aristeides*.

[10] From W. Warde Fowler: *City-State of the Greeks and Romans*.

[11] Плутарх: *Life of Pericles*.

[12] Ibid.

[13] Ibid.

[14] Плутарх: *Life of Pericles*.

[15] Фукидид, II.

ГЛАВА XI

ЖИЗНЬ В ДРЕВНИХ АФИНАХ ВО ВРЕМЕНА ПЕРИКЛА

I. ПРОГУЛКА ПО ДРЕВНИМ АФИНАМ

Почти в центре Аттики лежит равнина, окруженная вдали холмами: на востоке - гора Гиметт, дом коз, пурпурная от тимьяна и наполненная журчанием пчел; на севере - гора Пентелик, знаменитая своим сияющим белым мрамором, который на закате светился розово-красным светом. Прямо из равнины возвышается огромная скала овальной формы - знаменитый Афинский Акрополь, некогда бывшая его цитаделью и крепостью, но превращенная Периклом в великое святилище Афины. От этой скалы земля полого спускалась к морю. Равнину орошала река Кефис, единственный ручей в Аттике, который не пересыхал летом, а по ее берегам росли оливковые рощи, добавлявшие свой темно-серо-зеленый оттенок в пейзаж. В центре этой равнины, у подножия Акрополя, находились Афины.

Photo Alinari.

ATHENS, WITH THE ACROPOLIS.

АФИНЫ С АКРОПОЛЕМ.

В Афины вели дороги со всех сторон, но греки, в отличие от римлян, не были великими строителями дорог, и за исключением тех, что использовались для процессий на праздниках, таких как Священный путь, ведущий в Элевсис, дороги в Аттике не были в хорошем состоянии, и пешие пассажиры, отправляясь в путешествие, обычно предпочитали более короткие пути через холмы. Ранним утром дороги за городом были заполнены людьми, прибывающими из страны по разным делам. В основном это были фермеры, привозившие на рынок овощи, фрукты и другие продукты, но по дороге из Пейреев можно было встретить и купцов из дальних стран, привозивших свои товары. В город можно было попасть через ворота в огромной стене, построенной Фемистоклом после Персидских войн, а от ворот все улицы вели к Рыночной площади, или Агоре, как ее называли греки. Улицы были узкими, кривыми и темными, они не были вымощены, а дома на каждой стороне имели очень унылый вид, так как окна редко выходили на улицу. Улицы были грязными, так как на них выбрасывали всевозможный мусор. Отсутствие света и воздуха не способствовало здоровью, поэтому на стенах очень часто рисовали изображения Аполлона, приносящего здоровье. Афиняне тратили свое богатство на большие общественные здания, и мало что отличало один частный дом от другого. Демосфен, писавший в более позднее время, сказал об афинянах эпохи Перикла:

Общественные здания, которые они построили для нас, количество и красота храмов, а также содержащиеся в них жертвоприношения таковы, что их преемники никогда не смогут их превзойти; но в частной жизни они проявляли такую умеренность, что даже если бы кто-нибудь из вас знал, где находится дом Аристеиды, Мильтиада или любого из знаменитых людей древности, вы бы нашли его не более претенциозным, чем соседние.

Вода в Афинах поступала из колодцев, источников и фонтанов, многие из которых находились на углах улиц, и в обязанности рабынь входило набирать воду из фонтана и нести ее домой в сосудах, которые они носили на голове.

Очевидно, что Афины сильно отличались от современного благоустроенного города, и в них не хватало многого из того, что мы считаем необходимым. Но афинянин V века до н. э. чрезвычайно мало пользовался *вещами* и не придавал значения комфорту. Его устраивали дома без стоков, кровати без простыней и пружин, комнаты, в которых было холодно или жарко, как под открытым небом. Он мог определять время без часов, пересекать море без компаса, застегивать одежду (вернее, два куска ткани) двумя булавками вместо рядов пуговиц, носить сандалии без чулок или даже ходить босиком. Он грелся над котелком с пеплом, судил судебные тяжбы под открытым небом холодным зимним утром, изучал поэзию без книг, географию без карт, а политику без газеты. Афиняне были цивилизованными без комфорта. [1] Конечно, многое из этой простой жизни было возможно благодаря климату, и современные стандарты чистоты ни в коем случае не должны противоречить простой жизни; тем не менее, слава афинян в том, что они не только верили, но и практиковали убеждение, что вещи ума и духа выше вещей тела.

Повседневная жизнь Афин сосредотачивалась на Агоре. Если подступающие к ней улицы были убогими и грязными, то сама Агора, центр общественной жизни, была широкой и просторной, окруженной величественными и красивыми зданиями. По форме она представляла собой большую открытую площадь, две стороны которой были заняты общественными зданиями и храмами. На остальных сторонах находились стоа или крыльца. Они состояли из крыши, поддерживаемой рядом колонн спереди и стеной сзади. Каждая стоа представляла собой крытую площадку, защищенную от солнечных лучей, пронизывающего холодного ветра и дождя, и какой бы ни была погода, афинянин всегда мог найти приятное укромное место, где он мог погулять и поговорить со своими друзьями. Один из таких портиков был известен как Царский портик. Оно использовалось в качестве одного из судебных помещений, а на стене сзади были начертаны законы Солона, и именно здесь каждый архонт должен был принести присягу. Самым посещаемым из стоа было *Расписное крыльцо*, названное так потому, что его стены были украшены фресками, одна из которых представляла собой большую картину с изображением Марафонской битвы.

Центр Агоры представлял собой большое открытое пространство, часть которого была свободна для посещения, а часть была заполнена киосками и лавками, где продавалось все необходимое для афинян.

В Афинах было три сословия: граждане - все свободнорожденные афиняне; иностранные жители, которых называли метисами; и рабы. Внешне они часто мало чем отличались друг от друга, но только граждане могли голосовать, и только они имели какие-либо привилегии. Метисы, как правило, были зажиточными; они были купцами и банкирами и во многом способствовали созданию того богатства, которое сделало Афины великими.

Утренняя жизнь Афин сосредотачивалась на Агоре, но с наступлением полудня она постепенно опустела, и афиняне, собравшиеся там в начале дня, отправились по дорогам, ведущим за город, в различные Гимнасии. Изначально это были места для игр, которыми занимались все афиняне, но постепенно они стали использоваться больше как парки, где молодые люди играли в игры, а старшие смотрели и разговаривали. Академия была величайшей из гимназий, и философы часто посещали ее, обсуждая со своими учениками

все, что интересовало острые и авантюрные умы афинян. Платон, один из величайших философов, был известной фигурой в Академии.

Над городом возвышался Акрополь, увенчанный храмами и статуями. Огромная статуя Афины смотрела на город у ее ног, на оживленную Агору и общественные здания, в которых осуществлялось управление государством, на узкие улочки, застроенные домами горожан, а за стенами - на приятные дороги, ведущие, с одной стороны, к гимнасиям и за город, а с другой - в гавань, где шла торговля Афин и откуда заходили и выходили в плавание галеры по всему средиземноморскому миру.

II. ОДЕЖДА АФИНЯН

Посетив утром Агору, афиняне всех мастей занимались своими повседневными делами, и у него была возможность увидеть, как они одеты. Утренняя толпа на Агоре состояла почти полностью из мужчин; чтобы увидеть афинских женщин, незнакомец должен был быть приглашен в их дома, что было редкой привилегией, но редко предоставлялось, или посетить Афины во время праздника, когда женщинам разрешалось участвовать в больших процессиях, которые поднимались к святилищу Афины на Акрополе. Но каждый день на Агоре можно было увидеть мужчин всех сословий: рабочих, идущих на работу, крестьян, торгующих продуктами своего хозяйства, рабов, выполняющих повседневную работу по хозяйству, и людей свободного времени, прогуливающих и беседующих со своими друзьями.

Главной одеждой всех этих людей был *хитон* или туника. Для ее изготовления брали продолговатый кусок ткани, отрезали его нужной длины и складывали вокруг тела так, чтобы он свисал от шеи до колен. На шее она скреплялась булавкой, иногда красиво украшенной золотом, таким образом, что делались прорезы для рук, а одна сторона всегда оставалась открытой. Пояс удерживал складки хитона на месте, и обычно он был достаточно тугим, чтобы скрыть тот факт, что одна сторона была открыта. Мужской хитон редко опускался ниже колен, но владелец всегда мог регулировать его длину, и рабочие и все, кто занимался активными видами деятельности, обычно *хорошо подпоясывались*, то есть натягивали хитон, чтобы он был коротким, а его часть свисала через пояс. Мужчины постарше обычно позволяли хитону свисать во всю длину.

В доме хитон был единственной необходимой одеждой, и рабочие и все молодые люди, занятые активными занятиями, редко носили что-то еще за дверью, но вне дома старшие мужчины обычно добавляли мантию, известную как *гиматий*. Это был еще один продолговатый кусок ткани, но большего размера, чем хитон, который перекидывали через левое плечо, подводили под правую руку к передней части тела, а затем снова перекидывали через левое плечо. Гиматий, как правило, не прикалывали, поэтому его нужно было очень тщательно подгонять, чтобы складки хорошо держались. Изящно надеть гиматий было очень сложно, и часто специальный раб приводил его в порядок перед выходом хозяина. Складки должны были хорошо свисать, а длина - быть правильной, ведь если она была слишком короткой, афинянин считал, что ее обладатель похож на деревенщину, впервые приехавшего в город, а слишком длинная одежда была признаком показной и ненужной демонстрации.

Единственной одеждой, которую иногда носили мужчины, была *хламида* - короткий плащ, который носили молодые люди. Он был круглым, собирался вокруг шеи и застегивался на

булавку или застёжку, висел на спине и левом плече, доходя до талии. Хламида обычно была яркого цвета; хитон и гиматий чаще всего были белыми, хотя иногда использовались и цвета, но на хитоне и гиматии часто вышивались красиво оформленные каймы, и афинская толпа представляла собой яркую и веселую сцену.

Афинские мужчины редко носили что-либо на голове, за исключением путешествий, когда они надевали плотно прилегающую шапочку с околышем или без него, а на ногах обычно носили сандалии, хотя это не считалось абсолютно необходимым.

Одежда афинских женщин состояла, как и у мужчин, из хитона и гиматия, но женский хитон был длиннее; он доходил до ног, был полнее и часто имел короткие рукава. Ни одна афинянка не могла появиться в дверях без гиматия, и часто он был устроен так, что накидывался на голову, образуя капюшон. Как правило, это была единственная форма головного убора, которую носили афинские женщины, хотя если они выходили на солнце, то иногда брали с собой зонтики.

Афинские женщины, вероятно, использовали больше цветов в своей одежде, чем мужчины; особенно красивый шафраново-желтый цвет был любимым, особенно для свадебных платьев, и в таких случаях их платье обогащалось золотыми украшениями, ожерельями, браслетами и кольцами. Афинские женщины свободно использовали в своем платье различные украшения, но греки не любили ничего, что не имело цели, кроме показухи, и их драгоценности были расположены так, чтобы обогатить их внешний вид, не отнимая у него простого достоинства и красоты.

III. АФИНСКИЙ ДОМ

"Я не провожу свои дни дома", - сказал однажды один афинянин, - "моя жена вполне способна управлять нашими домашними делами без моей помощи". [2] Это, вероятно, выражало мнение большинства афинских мужчин, поскольку они уделяли очень мало времени своему дому. Это были места, где женщины семьи проводили почти все свое время, а мужчины занимались лишь сном и едой. В летнее время афинский дом, вероятно, был приятным местом, хотя в нем не было почти всего, что мы считаем необходимым, но зимой в нем было бы неуютно, прохладно и сквозняки.

Уже было замечено, что афинский дом обычно представлял собой глухую стену с улицы, так как строился вокруг двора, на который выходили все комнаты. Дома, как правило, были одноэтажными, хотя иногда встречались и более высокие, и весь свет и воздух в комнатах поступал со двора. Сократ однажды сказал, что идеальный дом должен быть таким, чтобы в нем было прохладно летом и тепло зимой, а также такого удобного размера, чтобы хозяин мог спокойно хранить в нем все свое имущество.

Входная дверь всегда была тщательно закрыта и задвинута, но стук, часто в виде кольца в пасти льва, возвещал о посетителе, которого впускал носильщик - раб, сидевший в маленькой комнатке прямо перед дверью. Дверь выходила во двор, который в хорошем доме был довольно большим, но плохо вымощенным. Это был мужской двор. Ряд колонн по бокам поддерживал крышу, образуя подобие веранды, из которой открывались небольшие комнаты. В этих комнатах, похоже, не было ни света, ни воздуха, кроме того, что поступал со

двора, и они, должно быть, были темными и неудобными. Ими пользовались только взрослые сыновья семьи и рабы-мужчины.

В центре двора стоял алтарь Зевсу-покровителю дома, на котором всегда горел ароматный фимиам, и каждый день на него клали свежие гирлянды из цветов и листьев.

Из мужского двора выходила столовая. Здесь не было стола, так как гость не садился за стол, а стол, низкий, подносили к нему, когда он садился или откидывался на красивую резную кушетку. В этой комнате находилось самое священное место в доме - алтарь Гестии, на котором горел священный огонь семейного очага. У одной стены мог стоять ряд больших ваз, и если на одной из них была надпись "Я с Афинских игр", семья старалась сохранить ее как одно из своих главных сокровищ, поскольку эти слова означали, что ваза была призом, выигранным кем-то из членов семьи на Афинских играх.

Дверь напротив той, что вела из мужского двора в столовую, открывалась в другой двор, женский. Он был похож на мужской, но чаще засажен цветами и кустарниками. Женские комнаты, почти такие же маленькие, темные и неудобные, как и мужские, открывались из женского двора, а кухня, вероятно, находилась в задней его части. С одной стороны этого двора находилась большая комната, лучше всего обставленная в доме, где спали хозяин и хозяйка.

Вся мебель в этих комнатах была простой, но красивой. В основном использовались кушетки, пуфики, низкие стулья, столы и сундуки. Последние заменяли шкафы и буфеты. Здесь были лампы и бронзовые канделябры, а также большое количество ящиков, которые афиняне использовали как обычные кувшины для воды, кувшины для вина и кубки для питья, - все самых изящных форм и видов и прекрасно расписанные.

Жизнь афинского дома сосредотачивалась в женском дворе, хотя днем, когда мужчин в доме не было, женщины пользовались мужским двором почти так же часто, как и своим собственным. Однако стоило им услышать стук во входную дверь, как они бежали в свою часть дома, чтобы не быть застигнутыми врасплох посетителем-мужчиной.

Таким, вероятно, был дом зажиточного афинянина, гораздо более комфортабельный и хорошо обставленный, чем дом спартанца, но лишенный почти всего, что мы связываем с понятием "комфорт". Но афинянину удалось быть цивилизованным, не будучи удобным; его благополучие никак не зависело от вещей, и, полагая, что его богатство должно быть использовано на благо всего общества, он тратил его на храмы и общественные здания города, а не на свое личное жилище. Возможно, афинянин и не пользовался своим домом, но независимо от того, доходил он до крайности или нет, именно его общественная позиция позволяла ему проявлять больший интерес к общественному благосостоянию, чем к своим частным делам.

IV. АТФИНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Первые греки считали, что государство должно быть самодостаточным, что земледельцы должны производить достаточно пищи, а ремесленники - все необходимое для повседневной жизни. Но со времен Солона в Афинах это становилось все труднее, так как из-за прибытия переселенцев из разных мест, привлеченных возможностью работать в растущем государстве, население увеличилось, и стало невозможно производить

достаточно пищи. Это очень сильно повлияло на Афины, так как вместо того, чтобы быть самодостаточной и безопасной в своих собственных стенах, она стала зависеть в своей жизни от поставок продовольствия, особенно кукурузы, которые поступали к ней из Египта и колоний Черного моря, а во время войны было совершенно необходимо, чтобы пути в эти места были открыты. Были приняты очень строгие законы, регулирующие торговлю кукурузой и гарантирующие, что в Афины всегда доставят достаточное количество зерна. Ни один афинский купец не мог везти кукурузу ни в какую другую гавань, кроме Пейреев, и ни один не мог покинуть Египет или порты Черного моря, если у него не было определенного количества кукурузы на борту корабля.

Тот факт, что афинскому купцу приходилось ездить за кукурузой в дальние страны, увеличивал его торговлю другими товарами. На море он был как дома, и его многовесельный корабль стремительно несли по водам Эгейского моря, останавливаясь во многих местах: в портах ионийских колоний, где он находил своих сородичей, жаждущих узнать последние новости с материка и особенно из Афин; в портах варваров, где он радовался, что он грек и не живет среди этих чужаков. Афинский купец плыл на собственном корабле и, помимо конечного пункта назначения, обычно не имел определенного маршрута. Его направляли благоприятные ветры или слухи о подходящих торговых портах, где он мог найти хорошие возможности для обмена своих товаров. Он покидал Афины с маслом, медом из Гиметта и знаменитой афинской керамикой - главными товарами, которые шли на экспорт, и менял их на кукурузу и рыбу из портов Черного моря, шерсть из Милета, духи и специи из Сирии, лен, папирус и столь важную кукурузу из Египта, вино из Хиоса, кипарисовое дерево из Крита, финики из Финикии, ковры и подушки из Карфагена; А в таких портах, как Карфаген и Милет, он находил товары, которые добирались до этих мест караванами из еще более далеких стран. В Карфагене он получал слоновую кость и эбеновое дерево из Африки, а в Милете - богато сотканые ковры и ковровые изделия из Вавилона.

Вся эта торговля приносила Афинам богатство и учила быстрый афинский ум, всегда внимательный и заинтересованный во всем новом, "новым способам наслаждаться жизнью".

V. АФИНСКАЯ КЕРАМИКА

В Афинах было развито большинство отраслей промышленности, характерных для любого крупного города, но наиболее известной во всем средиземноморском мире была гончарная промышленность, и афинские вазы экспортировались в очень больших количествах. Но эти вазы не были простым украшением; каждая из них имела свое особое назначение - как домашняя утварь, подношение богу или подношение на могиле.

Вазы для разных целей делались разной формы; каждая была красива по форме, но вместе с красотой она сочетала и пользу. Ручки на кувшинах для воды расположены именно там, где они больше всего нужны, масло выливается из узкого горлышка кувшина капля за каплей, чтобы его количество можно было легко регулировать, а чаша для питья имеет небольшой изгиб к ободку, чтобы из нее можно было пить, не проливая жидкость.

Существуют некоторые хорошо известные формы этих ваз: амфора - большая ваза с двумя ручками, которая использовалась для хранения масла и других жидкостей; гидрия с тремя ручками использовалась для переноски воды; кратер - большая ваза, в которой смешивали

вино и воду; лекифос - кувшин с узким горлышком, использовавшийся для медленного наливания масла в небольших количествах; киликс - широкая и неглубокая чаша для питья. Большую амфору, часто наполненную маслом, давали в качестве приза за участие в некоторых атлетических состязаниях на Панафинейских играх в Афинах. Такую амфору всегда можно узнать, так как на одной ее стороне изображена фигура Афины с надписью: "Я с Афинских игр", а на другой - картина, изображающая состязание, призом за которое была ваза.

Квартал в Афинах, отданный гончарам, назывался Керамейкус, и здесь находилось несколько мастерских, принадлежавших разным вазоделам. Во главе каждого заведения стоял мастер, но он был не только управляющим, но и ремесленником и мог делать все, что связано с производством: он мог не только изготовить вазу, но и разработать ее дизайн и расписать. Однако большую часть работы по обточке, приданию формы и полировке ваз выполняли его рабочие. Когда ваза была изготовлена, ее отдавали художнику, который наносил на нее рисунок, после чего ее нужно было высушить, запечь и покрыть глазурью. Черная глазурь, которую использовали в Афинах, стала одним из величайших открытий в искусстве древних гончаров. Время не испортило ее, и сегодня она кажется такой же свежей, как и тогда, когда ее впервые нанесли на вазы. В некоторых случаях она отслаивается небольшими хлопьями, но это происходит только тогда, когда глина под ней влажная, в остальных случаях она остается неизменной.

GREEK VASES.
Courtesy of the Metropolitan Museum of Art.

ГРЕЧЕСКИЕ ВАЗЫ.

Любезно предоставлено Метрополитен-музеем.

Ранние вазы расписывались черной краской по красному фону глины; позже художник делал набросок на красной глине и отдавал вазу мастеру, который закрашивал фон черной краской, а затем возвращал ее художнику, который ретушировал свой рисунок и в некоторых случаях добавлял то тут, то там штрих цвета.

Помимо помещений для рабочих и художников, а также двора, где располагались печи, в гончарной мастерской должны были быть кладовые, где хранились готовые вазы, и комната, где мастер принимал заказчиков и продавал свою керамику.

Сюжеты росписи на вазах всегда тщательно подбирались и соответствовали тому, для чего ваза предназначалась. На больших вазах изображались более серьезные сюжеты, на киликах - более оживленные сцены. Этот кубок использовался на банкетах и праздниках, поэтому художники рисовали на нем веселые и задорные сцены, а поскольку они старались привлечь покупателей новизной своих рисунков, росписи киликса отличаются большой оригинальностью. Сюжеты брались из мифологии, изображались батальные сцены или сюжеты, связанные с повседневной жизнью. Если бы все остальные источники знаний о жизни в Афинах были внезапно потеряны для нас, вазы по-прежнему оставались бы богатым источником информации, поскольку так или иначе они представляют все многообразие опыта человеческой жизни.

Во всем своем искусстве греки были в первую очередь заинтересованы в изображении человеческой формы. Они и сами не понимали, что тем самым делают шаг вперед в великом приключении человека - познании жизни, но во всем многообразии способов, которыми они изображали человека, они показывали его выходящим во внешний мир природы, сознавая, что у него силы сделать из него мир, в котором он будет чувствовать себя как дома. Отчасти величие греков объясняется тем, что они делали это бессознательно. Сами ремесленники и вазописцы ни в коем случае не считались равными великим скульпторам. Афиняне считали их довольно низкими работниками, но, тем не менее, они были художниками, что доказывается тем, что, хотя часто имело место копирование общего дизайна, художник никогда не копировал механически, а вкладывал в свою работу что-то свое. Во всем огромном количестве греческих ваз, существующих сегодня в мире, не было найдено двух абсолютно одинаковых, и поэтому мастера, хотя и не знали, как последующие эпохи будут относиться к их работе, знали, какое удовлетворение приносит создание красоты в любой форме, и говорили о своей работе, что "нет в жизни более сладкого утешения для человеческих бед, чем ремесло; ибо ум, поглощенный своим занятием, проплывает мимо всех бед и забывает их". []³

[1] A. E. Zimmern: *The Greek Commonwealth*.

[2] Xenophon: *The Economist*.

[3] Амфис: цитируется Г. М. А. Рихтером в книге "Ремесло афинской керамики".

ГЛАВА XII

ДЕНЬ С АФИНЯНИНОМ

I. АФИНСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

День в Афинах начинался рано, и, как только вставало солнце, все вставали: рабочий шел на работу, школьник - в школу, а каждая будка и ларек на Агоре были завалены товарами, чтобы привлечь покупателей, которых ждали на рынке.

Прежде чем выйти из дома, афинский господин завтракал - небольшим количеством хлеба, размоченного в вине, после чего один из домашних рабов следил за тем, чтобы его гиматий висел в изящных складках, а затем в сопровождении одного или нескольких рабов, несущих корзины, отправлялся на Агору. Здесь проходила утренняя торговля, но если вечером господин не устраивал очень важный банкет, он не занимался домашней торговлей: за него это делали рабы и относили покупки домой. Их хозяин тем временем прогуливался вверх и вниз по Агоре, заходил в один из портиков, где встречался с друзьями, или шел в цирюльню, где обязательно последние новости дня: Перикл предлагал построить еще один храм, и много спорили о том, по карману ли это государству; спартанская армия, говорят, сильна как никогда, а Спарта всегда завидовала Афинам; готовится ли она втайне к войне, и если да, то не должны ли Афины быть готовы, или правы те, кто считает, что величие Греции заключается в политике мира со Спартой? Возможно, в это время проходили Олимпийские игры, и только что пришла весть, распространившаяся по городу, как лесной пожар, что афиняне покрыли себя славой, особенно в гонках на колесницах, и что победители уже на пути домой, так что все должно быть готово к их приему. Или было известно, что галера только что вернулась из торгового плавания по Эгейскому морю, и моряки докладывали, что на некоторых островах царит недовольство и что звучат угрозы удержать часть дани, если островитянам не будет предоставлена большая независимость? Эти и многие другие животрепещущие вопросы дня становились известны и обсуждались без газет.

Но афинский дворянин не проводил все утро в разговорах. Если он был богат, у него были определенные обязанности, возложенные на него государством: он должен был снарядить и содержать в порядке одну или несколько трирем для военного флота; предстояли беседы с капитаном о количестве необходимых ему людей и о том, сколько им следует платить; нужно было изучить смету на ремонт и утвердить проект новой великолепной фигуры на носу корабля. А может быть, настала его очередь обеспечить один из хоров на предстоящем драматическом фестивале, и он должен позаботиться о том, чтобы этот хор был хорошо обучен и чтобы на него не пожалели средств, чтобы он был лучше других, и тогда он сможет выиграть приз.

Были и другие обязанности перед государством, которые требовались от каждого свободнорожденного гражданина. Он должен заседать в суде присяжных и судить судебные

процессы, когда его к этому призывают, а поскольку афиняне очень любили такие иски, требование возникало очень часто. Аристофан, драматург, написавший ряд пьес, в которых он высмеивал многие афинские черты, сказал о присяжном заседателе:

Он - любитель судебной практики, нет человека, подобного ему.

Он любит судить и плачет.

если не сядет на первую скамью. []¹

Каждый афинский гражданин так или иначе принимал участие в реальном управлении государством, а во времена Перикла около девяти тысяч человек в течение года занимали ту или иную государственную должность. Эти должностные лица выбирались народом и редко переизбирались, так что не только каждый по очереди отвечал за определенные функции, но и каждый был способен толково обсуждать дела государства, что и делалось каждый день, когда афинские граждане собирались вместе.

Примерно раз в десять дней Агора с утра опустевала, и каждый свободнорожденный афинский гражданин старше тридцати лет, как богатый, так и бедный, должен был отправиться в Пникс, место встречи Собрания. Во время войны или когда нужно было решить какой-то очень важный вопрос, в котором были заинтересованы все, никто не оставался в стороне, и ранним утром все спешили занять хорошее место.

Пникс был большим местом собраний под открытым небом, расположенным к западу от Акрополя и недалеко от городской стены. По форме он представлял собой наклонный полукруг, часть которого подпирала стена. Сидений не было, и горожанам приходилось устраиваться как можно удобнее на голой земле. Напротив склона находилась скала, вырубленная в форме платформы, к которой с каждой стороны вели ступени. Она называлась Бема, и здесь стояли ораторы, выступая перед собранием. Перед бемой находился алтарь, на котором приносилась жертва, всегда открывавшая собрание, а за ним на скале располагались места для государственных чиновников, которые руководили собранием.

Несомненно, было много дней, когда рассматриваемые дела были не очень интересными, но бывали и такие, когда волнение достигало максимума, и никто не оставался в стороне. Нетрудно представить себе эту сцену. Неподалеку возвышалась скала Акрополя, символ силы и славы Афин и покровительства Афины; вдали виднелось море, великая связь между Афинами и островами Эгейского моря и Востока и символ покровительственной силы Посейдона; над головой простиралось голубое греческое небо; а внизу, в Пниксе, собралась плотная толпа афинян, обсуждавших вопросы, от которых зависела их жизнь или смерть. Именно здесь было принято решение идти на Марафон и встретиться лицом к лицу с бесчисленным персидским врагом; Фемистокл страстно молил о создании флота; посланцы из Дельф принесли ответ о "деревянных стенах"; Аристеид убеждал афинян освободить ионийцев от их персидских хозяев и создать Делийскую лигу, благодаря которой Афины стали империей; и там же Перикл величественным и размеренным тоном призывал афинян благоустроить свой город так, как не благоустраивался еще ни один город в мире.

Эти и другие подобные занятия занимали утро афинского джентльмена. После легкого обеда в середине дня он отправлялся в Академию или одну из других гимназий, где проводил

прохладную часть дня в упражнениях или наблюдал за играми молодежи; гулял в приятных рощах, обсуждая с друзьями события дня; или обсуждал с каким-нибудь философом всевозможные вопросы, касающиеся новых толкований старых верований и новых представлений о человеке, о том, откуда он приходит и куда уходит. Некоторые из этих вопросов обсуждались впервые в истории мира, и никогда прежде, да и редко с тех пор, не было такого страстного желания узнать правду обо всем на свете, как в Афинах пятого века до нашей эры.

Но вот наступил вечер, и стало смеркаться, афиняне покинули гимнасий и вернулись в город. Весь день они провели в компании, а вечером максимально использовали любую возможность встретиться снова, ведь они считали, что "ужинать в одиночестве - это не ужинать, а кормить", так что вполне вероятно, что день закончится пиром. Если это так, то все гости должны были быть приглашены утром либо самим хозяином при встрече, либо сообщением, переданным рабом. Обычно готовились к приему большего числа гостей, чем было приглашено, так как обычно гости приводили с собой еще нескольких своих друзей, а незваные гости часто приходили без особого приглашения. После ухода из гимназии все гости должны были оказаться у себя дома. Там они купались, облачались в свежие хитоны и мантии, и рабы сопровождали их в дом хозяина.

На пирах гости располагались на кушетках, а еду им приносили на низких столиках. Вечерняя трапеза была главным приемом пищи в Афинах. Она начиналась с рыбы или мяса и овощей, а когда это блюдо заканчивалось, со столов убирали воду, обливали руки гостей и часто передавали гирлянды. Затем следовало второе блюдо из фруктов, кондитерских изделий и различных видов сладостей, после чего столы снова убирали, а на их место ставили меньшие по размеру, на которых стояли красивые по форме кубки для питья. Гостям раздали еще гирлянды и венки, а рабы внесли большие кратеры, в которых смешали вино и воду, и началось вечернее развлечение.

Это развлечение называлось симпозиумом, и начиналось оно с возлияния трех жертв: богам-олимпийцам, героям и Зевсу. Затем пили за здоровье хозяина и его гостей, после чего начиналось развлечение. Они заключались в разговорах, пении, слушании музыки, наблюдении за танцорами, в играх, рассказывании историй или передаче анекдотов. Что именно делалось на симпозиуме, зависело от того, какие гости присутствовали. "Когда в компании присутствуют настоящие джентльмены и образованные люди, - говорил Платон, - вы не увидите ни флейтисток, ни танцовщиц, ни арфисток; у них не будет ни глупостей, ни игр, но они будут довольствоваться разговорами друг с другом". Однако чаще всего гости были менее серьезны. Они наслаждались музыкой флейты и других инструментов, играли в игры, смотрели на танцы, "болтали и говорили друг с другом приятные глупости".

Когда праздник подходил к концу, возносили возлияния Гермесу, звали рабов, которые шли к своим хозяевам домой, освещая им путь факелами или лампами. Старшие мужчины спокойно расходились по домам, а младшие продолжали веселиться и шумно носились по улицам, пока, постучав в двери своих домов, сонный привратник не просыпался, впускал их, и на улицах города воцарялась тишина.

II. АФИНСКАЯ ДАМА

А что тем временем делала афинская женщина? Она сидела дома, вела все домашние дела и воспитывала детей. Сыновей она воспитывала до семи лет, когда они шли в школу, а дочерей - примерно до пятнадцати, когда они считались достаточно взрослыми для замужества.

Греческий писатель Ксенофонт написал рассказ о том, что считалось обязанностями идеальной афинской жены. Он представляет, как муж молодой невесты рассказывает ей, чего он от нее ждет и как, по его мнению, будут вестись домашние дела.

Ты должна будешь оставаться в доме, отсылая к своим обязанностям тех из твоих домашних, чья работа лежит там. Над теми, чьи обязанности лежат в доме, ты должен будешь председательствовать, принимать принесенные вещи, распределять часть для ежедневного использования, а остальное припасать, охранять и собирать, чтобы расходы, предназначенные на год, не были израсходованы за месяц. Ваша обязанность, когда принесут шерсть, проследить, чтобы была сделана одежда для тех, кто в ней нуждается. Ваша обязанность также следить за тем, чтобы сушеная кукуруза была пригодна в пищу. Также, если кто-то из домочадцев заболит, вы будете заботиться о его выздоровлении.

Но есть и другие заботы и занятия, которые принадлежат вам по праву. Это, например, взять какую-нибудь девицу, не умеющую чесать шерсть, и сделать ее искусной в этом искусстве, удвоив ее пользу; или взять другую, совсем не умеющую вести хозяйство или служить, и сделать ее умелой, преданной, услужливой, пока она не станет на вес золота. Но самой большой радостью для меня будет доказать, что ты лучше меня; сделать меня своей верной последовательницей; не опасаясь, что с годами твоя честь в семье упадет, но веря, что, хотя твои волосы и поседеют, ты станешь лучшей помощницей для меня и детей, лучшей хранительницей нашего дома, и твоя честь как хозяйки, жены и матери будет расти во всем доме, с каждым днем все дороже и дороже. [].²

Затем были даны еще несколько хороших советов, и в заключение муж порекомендовал физические упражнения как лучшее средство для сохранения здоровья и красоты. Он сказал:

Я советую вам наблюдать за пекарем, когда он печет хлеб, стоять рядом с экономкой, когда она отмеряет запасы; ходить с инспекцией, чтобы убедиться, что все в порядке, как положено. Ведь, как мне кажется, это будет одновременно и упражнение в ходьбе, и наблюдение. И в качестве отличной гимнастики я призываю вас замешивать тесто и раскатывать тесто, вытряхивать покрывала и заправлять кровати; и если вы приучите себя к подобным упражнениям, вы будете наслаждаться едой, укреплять здоровье, и ваш цвет лица, по правде говоря, станет прекраснее. []³

Ко всем этим занятиям добавлялось воспитание детей. Афинские госпожи нанимали для них нянек, спартанские - рабынь, если таковые имелись, поскольку дисциплина у них была строже, чем у других греков, а спартанские няньки имели репутацию тех, кто умел содержать своих подопечных в особенно хорошем порядке. Для детей были предусмотрены всевозможные игрушки: обручи и мячи, прялки и каталки, куклы и игрушечные животные.

Афинская мать научилась быть хорошей рассказчицей, ведь именно в эти ранние годы дети хотели, чтобы им рассказывали сказки, и она рассказывала много историй о богах и героях древности, о нимфах и духах лесов и гор, моря и воздуха. А когда наступала ночь и дети ложились спать, она пела им дремотную песню:

Спите, дети мои, легким роскошным сном,
Брат с братом: спите, мои мальчики, моя жизнь:
Blest in your slumber, in your waking blest. [].4

Девочек нужно было приучить ко всем обязанностям афинской жены, и за короткие годы их девичества им предстояло многому научиться. Это было домашнее обучение, которому они обучались; в остальном они узнавали столько или мало, сколько знала сама мать и чему могла их научить, вероятно, не больше, чем чтению и письму. Девушку не поощряли к каким-либо интеллектуальным занятиям, и в течение жизни до замужества ее, как правило, "старательно учили видеть и слышать как можно меньше и задавать как можно меньше вопросов". [].5

Но не только работа занимала девицу, и не раз она садилась на качели во дворе и коротала теплый полдень, плавно раскачиваясь туда-сюда, и не раз весело играла в мяч со своими товарищами. Именно она плела свежие гирлянды и венки для алтарей в доме, именно она в полнолуние возлагала подношения на могилу дедушки и бабушки, и, что самое славное из всех ее девичьих привилегий, именно она помогала ткать одеяние, которое несли в храм Афины во время великого Панафинейского праздника, и несла корзины с подношениями богине в великой процессии.

Когда афинская дева выходила замуж, вся эта жизнь заканчивалась, и она взваливала на свои молодые плечи заботы о домашнем хозяйстве, как это делала ее мать. Обычно ее брак был предрешен, и она часто почти ничего не знала о своем будущем муже. Перед свадьбой она отдавала все свои девичьи сокровища Артемиде, богине, присматривавшей за ее детством.

Свои бубны и красивый мяч, и сеть, стягивавшую ее волосы, и свои куклы и кукольные платья Тимарета посвящает перед свадьбой Артемиде, дева - деве, как подобает; ты же, дочь Лето, возложив руку свою на девушку Тимарету, сохрани ее в чистоте". [].6

Когда эти символы юности переходили из ее рук в руки богини, дева облачалась в прекрасные одежды, увенчивалась венком и покрывалась свадебной фатой для брачной церемонии. Это происходило вечером в день полнолуния, и когда невеста была готова, ее вели сопровождающие девы во двор, где ее ждали жених, родители и приглашенные гости. Во дворе происходило бракосочетание, приносилась жертва и возносились возлияния богам, а затем следовал брачный пир, на котором всегда ели кунжутные лепешки. Это был единственный случай, когда женщинам разрешалось присутствовать на пире, но во время всего этого невеста оставалась тщательно завуалированной. Когда праздник заканчивался, к дверям подъезжала свадебная колесница, невеста садилась в нее рядом с мужем, ее мать

шла позади, неся брачный факел, которым зажигали огонь в очаге ее нового дома, гости окружали ее и с игрой на флейте и пением провожали невесту в ее новый дом.

Если жених жил в отдаленном месте, свадебная процессия расставалась у городских ворот, но если он жил в Афинах, его и невесту провожали до дверей его дома, где их встречала мать, а затем под музыку брачной песни невесту вели в ее новый дом.

Разве у афинской женщины не было развлечений и отдыха? Разве, став женой, она оставляла позади все веселье? Афинская женщина редко выходила из дома, и только в сопровождении рабыни. У нее практически не было общества, кроме рабынь. Крестьянки в поле и немногочисленные женщины, торгующие на рынке, имели общество своих подруг, но в таком общении благороднорожденной госпоже было отказано. Она не видела мужчин, кроме членов своей семьи. Если муж обедал дома в одиночестве, она разделяла его трапезу, но если к нему приходили гости, ее не замечали. Время от времени она принимала участие в больших религиозных праздниках и процессиях, иногда ей разрешалось присутствовать в театре на представлении трагедии, но ей никогда не разрешалось смотреть комедии, поскольку остроумие и юмор часто были грубыми и считались неподходящими для ее ушей.

Во многих отношениях это была странная жизнь афинской дамы, которая как будто противоречила всему, что афиняне считали самым важным, ибо

Афинская дама жила в доме среди людей, которые жили вне дома. Среди людей, придававших большое значение физическому воспитанию, ей советовали заниматься в постели. В то время, когда человеческий дух был наиболее свободен, она была закрыта со всех сторон. Искусство, мысль и письмо достигали наивысшего развития, которое им когда-либо предстояло познать, но для нее они почти не существовали.

Но какой бы ни была реальная жизнь афинской женщины, афинский идеал женственности был очень высок. В чудесном храме, возвышавшемся над городом, глядя на него сверху вниз и охраняя его, стояла фигура, которая символизировала для афинян все хорошее, прекрасное и истинное, и это была фигура женщины. Именно женская фигура всегда олицетворяла Победу, и почти во всех великих греческих драмах речь идет о судьбе женщины, которая, как правило, была женой или дочерью царя. Священные мистерии Элевсиса, мистерии с таким глубоким смыслом, что, как говорили, "причастные к ним имели лучшие надежды относительно смерти и вечности", были сосредоточены вокруг истории о любви и печали женщины. Раса, способная породить такие великие фигуры, как эти, должна была благородно относиться к женственности. [].⁷

И вот, несмотря на свое подчиненное положение на заднем плане, афинская женщина имела реальное влияние в Афинах. Она царила в доме, и по мере того как росли ее сыновья, они узнавали в ней те качества, которые каждый грек, а особенно афинянин, учился ценить так высоко: спокойное мужество, которое своей стойкостью преодолевает все мелкие тревоги и досады повседневной жизни; самообладание и самообладание, которые, отодвигая себя на задний план, освобождают человека для служения другим. Афинский идеал служения заключался в том, что мужчина должен полностью отдавать себя государству, а женщина - своему дому. Но как ни узок был ее кругозор, как ни ограничены были ее возможности, афинская женщина оказывала в Афинах влияние, которое помогало укреплять и сохранять некоторые из самых благородных афинских качеств.

[1] Аристофан: *The Wasps*, translated by B. B. Rogers. (С разрешения Messrs. G. Bell and Sons.)

[2] Ксенофонт: *The Economist*.

[3] Ibid.

[4] Theocritus: Из *Идиллии*, XXIV, перевод С. К. Калверли. (С разрешения Messrs. G. Bell and Sons.)

[5] Ксенофонт: *The Economist*.

[6] Author Unknown: Из *избранных эпиграмм из греческой антологии*, перевод Дж.

[7] См. Эмили Джеймс Патнэм: *The Lady*.

ГЛАВА XIII

АФИНСКИЙ ШКОЛЬНИК

Главной целью афинского образования было воспитание характера. Афиняне больше заботились о том, чтобы их сыновья выросли хорошими гражданами, любящими прекрасное и ненавидящими все безобразное, чем о том, чтобы они знали большое количество фактов. Цель любого образования - научить ребенка жить, и система образования хороша или плоха в зависимости от того, насколько она соответствует этой цели. Как в разных государствах и странах в разные периоды существовали разные идеалы того, что подразумевается под *жизнью*, так и в каждом из них существовали разные виды образования, каждое из которых было продумано таким образом, чтобы наилучшим образом подготовить ребенка к той концепции жизни, в которую верит его государство или страна. Например, спартанская концепция жизни заключалась в том, что каждый гражданин должен быть хорошим солдатом, способным защищать свою страну и участвовать в ее войнах. Можно спорить о том, был ли спартанский идеал хорошим или нет, но нельзя отрицать, что спартанское образование было отличной подготовкой к такой жизни.

Афиняне имели гораздо более широкий идеал, чем спартанцы. Они тоже верили в тренировку тела, в воспитание патриотов, которые считали бы за честь умереть, защищая свой город, но они также считали за честь жить для своего города, и для этого они тренировали ум и воображение так же, как и тело. Для афинянина хороший человек был хорошим гражданином, который, будучи физически совершенным, мог защитить свой город во время войны, который, будучи способным думать, мог управлять, а любящий все прекрасное устанавливал высокие стандарты вкуса в искусстве, в письме и в поведении. Пракситель придал этому идеалу внешнюю форму в своей статуе Гермеса, и хотя афинский

идеал не был завершен, афинское образование породило таких воинов, как Мильтиад, таких государственных деятелей, как Фемистокл и Перикл, таких поэтов, как Софокл, таких художников, как Фидий и Пракситель, таких философов, как Сократ и Платон, и таких историков, как Фукидид.

THE FLUTE LESSON, THE WRITING LESSON. (ABOVE A WRITING-ROLL, A FOLDED TABLET, A RULING SQUARE, ETC.)

From the Kylix of Douris, now at Berlin (No. 2285).

Monumenti dell' Instituto, ix. Plate 54.

УРОК ИГРЫ НА ФЛЕЙТЕ, УРОК ПИСЬМА. (НАД СВИТКОМ ДЛЯ ПИСЬМА, СЛОЖЕННОЙ ДОЩЕЧКОЙ, КВАДРАТОМ ДЛЯ ПИСЬМА И Т.Д.)
ПРАВЯЩИМ КВАДРАТОМ И Т. Д.)

Из киликса Дуриса, находящегося в Берлине (№ 2285).

Monumenti dell' Instituto, ix. Plate 54.

Афиняне считали, что обучение, направленное только на зарабатывание денег, или телесную силу, или просто сообразительность, а не интеллект, было подлым и вульгарным и не заслуживало названия образования. Истинное воспитание, по их мнению, заставляет ребенка стремиться стать хорошим гражданином и учит его властвовать и подчиняться. Не следует думать, что афиняне презирали богатство или власть богатства. Только богатое государство могло построить Парфенон или отпраздновать великий Панафинейский фестиваль, но афиняне презирали простое зарабатывание денег и считали, что успех человека измеряется не количеством денег, а тем, как он их использует, и верили, что образование, которое учит мальчика быть трудолюбивым и бережливым, презирать самоуничижение и роскошь, мыслить здраво и видеть ясно, сделает его лучшим гражданином, чем то, которое направлено только на то, чтобы сделать его успешным бизнесменом. Поэтому они стремились дать каждому мальчику хорошее образование.

На первом месте, - говорил один из их учителей, - я считаю человеческое воспитание. Ибо если вы начнете что-либо правильно, то и конец, скорее всего, будет правильным. Характер урожая зависит от того, какие семена вы посеяли. Если в молодом теле посеять хорошее воспитание, оно будет приносить листья и плоды всю жизнь, и ни дождь, ни засуха не смогут его уничтожить". []¹

Афинский мальчик шел в школу, когда ему исполнилось семь лет. В этом возрасте его отдавали в ведение педагога - доверенного раба, который сопровождал его в школу, носил за ним книги и помогал, когда это было необходимо, с уроками. Педагог также должен был следить за порядком, учить его хорошим манерам, отвечать на все его многочисленные вопросы и наказывать его, когда считал нужным, что, вероятно, случалось очень часто.

Школы открывались рано, настолько рано, что Солон издал закон, запрещающий школьным учителям открывать школы до восхода солнца и требующий закрывать их до заката, чтобы мальчикам не приходилось бродить по темным и пустым улицам. Афинский мальчик должен был вставать рано. "Он встает на рассвете, смывает сон с глаз и надевает свой плащ. Затем он выходит из дома своего отца с глазами, устремленными в землю, не глядя ни на кого из встречных". (Скромный и непритязательный вид на публике был обязателен для каждого мальчика). "За ним следуют сопровождающие и педагоги, несущие в руках орудия добродетели, скрижали или книги, содержащие великие деяния древних, или, если он идет в музыкальную школу, его хорошо настроенную лиру". [].2

Прибыв в школу, педагог оставался в предбаннике, где вместе с другими педагогами ждал окончания утренника. Мальчик проходил в более просторную комнату, где садился за уроки. Мальчики сидели на низких скамьях с письменными столами на коленях, а мастер восседал на более высоком стуле перед ними. На стенах висели лиры и другие музыкальные инструменты, пара книг и, возможно, несколько чашек для питья.

Афинских мальчиков обучали трем основным предметам: письму, музыке и гимнастике. Первое, что было связано с письмом, - это умение читать и писать. Первые уроки письма давались на деревянных дощечках, покрытых воском, а в качестве пера использовался стилус с острым металлическим острием. Этим стилусом буквы процарапывались на воске. Когда мальчик научился писать лучше, ему разрешили писать на папирусе тростью, смоченной в некоем липком веществе, которое заменяло чернила.

Когда мальчик выучит буквы [нам сказали] и начнет понимать написанное, так как раньше он понимал только сказанное, ему дают в руки произведения великих поэтов, которые он читает, сидя на скамье в школе; в них содержится много наставлений, и много рассказов, и восхвалений древних знаменитых людей, которые он должен выучить наизусть, чтобы подражать им и желать стать похожим на них. []3

У афинских мальчиков не было детских книг - они начинали с чтения великой поэзии и литературы. Многие произведения они заучивали наизусть, стоя перед мастером, который читал им, а они заучивали, повторяя за ним строчку за строчкой. Таким образом они осваивали отрывки из "Илиады" и "Одиссеи", и хотя это, должно быть, было необычно, но не было неизвестным подвигом, когда мальчик мог прочесть наизусть всю эту поэму. "Мой отец, - рассказывал один мужчина о своих школьных годах, - стараясь сделать из меня хорошего человека, заставил меня выучить все поэмы Гомера, и даже сейчас я могу повторить наизусть "Илиаду" и "Одиссею"". [4] Чтение стихов в афинской школе было отнюдь не скучным занятием, ведь мальчики действовали так же, как и читали. Искусство чтения стихов

было в большом почете не только в Афинах, но и по всей Греции, во всех местах, где говорили на греческом языке и где господствовали греческие идеалы. Во время катастрофической войны, которую Афины вели против Спарты в конце V века до н. э., афинская экспедиция была отправлена на Сицилию. После страшной битвы в гавани Сиракуз афиняне потерпели полное поражение, а все, кто выжил в сражении, были взяты в плен и заключены в каменные каменоломни неподалеку от города. [5] Они находились под солнцем и дождем и почти умирали от голода. Но тому, кто мог продекламировать хор или одну из сцен из пьесы Еврипида, великого афинского поэта, давали свободу и разрешали вернуться домой.

Также преподавалась арифметика, поскольку она считалась хорошей тренировкой для ума.

"Ни одна отрасль образования не считается столь ценной подготовкой к ведению домашнего хозяйства и политике, ко всем искусствам и ремеслам, наукам и профессиям, как арифметика; лучше всего, по какому-то божественному искусству, она возбуждает тусклый и сонный мозг и делает его внимательным, умным и острым".

А об арифметике говорили, что "те, кто родился с талантом к ней, быстро обучаются всему, а даже те, кто медленно учится, значительно повышают свой общий интеллект, изучая ее". [6] Но афинским детям, как и другим, иногда было трудно учиться, и "я совершенно уверен, - говорил один афинянин, - что вы не найдете многих наук, которые доставляют ученику и студенту столько хлопот и трудов, как арифметика". [7]

THE LYRE LESSON, AND THE POETRY LESSON. (ABOVE IS AN ORNAMENTAL MANUSCRIPT BASKET.)

From a Kylix by Douris, now in Berlin (No. 2285).

Monumenti dell' Instituto, ix. Plate 54.

УРОК ИГРЫ НА ЛИРЕ И УРОК ПОЭЗИИ. (ВВЕРХУ - ДЕКОРАТИВНАЯ РУКОПИСНАЯ КОРЗИНА).
Из "Киликса" Дуриса, хранящегося в Берлине (№ 2285).
Monumenti dell' Instituto, ix. Plate 54.

Часть дня была посвящена изучению букв, , а затем мальчики отправились в музыкальную школу, где учились играть на лире и петь. Песня под музыку лиры была излюбленной частью развлечений после пира, и от каждого афинского джентльмена ожидали умения петь и играть, когда бы его ни позвали. Это было настолько признаком джентльмена, что выражение "Тот, кто не знает, как играть на лире" стало пословицей для необразованного человека.

О греческой музыке известно очень мало, но считалось необходимым, чтобы преподаваемая музыка была облагораживающей и вдохновляющей. Лидийские мелодии считались слишком мягкими и сентиментальными, и афиняне предпочитали дорийские, потому что они были проще и суровее и вдохновляли людей на благородные и мужественные поступки. Аристотель, так много писавший об идеальном государстве, писал и о том, какое воспитание идеальное государство должно давать своим детям. Он считал, что "музыка не является ни необходимым, ни полезным занятием в том смысле, в каком полезно письмо, но она служит благородным и достойным средством для проведения досуга", и Аристотель, как и все афиняне, полагал, что в задачи хорошего образования входит научить не только хорошо работать, но и хорошо использовать досуг. Афиняне считали музыку хорошим лекарством от всех недугов. Один философ, когда ему портили настроение и он чувствовал себя раздраженным и усталым, брал в руки арфу и играл, говоря: "Я успокаиваю себя".

После обеда педагоги отводили мальчиков в палестру или школу борьбы, где они обучались гимнастике. Мальчику было так же важно иметь хорошо тренированное, грациозное тело, как и ясный и хорошо подготовленный ум, поэтому он проводил значительную часть дня, бегая, прыгая, занимаясь борьбой и метанием диска под руководством специального мастера.

По словам Платона, такое воспитание превратило афинского мальчика из "самого неуправляемого из животных" в "самое приятное и божественное из живых существ". Эта перемена происходила не без многочисленных наказаний мальчика, а пословица гласила: "Кого не выпороли, того не научишь". Не так давно был обнаружен древнегреческий папирус, в котором содержится яркий рассказ о дисциплине, которую считали необходимой и родители, и учителя для школьника, предпочитавшего, как он, вероятно, часто делал, играть в игры вместо того, чтобы учить уроки. Мать привела своего прогульщика Котталуса к школьному учителю Ламприскусу, чтобы тот выпорол его за проступки, и сказала:

Мать.

Выпороть его, Ламприск,
По плечам, пока его злая душа
Не вырвется из него. Он истратил все мои силы
На игру в чет и нечет; костяшки костей
для него ничто. Он едва ли знает.
дверь Школы письма. И все же тридцатое число
Наступает тридцатый, и я должен заплатить - слезы не оправдывают.
Его планшет, который я беру на себя труд
Чтобы каждый месяц заново натирать воском, лежит без внимания
в углу. Если он случайно дотрагивается до нее.
Он хмурится, как Аид, и ничего не исправляет.
А потом размазывает ее. Он не знает.
письмо, пока не прокричишь его двадцать раз.

* * * *

И все же он знает.

Седьмое и двадцатое число месяца,
целые праздники, как будто читает по звездам,
И ночами не спит, мечтая о них.

Но да благословят вас музы,
Дайте ему полос не меньше, чем...

Ламприск (бодро).

Ты прав.
Вот, мальчики, поднимите его
на спины. Мне нравится ваша затея,
Мой мальчик! Я научу тебя манерам! Где мой ремень,
с жалящим коровьим хвостом?

Котталус (в ужасе).

Клянусь музами, господин, только не с жалом.

Ламприск.

Тогда ты не должен быть таким непослушным.

Коттал.

Сколько же ты мне дашь?

Ламприск.

Твоя мать все уладит.

Котт.

Сколько, мама?

Мать.

Столько, сколько выдержит твоя злая шкура.

(Приступают к порке).

Котт.

Хватит! Хватит!

Лампа.

Вы должны прекратить свои действия.

Котт.

Я больше никогда не буду этого делать, обещаю вам.

Лампа.

Не говорите так много, а то я принесу кляп.

Котт.

Я не буду говорить, только не убивайте меня, пожалуйста.

Лампа. (в конце концов успокаивается).

Опустите его, мальчики.

Мать.

Нет, держите его до заката.

Лампа.

Да он пестрый, как водяная змея.

Мать.

Ну, когда он закончит читать, хорошо это или плохо, дайте ему еще немного, скажем, двадцать ударов. []⁸

Дети не всегда хорошо вели себя и в других отношениях: родители жаловались, что дети противоречат им и не всегда встают, когда старшие входят в комнату, что они слишком много болтают перед компанией, скрещивают ноги, когда садятся, и полностью тиранят своих педагогов.

Но, несмотря на все свои проступки и наказания, в письме, музыке и гимнастике афинский мальчик получал образование до восемнадцати лет. Рассказы о древних героях, сражавшихся под Троей, и о тех, кто совсем недавно победил персов, наполнили его энтузиазмом к своей расе и любовью к свободе своего города. Пришлось учиться многим вещам без помощи книг, и его ум стал быстрым, внимательным и наблюдательным, а музыка и гимнастика научили его красоте самообладания и достойной сдержанности.

MUSIC SCHOOL SCENES.
From a Hydria in the British Museum. (E 171.)

СЦЕНЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ.

С гидры, хранящейся в Британском музее. (E 171.)

В восемнадцать лет афинский юноша покидал школу. Государство дало ему полные права гражданина только через несколько лет, а до тех пор он должен был выполнять определенные воинские обязанности, но он уже не был мальчиком и считался достаточно взрослым, чтобы понимать значение гражданства и знать, каковы его обязанности и привилегии. Именно тогда, когда мальчишество оставалось позади и он вступал в более богатую и насыщенную жизнь, юноша приносил клятву эфеба, или молодого человека. Ему давали щит и копье воина, а затем в храме, перед Зевсом, владыкой небес, и в присутствии высших афинских магистратов он клялся:

"Никогда не позорить своего священного оружия, никогда не оставлять своего товарища в строю, но сражаться за святые храмы, одному или с другими: оставить свою страну не в худшем, а в лучшем состоянии, чем он ее нашел; повиноваться магистратам и законам, и защищать их от нападения; наконец, держать в чести религию своей страны".

[1] Из книги *"Школы Эллады"*, автор Кеннет Дж. Фримен.

[2] Лукиан, перевод Кеннета Дж. Фримена, в *"Школах Эллады"*.

[3] Платон: *Протагор*, перевод Джоуэтта.

[4] Ксенофонт: *Банкет*.

[5] См. с. 312.

[6] Платон: *Законы*.

[7] Платон: *Республика*, перевод Дэвиса и Вогана.

[8] Herodas: *Mime*, III, перевод Kenneth J. Freeman в *The Schools of Hellas*.

ГЛАВА XIV

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕАТР

Греческая драма началась как религиозный праздник в честь Диониса. Для греков этот бог олицетворял весну и урожай винограда, причем последний был очень важным временем года в виноградарской стране, и он был для них символом той силы, которая есть в человеке, чтобы подняться из самого себя, чтобы быть побуждаемым вперед радостью внутри него, которую он не может объяснить, но которая заставляет его идти вперед, идя, как бы, на крыльях ветра, духа, который наполняет его глубоким чувством поклонения. Мы называем эту силу *энтузиазмом*, греческое слово, которое просто означает "*бог внутри нас*".

С самых ранних времен на религиозных праздниках в честь Диониса рассказывали истории о его жизни, а затем и о других богах и древних героях. Именно из этих истоков и возникла драма. Первоначально история рассказывалась в форме песни, которую пели сначала все участники праздника, а затем хор из примерно пятидесяти исполнителей, и в перерывах между песнями лидер сам декламировал часть истории. Постепенно декламация стала иметь большее значение, чем песня; она становилась все длиннее, и через некоторое время в ней участвовали два человека, а затем три; в то же время хор становился все меньше и меньше влиял на действие драмы, пока, наконец, не стал состоять всего из пятнадцати исполнителей.

Греческая драма во многих отношениях была гораздо проще современной. В ней было меньше персонажей, и обычно на сцену одновременно выходили только три говорящих актера. Рассказывалась только одна история, и ничто не отвлекало внимание зрителей от нее. Хор, хотя он больше не рассказывал историю, был очень важен, так как задавал атмосферу пьесы, а лирические песни с призрачной прелестью намекали на трагедию, которую невозможно предотвратить из-за ужасных деяний, совершенных в прошлом, или, если, действительно, есть какая-то помощь, воображение уносилось вперед на крыльях надежды. Хор служил и другой цели. В современной драме, когда трагизм ситуации становится почти непосильным для зрителей, облегчение часто находят в каком-нибудь комическом или отчасти комическом эпизоде, который вводится, чтобы ослабить напряжение. Шекспир делает это постоянно. Но в греческой драме комические эпизоды считались неуместными, и поэтому, когда происходила трагическая сцена, хор сопровождал ее песней чистейшей поэзии. В одной из пьес Еврипида за ужасной сценой трагедии следовала песня, в которой хор молился об избавлении от горестей на крыльях птицы в страну, где царит мир и красота. Они пели:

Мог бы я перенестись в пещеру, чтобы спрятаться,
На вершинах холмов, где солнце едва ступает;
Или облако сделать домом для моего пребывания,
Как птица среди божьих рощ.

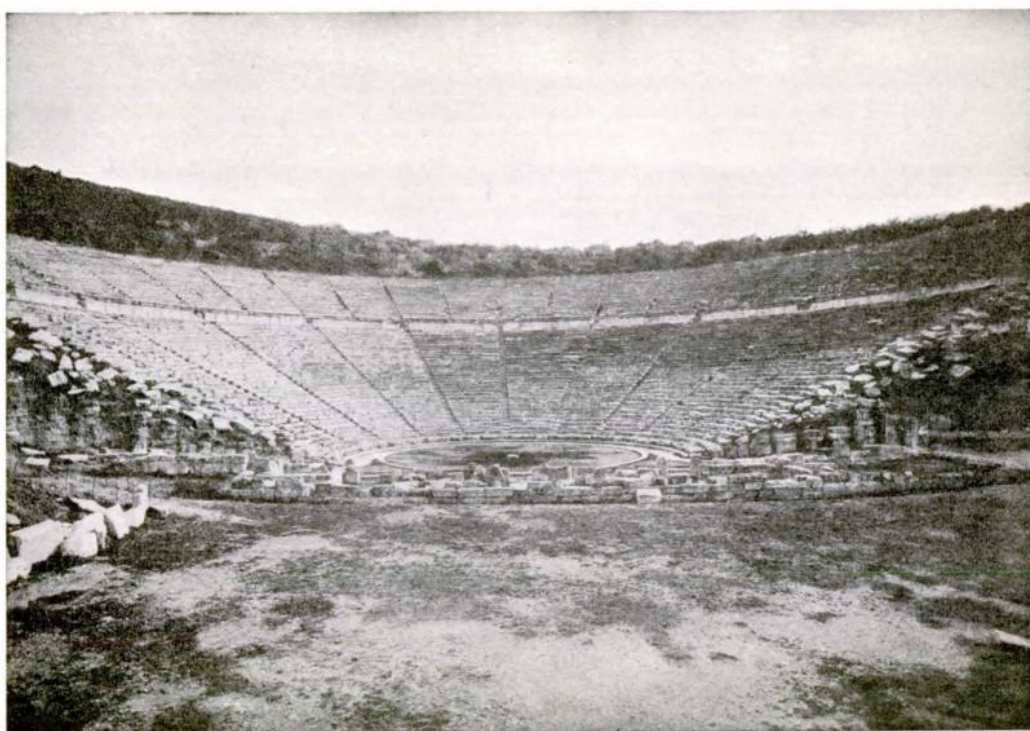
И далее песня переносит воображение в место

Где голос живых вод не умолкает.

В тихом Божьем саду у моря,
А Земля, древняя дарительница жизни, приумножает
Радость среди лугов, как дерево. []¹

В великих греческих драмах хор - постоянное напоминание о том, что, хотя они не могут понять или объяснить их, в мире существуют иные силы, чем необузданные страсти людей.

Большой драматический фестиваль в Афинах проходил весной в театре Диониса, к юго-востоку от Акрополя. Театр в Афинах никогда не становился повседневным развлечением, как сегодня, но всегда был напрямую связан с поклонением Дионису, а представлениям всегда предшествовало жертвоприношение. Праздник проводился только раз в году, и пока он длился, весь город отдыхал. Изначально вход в театр был бесплатным, но толпы зрителей становились настолько велики, а в борьбе за хорошие места возникала такая неразбериха, а иногда и драки, что государство решило взимать плату за вход, а билеты нужно было покупать заранее. Но даже тогда не было зарезервированных мест, за исключением некоторых чиновников, которые сидели в первом ряду. Во времена Перикла поступали жалобы на то, что более бедные граждане не могут позволить себе купить билеты, и настолько важной считалась тогда драма, что было приказано выдавать билеты бесплатно всем, кто за ними обратится.

THEATRE AT EPIDAUROS

ТЕАТР В ЭПИДАВРЕ

Афинская публика была очень критична, и крики и аплодисменты, или стоны и шипение показывали ее одобрение или неодобрение разыгрываемой пьесы. В один день давалось несколько спектаклей, и лучшему присуждался приз, поэтому зрители должны были начинать с рассветом и, скорее всего, оставались в театре до заката. Давайте вместе с афинскими зрителями посмотрим пьесу, которая впервые была представлена во второй половине пятого века до нашей эры.

Театр представляет собой большой полукруг на склоне Акрополя с рядами каменных сидений, на которых могут расположиться около восемнадцати тысяч зрителей. Первый ряд состоит из мраморных кресел, единственных мест в театре, имеющих спинки, и они предназначены для жрецов Диониса и главных магистратов. За первым рядом находится круглое пространство, называемое оркестром, где поет хор, а в центре стоит алтарь Диониса. За оркестром находится сцена, на которой играют актеры, а в задней части - здание, разрисованное под фасад храма или дворца, куда актеры удаляются, когда им не нужно выходить на сцену или менять костюмы. Это и есть весь театр и все его декорации. Над головой - глубокое синее небо, позади возвышается Акрополь, а вдали виднеются поросшие оливами холмы. Многое придется домысливать, но сама простота внешнего антуража заставит зрителей отдать все свое внимание пьесе и игре актеров.

Когда пьеса начнется, на сцене одновременно будут находиться только три актера. На них будут очень сложные костюмы, на туфлях - странного вида деревянные подошвы, называемые котурнами или бускинами, высотой около шести дюймов, чтобы казаться выше и внушительнее, а на лицах - диковинные маски с широким ртом, чтобы все в огромной аудитории их слышали. Занавеса не будет, и пьеса не разделена на разные акты. Когда в действии наступит пауза, хор заполнит это время своей песней. Если это трагедия, то

финальную катастрофу мы не увидим на сцене, но появится вестник, который расскажет нам о случившемся. Все это сильно отличается от того, как подается современная пьеса, но некоторые из величайших драм, которыми обладает мир, были написаны афинскими драматургами и сыграны на этой афинской сцене более двух тысяч лет назад.

В этот раз мы увидим пьесу "Ифигения в Тавриде", написанную Еврипидом, одним из величайших афинских драматургов.

Легенды и предания, из которых были взяты сюжеты большинства греческих пьес, были, конечно, хорошо известны афинянам. Это были истории, посвященные какому-то великому событию или объясняющие какие-то религиозные обряды, но, естественно, эти легенды по-разному трактовались разными драматургами, каждый из которых выводил свою сторону истории, чтобы донести до народа тот или иной урок, который хотел донести до него, и это особенно верно в отношении таких легенд, как "Ифигения", связанная с падением Трои.

Во вступительной речи этой пьесы Ифигения очень кратко рассказывает свою историю до того момента, когда начинается действие пьесы. Когда греки уже были готовы отплыть в Трою, их занесло ветром в Аулис. Мудрецы стали советоваться, что это значит и как можно умиротворить богов, которые, видимо, были чем-то обижены, чтобы попутный ветер отправил их в путь. Прорицатель Калхас рассказал, что Артемида требует принести в жертву Ифигению, дочь Агамемнона, царя Аргоса, великого вождя, и ее отец послал за ней. Дева была дома с матерью, и гонцу, посланному в Аргос, чтобы привести ее, было поручено сказать, что отец хочет выдать ее замуж за героя Ахилла. Она пришла, и жертва была принесена, но в самый ответственный момент Артемида унесла Ифигению и поместила ее в страну тавров, дикого и варварского племени, в качестве своей жрицы. У тавров было изображение Артемиды в храме, которому они приносили в жертву всех чужеземцев, выброшенных на их берег, и в обязанности жрицы входило освящать каждую жертву перед закланием. Здесь, исполняя этот обряд, Ифигения прожила более десяти лет, но никогда еще ни один грек не приходил в эту дикую страну. Она, конечно, ничего не знала о том, что произошло в Трое и после нее; не знала, что по возвращении домой ее отец был убит женой Клитемнестрой, и что Орест, ее брат, отомстил за эту смерть, зарезав собственную мать, после чего стал скитаться с места на место, преследуемый неустанными муками фурий. Озлобленная на греков за то, что они решили принести ее в жертву в Аулисе, Ифигения говорит о себе, что она "превратилась в камень, и в ней не осталось жалости", и наполовину надеется, что настанет день, когда к ней приведут грека, чтобы он в свою очередь был принесен в жертву богине.

Тем временем Орест, измученный фуриями, обратился к оракулу Аполлона, чтобы спросить, как ему очиститься от греха, и Аполлон велел ему отправиться в страну тавров и привезти в Атику образ Артемиды, своей сестры, чтобы он больше не был запятнан кровью человеческих жертв. И вот Орест становится первым греком, которого приведут к Ифигении для жертвоприношения Артемиде. Именно в этот момент открывается пьеса. [].²

ПЕРСОНАЖИ ПЬЕСЫ

ИФИГЕНИЯ.

ОРЕСТЕС, ее брат.

Пилад, друг Ореста.

Тоас, царь Тавриды.

ПАСТУХ.
ПОСЫЛЬНЫЙ.

ХОР пленных гречанок, служанок Ифигении.

БОГИНЯ ПАЛЛАСА АФИНА.

На сцене изображен огромный варварский храм на пустынном морском берегу. Виден алтарь, испачканный кровью. С крыши свисают трофеи убитых. Ифигения в одежде жрицы выходит из храма и в речи, которая служит фактически прологом к пьесе, рассказывает свою историю. В конце своей речи, которую на протяжении всей пьесы преследует чувство изгнания и тоски по родине, она рассказывает о странном сне, который ей только что приснился и который, по ее толкованию, означает, что Орест, ее брат, мертв. Затем она отправляется в храм.

Голос.

Кто-то перешел дорогу? Охраняй себя хорошо.

Другой голос.

Я наблюдаю. Во все стороны я обращаю свой взор.

(Входят Орест и Пилад. По их одежде видно, что они путешественники. Орест потрясен и расстроен).

Орест.

Как, брат? Неужели это и есть то святилище.
ради которого мы, наконец, отплыли из Аргоса?

Пилад.

Конечно, Орест. Видишь ли ты, что это не так?

Орест.

И алтарь, где проливается эллинская кровь.

Пилад.

Как похожи на длинные волосы эти кровавые пятна, рыжевато-красные!

Орест.

И трофеи убитых - там, у крыши.

Пилад.

Да, первые плоды урожая, когда они ловят
чужаков! Это место надо тщательно обыскать.

(Он ищет, пока Орест сидит.)

Во время поисков Орест в речи, обращенной к Аполлону, объясняет, почему они здесь, и выражает безнадежность в том, что они когда-нибудь исполнят волю бога, и даже предлагает вернуться назад. Но Пилад подбадривает его и советует мужаться, ибо, по его словам,

Опасность сияет
как солнечный свет в глазах храбреца, а страх перед тем, что может быть.
что может случиться, нигде не поможет.

Орест.

Да, мы никогда не преодолевали эти лиги пути.
Чтоб в конце оступиться. Видишь, я повинуюсь
Словам твоим. Они всегда мудры. Пойдем, выберем
В какую-нибудь пещеру, чтобы спрятаться до наступления темноты.
Бог не допустит, чтобы дурные события
чтобы омрачить нас и свести на нет слово.
сказанное Им самим. Да, и никакая опасность не принесет
Помилование за то, что мы вернулись к сыновьям королей.

(Они выходят на берег.)

После их ухода постепенно входят женщины из хора. Это гречанки, захваченные в плен во время войны царем Тоасом, и поэтому они дружелюбно относятся к изгнанной и одинокой Ифигении, ведь они так же тоскуют по дому, как и она. Они пришли, повинувшись ее призыву, чтобы помочь оплакать Ореста, который, как она убедилась во сне, умер.

Припев.

Мир! Мир всем, кто живет
У скал-сестер, что бьются в волнах
Дружественных морей.

* * * *

Из Эллады, которая когда-то была нашей,
Мы пришли к твоим воротам,
Из страны западных морей,
Кони и башни,
Колодцы и садовые деревья,

И места, где сидели наши отцы.

Ведущий.

Какие вести, хо? С каким намерением
Ты призвал меня к святыне твоей и к тебе,
О дитя того, кто пересек море
В Трою с тем великим вооружением,
Тысячей лодок, мириадами мечей?
Я пришла, о дитя Атрейдских владык.

(Из храма выходит Ифигения в сопровождении слуг).

Ифигения.

Увы! О девы мои,
Я полна слез:
Сердце мое наполнено биением
слез, как танцующих ног,
Без лиры, без радости,
И музыкой мертвых.

И шепот звучит в моих ушах,
Видения, принесенные дыханием
Ночи, которая теперь ушла,
О брате, ушедшем на смерть.
О горе и плач,
О доме, которого больше нет,
О мертвых, что были царями в былые времена.
И о труде Аргалиды!

Ифигения и хор вместе оплакивают разрушения и потери, постигшие дом Агамемнона.
Внезапно предводитель хора останавливает их.

Предводитель.

Постойте, вон там, на берегу моря.
Идет, кажется, пастух, ищет тебя.

(Входит пастух. Ифигения все еще стоит на коленях).

Пастух.

Дочь Клитемнестры и ее царя,
слушай! Я несу весть о дивном деле.

Ифигения.

Что за новость, что так омрачает мои похороны?

Пастух.

Корабль прошел мимо синих Симплегад,
И вот на наш берег выбросило двух мужчин,
Молодых, смелых, хороших для жертвенного камня
Артемиды.

(Она встает.)

Поспешите, сколько сможете;
Это не слишком много. Чаша с кровью и брызги!

Ифигения.

Люди какого народа? Видно ли их привычки?

Пастух.

Наверняка эллины, но это все, что мы знаем.

Ифигения.

Нет имени? Никакой другой подсказки, которую могло бы уловить твое ухо?

Пастух.

Мы слышали, как один называл своего товарища "Пилад".

Ифигения.

Да. А того, кто говорил, как звали?

Пастух.

Никто из нас не слышал. Я думаю, они не говорили.

Ифигения.

Как вы увидели их первыми, как заставили их ускорить шаг?

Пастух.

Внизу, на берегу моря, там, куда отбрасывает волна.

Ифигения.

Море? Что такое море для тебя и твоих детей?

Пастух.

Мы пришли, чтобы вымыть наш скот в рассоле.

Ифигения.

Вернись и расскажи, как их забрали; покажи
как это делается, ибо я хотела бы знать
Так давно, но еще никогда,
Никогда греческая кровь не омывала этот алтарь.

Пастух рассказывает свою историю о том, как мужчины попали в плен. Ифигения молча слушает, а в конце говорит:

"Хорошо. Пусть твоя рука приведет их, а моя
Не дрогнет, пока не исполнится воля божья.

(Выходит пастух.)

Ифигения дает выход своим чувствам. В жертву приносят чужеземцев, к этому она привыкла, но эти люди - греки. Однако она сама претерпела горькие страдания от рук греков; не должна ли она отомстить за них? Однако постепенно, вспоминая свою молодость, свой дом, она тает и в конце концов уходит в храм, яростно сопротивляясь жестокому поступку, который ей предстоит совершить, и совсем не уверенная, что сможет заставить себя сделать это.

Приход этих греков заставил Грецию вновь вернуться к мыслям хора. Все греки любили море и были мореходами, и прибытие этих двух авантюристов напоминает изгнанникам об их доме, и в их воображении они видят, как корабль пересекает море, пока не коснется безлюдного и жестокого берега.

Хор.

Но кто эти люди, откуда веет ветер
На бледных Евротах, на чистых Дирсах,
Которые не сворачивают с пути,
Ищут ее землю, где никто не ест хлеба,
Ее без жалости, вокруг чьей девственной головы
Кровь на колоннах ржавеет с давних пор,
Кровь на древнем алтаре.

Вспышка пены, вспышка пены,
Волна на лопасти весла,
И они ушли в сердце синевы;
Колесница, которую влекли дикие волны.
Неужели они пришли за золотом?
Или гордость, чтобы сделать великим свое жилище?

* * * * *

Через скалы они прорвались:
Прошли мимо мыса, не сомкнув глаз.
Сыновья Финея были точны:
Они бежали по заливу, освещенному звездами.
По волшебным волнам,
Где люди на волнах заблудились
Видели сквозь сиянье серое,
Кольцо за кольцом, говорят люди,
Танец дочерей старого моря.

Направляющее весло на корме
Оно зыбилось и кружилось,
То западный ветер смеялся.
А теперь - юго-западный ветер;
И парус был полон в полете,
И они прошли мимо острова Белого:

Птицы, птицы, повсюду,
Белые, как пена, легкие, как воздух;
И призрачный Ахилл мчится туда,
Далеко в безбрежных водах.

Парус, парус из Греции,
Бесстрашно пересекает море,
С выкупом и с миром
В мой больной плен.
О дом, я вижу тебя до сих пор,
И старые стены на холме!

Мечты, мечты, соберитесь ко мне!
Несите меня на крыльях над морем;
О радость ночи, для раба и свободного,

Одно добро, что пребывает!

Ведущий.

А вот и те двое, которых посылает Тоас,
Их руки в рабстве сжимают боль.
Странное подношение, чтобы возложить его перед
Богине! Сохраняйте спокойствие, друзья.

Вперед, еще вперед к этому святилищу
Ведут они первенцев греческих.
Это правда, что он пришел рассказать,
Этот наблюдатель за горными конями.

О святой, если это доставит
Тебе радость, что эти люди принесли тебе,
Прими их жертву, которую мы,
По закону Эллады, отвратительны.

(Входят Орест и Пилад, связанные и охраняемые таврами. Вновь входит Ифигения).

Ифигения.

Да будет так.
Я должна заботиться прежде всего о том, чтобы ничто не повредило
Священным правилам храма. Развяжите им руки.
То, что освящено, не может быть больше связано.
Вы - к святыне! Пусть все будут найдены
Как велит закон и как нужно нам в этот день.

(Орест и Пилад освобождаются; несколько служителей входят в храм).

Ах я!
Какая мать была у вас, о чужестранцы, скажите,
И отец? И сестра твоя, если есть у тебя
Сестра: обе сразу, так молоды и смелы.
Чтоб оставить ее без брата! Кто знает, когда небеса
Пошлет судьба? Ведь никому не дано
Знать ни приход, ни конец горя;
Так темен Бог, и в великую тьму уходят
Его пути, слепой случайностью запутанные.
Откуда вы пришли, о несчастнейшие люди?
Из дальних краев, кажется, вы нашли этот берег.
И далеко от дома навеки останетесь.

Орест просит Ифигению не усугублять их судьбу и не жалеть их. Они знают, где находятся, и знают жестокие обычаи этой страны.

Ифигения.

Скажи сначала, кого люди называют Пиладом?

Орест.

Это имя этого человека, если тебе так будет легче.

Ифигения.

Из какого города Эллады он родом?

Орест.

Довольно! - Какую пользу принесет тебе это знание?

Ифигения.

Вы два брата от одной матери рождены?

Орест.

Нет, не по крови. В любви мы братья заклые.

Ифигения.

У тебя тоже есть имя: скажи мне его.

Орест.

Зови меня Несчастливым. Этого имени достаточно.

Ифигения.

Я не спрашивала об этом. Пусть это останется с Фортуной.

Орест.

Глупцы не могут смеяться над теми, кто умирает безымянным.

Ифигения.

За что мне это? У тебя такая могучая слава?

Орест.

Мое тело, если хочешь, но не мое имя.

Ифигения.

И земля Греции, где ты родился?

Орест.

Что толку, что я сказал тебе об этом, когда я мертв?

Ифигения.

Зачем тебе отказываться от столь малой милости?

Орест.

Знай же, что великий Аргос был моей родиной.

Ифигения.

Чужеземец! Правда! Из Аргоса ты пришел?

Орест.

Микены, некогда богатая земля, были моим домом.

Ифигения.

Изгнание привело тебя сюда - или что?

Орест.

Изгнание, наполовину вынужденное, наполовину самовольное.

Ифигения.

Скажи же мне все, что мне нужно от тебя!

Орест.

Не так уж много прибавилось к моим страданиям.

Ифигения.

Из Аргоса! О, как приятно видеть тебя здесь!

Орест.

Наслаждайся. Для меня это печальная радость.

Ифигения.

Ты знаешь имя Трои? Далеко оно промелькнуло.

Орест.

Не знаю, боже мой; нет, и не мечтал о ней.

Ифигения.

Люди баснословят, что она пала под мечом?

Орест.

Так и есть. Ты не слышал пустых слов.

Ифигения.

Пал! Наконец-то! И Елена тоже?

Орест.

Да, в злосчастный день для одного из моих знакомых.

Ифигения.

Где же она? Я тоже храню гнев...

Орест.

В Спарте! Она снова счастлива со своим повелителем!

Ифигения.

О, ненавидимая всей Грецией, не только мной!

Орест.

Я тоже вкусил от ее чародейства.

Ифигения.

И пришли войска домой, как гласят сказания?

Орест.

Отвечу, что это было много сказок в одной.

Ифигения.

О, дай мне этот час сполна! Ты скоро умрешь.

Орест.

Спроси, если такая тоска тебя держит. Я попробую.

Ифигения.

Провидец по имени Калхас! Приходил ли он когда-нибудь?

Орест.

Калхас мертв, так гласит весть, дошедшая до дома.

Ифигения.

Хорошая новость, боги! Одиссей, что с ним?

Орест.

Еще не дома, но еще жив, как считают люди.

Ифигения.

Будь он проклят! И пусть он больше не увидит свой дом.

Орест.

Зачем его проклинять? Весь дом его поражен.

Ифигения.

Как сын Нереиды, Ахиллес, спасся?

Орест.

Мала помощь, что принесла ему невеста! Он мертв.

Ифигения.

Свирепая невеста, так говорят страдальцы!

Орест.

Кто ты, что так хорошо знаешь Грецию?

Ифигения.

Я была гречанкой. Зло настигло меня давно.

Орест.

Неудивительно, что ты так хочешь знать.

Ифигения.

Этот повелитель войны, которого они называют столь высоким в блаженстве...

Орест.

Такого я не знаю. Как его звали?

Ифигения.

Они называли его Агамемноном, сыном Атрея.

Орест.

Я не знаю. Перестань, - мой допрос окончен.

Ифигения.

Какая радость для меня! Как он поживает? Расскажи!

Орест.

Умер. И погубил еще одну жизнь.

Ифигения.

Умерла? От какой ужасной судьбы? Горе мне!

Орест.

Почему ты вздыхаешь? Разве он был связан с тобой?

Ифигения.

Я думала о его прежней радости и гордости.

Орест.

Его собственная жена подло зарезала его, и он умер.

Ифигения.

О боже!

Я жалею ее, которая убила, и его, который убил.

Орест.

Теперь прекрати свои вопросы. Не добавляй к ним ни слова.

Ифигения.

Только одно слово. Жива ли она еще, эта несчастная жена?

Орест.

Нет. Ее собственный сын, ее первенец, лишил ее жизни.

Ифигения.

О потерпевший кораблекрушение дом! Что за мысль была в его мозгу?

Орест.

Правосудие над ней, чтобы отомстить за убитого отца.

Ифигения.

Увы!

Долг ложный он храбро исполнил.

Орест.

Но бог, при всем его долге, не помогает ему.

Ифигения.

И ни одна ветвь древа Атрея не живет?

Орест.

Живет Электра, невенчанная и одинокая.

Ифигения.

Ребенок, которого они зарезали, - есть ли о ней известия?

Орест.

Нет, только то, что она умерла в Аулисе.

Ифигения.

Бедное дитя! И бедный отец, который убивал и лгал.

Орест.

Она умерла ради никчемной женщины.

Ифигения.

Сын мертвого царя, он еще живет в Аргосе?

Орест.

Он живет, то здесь, то там, сгибаясь от болезни.

Ифигения.

О мечты, светлые мечты, прощайте! Вы тоже были ложью.

* * * * *

Ведущий.

У нас тоже есть близкие, но, будучи низкими,
Никто не внял, живы они или нет.

Ифигения. (С внезапным порывом.)

Послушай! Меня осенила одна мысль,
Незнакомые люди, и вам, и мне полезная.

* * * * *

Незнакомец, если я могу спасти тебя, понесешь ли ты
Аргосу и друзьям, любившим юность мою.
Какое-нибудь слово? Есть скрижаль, на которой, по правде
За меня и мои злодеяния написал пленник,
Взятый царем на войне. Он знал, что не
Воля моя жаждала крови, но Тот, кто на вершине
Который держит ее за праведную добычу.
И с того дня ни один грек не приходил
Которого я мог бы спасти и отправить в Аргос домой.
С молитвой к любому другу: но ты,
Я думаю, ты не ненавидишь меня; и ты знаешь
Микены и имена, которыми наполнено мое сердце.
Помоги мне! Спаси! У тебя тоже есть своя роль,
Твоя жизнь за одно легкое письмо...

(Орест смотрит на Пилада.)

За друга твоего,
Закон принуждает. Он должен вынести конец
Артемидой назначенный, кроме тебя.

Орест.

Странная женщина, как прикажете, так и будет,
Но только одно. Для меня тяжким грузом
если этот человек умрет. Я и моя собственная судьба
управляют нашими делами. Он лишь плывет со мной.
Потому что я много страдаю. Не должно быть так.
Чтоб его гибелью я спасся сам,
И заслужить милость твою. Это просто сделать.
Дайте ему скрижаль. Он с верной волей
Исполнит все твои желания в Арголисе.
А я - кто заботится, пусть убьет меня. Гнусен тот.
Кто, оставив друга в беде, на свободу идет
сам. И, как ни крути, этот человек
Мне очень дорог; его жизнь - как моя собственная.

Ифигения.

О царственное сердце! Несомненно, из какого-то великого семени
Родилась эта ветвь, способная так любить.
Дай Бог, чтобы тот, кто еще жив из моего рода
Будь такой, как ты! Ведь не совсем без брата
Даже я, но не вижу его,
Чужестранцы - но все же ваши удовольствия будут исполнены.
Этот человек понесет весть, а ты пойдешь

На смерть. Так угодно тебе.

Затем Орест спрашивает о ритуале, которым Ифигения освятит жертву, и о том, где она будет похоронена. Ифигения обещает, что он будет похоронен по греческим обычаям, а затем отправляется в храм за скрижалю. Во время ее отсутствия Орест и Пилад долго спорят, кто из них понесет скрижаль в Аргос, а кто останется на острове, чтобы быть принесенным в жертву. В конце концов решено, что Пилад возвращается в Грецию, а Орест остается.

(Входит Ифигения из храма).

Ифигения.

Идите в дом, и пусть все необходимое
В порядок приведите для тех, кто совершит дело.
Там ждите моего слова.

(Входят слуги.)

Вы, чужестранцы, вот я держу
Многобуквенную скрижаль, сложенную пополам.
И все же одна вещь остается.

Ифигения говорит Пиладу, что боится, что, оказавшись в безопасности и на свободе, он забудет обещание, данное, когда ему угрожала опасность, и поэтому заставляет его поклясться именем Зевса, что он будет верно нести послание. Она же, во имя Артемиды, клянется, что и в самом деле освободит его. Пилад напоминает ей, что он может потерпеть кораблекрушение и потерять скрижаль, и просит освободить его в таком случае от клятвы. Но Ифигения в своем отчаянном стремлении к освобождению отказывается от этого и вместо этого говорит, что расскажет ему, что написано в скрижали. Если же она потеряется, то он должен передать послание из уст в уста.

Пилад.

И для тебя, и для меня так будет справедливее.
Теперь позволь мне услышать его имя, к кому я иду
В Арголиде, и как должны звучать мои слова.

Ифигения. (Повторяя слова наизусть.)

Скажи: "К Оресту, сыну Агамемнона.
Убитому в Аулисе, мертвому для Греции.
Ифигения посылает мир".

Орест.

Ифигения! Где? Вернулась из мертвых?

Ифигения.

Это я. Но не говори, чтобы не оборвать мою нить.
"Возьми меня в Аргос, брат, пока я не умерла,
Назад от дружественных народов и высокого
Алтаря той, чьи кровавые обряды я совершаю".

Орест. (в сторону.)

Где я, Пилад? Как мне говорить?

Ифигения.

"Иначе покинутый горем, как позор
Преследует тебя".

Пилад. (в сторону.)

Орест!

Ифигения. (подслушав его.)

Да, это имя.
Вы, боги!

Пилад.

Зачем ты взываешь к богу
За слова мои?
Это пустяки. Это была дорога.
По которой шли мои мысли. Говорите дальше... Нет нужды нам
В вопросах; мы услышим дивные слова.

Ифигения.

Скажи ему, что Артемида мою душу спасла,
не знаю как, и на алтарь принесла
Вместо нее олененка, которого мой отец убил,
Не видя, считая, что меч его
поразил меня. Но она унесла меня далеко
И оставила меня в этой земле.
Так много. Все это написано на свитке.

Пилад.

Легкое обвинение возлагаешь ты на душу мою,
Радостную клятву на своей. Я больше не жду,
но здесь я исполню клятву.

Орест, возьми эту скрижаль, которую я несу
В руки твои, посланник сестры твоей.

Орест.

Я беру ее, но не знаю ни надписи.
ни послания. Слишком много радости у меня на губах.
Сестра! Возлюбленная! Хоть я и одичал.
Мои руки не верят, но жаждут тебя.
Теперь, исполненный удивления, отдай мне мой восторг!

(Он идет обнимать ее. Она стоит, потеряв дар речи).

Ведущий.

Незнакомец, посторонись! Ни один живой человек не имеет права
Прикоснуться к этому одеянию. Богиня была осквернена!

Орест.

О сестра моя, о дитя моего умершего отца,
Дитя Агамемнона; возьми меня и не бойся,
Я брат твой здесь, вне всякого сна.

Ифигения.

Брат мой? Ты? Успокойся! Больше не смейся надо мной.
В Аргосе светло от него и на берегу Науплии.

Орест.

Несчастливая! Нет у тебя там брата.

Ифигения.

Орест - ты? Которого Клитемнестра родила?

Орест.

Первенцу Атрея, твоему и моему сыну.

Ифигения.

Ты говоришь это: О, дай мне какое-нибудь доказательство, какой-нибудь знак!

Между ними вспыхивают воспоминания о былых временах, и в конце концов Ифигения
убеждается.

Ифигения. (падая в его объятия)

Возлюбленный! О, нет другого, ибо воистину
Возлюбленный ты! Наконец-то в моих объятиях,
Орест далеко.

Затем следует сцена, в которой Ифигения отдается одному чувству за другим, а когда Орест напоминает ей, что они еще не в безопасности, она предлагает один дикий план за другим.

Ифигения.

А теперь, какой конец наступит?
Шанс еще утешит меня,
Найдя для тебя дорогу
Назад из безлюдного края,
Назад от места смерти...
Пока еще не пришли убийцы
И кровь твоя утонет в песке.
Домой в Аргос, домой?
Сердце так быстро убивает.
Есть ли путь к жизни?
Нет корабля! А как добраться по суше?
И вот уже ноги торопятся
В пустыню одну.
Не надо: надо встретить
Смерть, среди племен неведомых
И безбрежных путей пустыни...
Конечно, лучше всего море.
Назад по узкой дорожке
К темно-синим воротам!
О Боже, слишком далеко, слишком далеко!
Опустошение! Опустошение!
Какой бог или человек, какое невообразимое пламя
может рассечь эту дорогу, где нет дороги, и привести
Нам, последним обломкам имени Агамемнона.
Покой от долгих страданий?

Но Ифигения еще не все узнала, и наконец Орест рассказывает ей, зачем он пришел. Он повторяет слова Аполлона:

"Иди, ищи таврскую цитадель:
Схвати там резную Артемиду, что упала
с неба, и утверди ее на аттической земле.
Так придет свобода твоя".

И продолжает:

"Сестра, в этом труде

Помоги нам! Если однажды я смогу получить этот образ.

В тот день кончится мое безумие и мой грех:

А ты - в Аргос, над разделительной пеной.

Мой многovesельный барк доставит тебя домой.

О сестра, любимая и потерянная, О жалостливое лицо!

Помоги моей великой беде; помоги роду нашего отца.

Ибо погиб я, и погибли все силы

Пелопса, если только это небесное не будет нашим!"

Эта новость несколько опечалила Ифигению. Теперь перед ней стоит совсем другая задача, нежели спасение жизни брата. Только что это казалось почти невозможным, но по сравнению с этим новым требованием - почти легким. Это безумие; похищение образа Артемиды будет считаться страшнейшим святотатством, но Орест просит ее о помощи. А тут еще она сама и ее надежды! Возможно, ей удастся спасти ему жизнь и бежать вместе с ним, но украсть статую и уйти с ним - задача, не поддающаяся никакому сомнению. Что же ей делать? Она решает, что спасет ему жизнь и отдаст статую, а затем сама предстанет перед разгневанным царем и отдаст свою жизнь за брата.

Ифигения.

Я должна ждать и быть убитой:

Ты снова будешь свободно ходить по Арголиде,

И вся жизнь улыбнется тебе. Дорогая, нам не нужно

Не надо от этого уклоняться. Я своим поступком

тебя спас. А человек, покинувший землю.

оплакивается. Женщины же мало что стоят.

Но Орест отказывается принять жертву.

Орест.

Я с тобою

Единым сердцем здесь, будь то жизнь или смерть,

И вынесу тебя, если бог благоволит,

Со мной в Грецию и домой, или лежать здесь

Мертвым на твоей стороне.

* * * * *

Ифигения.

Украсть для тебя образ, но не умереть

самой! Вот что нам нужно.

Они начинают обсуждать все возможные способы побега, и наконец Ифигении приходит в голову идея. Она скажет царю, что Орест прибыл из Греции с кровью матери, и поэтому принести его в жертву богине будет большим преступлением. Прежде чем принести его в жертву, он должен очиститься в морских волнах. Но само его присутствие отвергло образ

богини, и поэтому его тоже нужно вынести на берег и очистить. Пилад разделяет вину своего друга и сопровождает его на берег, а Ифигения пойдет ко дну вместе с образом. Остальное - дело рук Ореста, и он должен устроить так, чтобы их взяли на борт его корабля и таким образом спастись. Это опасный и дерзкий план, но надежды больше нет.

Ифигения, Орест и Пилад будут спасены, если спасение вообще возможно, но что делать с хором, с этими греческими женщинами, спутницами изгнания и одиночества Ифигении? Они действительно "верны сердцем и верность обрели", ибо, не имея надежды вернуться домой, игнорируемые даже Ифигенией в этот потрясающий момент ее собственной надежды, они лояльно обещают хранить тайну обо всем, что касается заговора. Однако они тоже стремятся домой и озвучивают свою тоску. В воображении они видят греческую землю. И снова перед ними встают страдания их пленения и порабощения, но они возвышаются над своей печалью, воспевая то, что будет значить для Ифигении пересечь море, вновь увидеть свой дом и достичь земли свободы.

Хор.

Птица морских скал, брызг разрывных,
О птица халциона,
Колесит, плача, по дороге своей;
Кто знает горе, может прочесть рассказ о тебе:
О любви, что давно потеряна, О песне, что вечно слышна.
И крылья, что вздымают море.

Сестра, я тоже жалуюсь на море,
Птица, у которой нет крыльев.
О, если бы снова был добрый греческий рынок,
Артемиды, исцеляющая женскую боль;
Здесь я стою и жажду.
Дайте мне маленький холм над морем,
Пальму Делоса, окаймленную нежной бахромой,
Молодой лавр и оливковое дерево.
Седые листья и мерцание;

* * * * *

Ах, старые слезы, старые и слепые слезы
Я Богу тогда отдал,
Когда город мой пал, и шум стоял в ушах.
Когда рушились башни, и меня вели вперед.
Через копыта, весла и разъяренных людей.
В неведомое море.
Они купили мою плоть за золото, и, охваченный страхом.
Я пришел на этот темный Восток.
Чтобы служить служанке Агамемнона,
Охотнице Артемиде, которой не платят
Кровь ни одного убитого зверя;

Но все кроваво там, где я живу, Ах, я!
Завидую, завидую тому страданию.
Что всю жизнь неизменно терпит.
Ибо тяжкие испытания с рождения
Делают сердце человека железным, и тем больнее.
Перемены - это боль; и горечь
В жизни угасание, когда радость перестает быть.
Что делает мрачной всю землю.

Вот,
Два десятка гребцов
Гребцов, что гребут за тебя,
И дикий воздух холмов, как будто там Пан,
Будет звучать на Аргивском море,
Трубы, чтобы освободить тебя.

Или это струны
Аполлоновой лиры поет.
Радостно, когда он ведет тебя
В Афины, в страну весны;
Пока я жду, изнемогая?

О, ветер и весло,
Когда большой парус вздымается впереди,
С простынями наперевес, как конь на привязи;
И дальше, сквозь бег и рев,
Она стремится к дальнему берегу.

А я,
Подняться на крыльях и нестись
Прямо по золотым кручам
Где радостное солнце в огне бежит,
Пока крылья не ослабнут и не сложаются
Над домом, что был моим издревле.
Или смотреть, как на поляне внизу
брачным танцем сияет,
И дитя от матери отделится.
Туда, туда, где танцуют:
Как и я когда-то давно.

О, битвы золотые и редкие
Нарядов и звездных волос,
И яркие вуали, скрещенные с локонами.
В сумраке танцующего воздуха!
О юность и дни, что были!

(Входит король Тоас с солдатами).

Тоас.

Где страж этих священных ворот,
Гречанка? Закончилась ли ее работа
С этими двумя незнакомцами? Лежат ли их тела
Теперь в высеченном из камня святилище?

Ведущий.

Вот она, о царь, чтобы передать тебе весть.

(Входит из храма Ифигения, несущая на руках Образ).

Тоас.

Как, дитя Агамемнона! Ты вскочила
От вечного основания, и к солнцу
В объятиях своих несешь святыню?

Ифигения.

Назад, господин! Ни шагу за пределы столбовой дороги.

Тоас.

Но как? Какое-то правило нарушено?

Ифигения.

Я не скажу
Это слово. Пусть будет все невысказанным и невыдуманным!

Тоас.

Что значит это приветствие странное? Открой мысль свою.

Ифигения.

Нечиста была добыча, которую ты поймал, о царь.

Тоас.

Кто показал тебе это? Твое собственное воображение?

Ифигения.

Образ вздрогнул и поднялся со своего места.

Тоас.

Сам? Какой-то толчок землетрясения ослабил его.

Ифигения.

Сам. И глаза закрылись на один вдох.

Тоас.

Но почему? За кровную вину этих двух мужчин?

Ифигения.

Только за это, больше ни за что. Ибо, о! вина их тяжка.

Тоас.

Они убили несколько моих пастухов на берегу?

Ифигения.

Их грех был принесен из дома, а не собран здесь.

Тоас.

Что? Я должен это знать... Расскажи мне свою историю.

Ифигения. (Она откладывает изображение и приближается к Тоасу).

Мужчины убили свою мать.

Тоас.

Боже! А эти
греки!

Ифигения.

Они оба изгнаны из Греции.

Тоас.

За это ты принесла образ на солнце?

Ифигения.

Небесный огонь может очистить от скверны.

Тоас.

Как ты впервые услышала об их позорном поступке?

Ифигения.

Когда Образ скрыл свои глаза, я расспросила их.

Тоас.

Хорошо. Греция научила тебя многим тонким искусствам.

Ифигения.

Ах, у них тоже были сладкие слова, чтобы тронуть мое сердце.

Тоас.

Сладкие слова? Как, они принесли какие-то новости из Греции?

Ифигения.

Орест, мой единокровный брат, живет в мире.

Тоас.

Конечно! Хорошие новости, чтобы ты пощадил их жизни...

Ифигения.

Мой отец тоже в Аргосе живет и процветает.

Тоас.

Пока ты думал только о законах богини!

Ифигения.

Разве я не ненавижу всех греков? Разве нет у меня причины?

Тоас.

Причина есть. Но теперь... Какую услугу следует оказать?

Ифигения.

Закон долгих лет должен быть исполнен.

Тоас.

Тогда за работу, с твоим мечом и рукомойником!

Ифигения.

Сперва я должна омолодить их каким-нибудь очищающим средством.

Тоас.

Чем? Проточной водой или солеными морскими брызгами?

Ифигения.

Море смывает все беды мира.

Тоас.

Конечно. Нож станет чище.

Ифигения.

И моя рука тоже, чище на всю жизнь.

Тоас.

Волны плещутся у самого пола храма.

Ифигения.

Нам нужно тайное место. Я должна сделать больше.

Тоас.

Какой-то невидимый обряд? Хорошо. Иди, куда хочешь.

Ифигения.

Образ тоже должен быть очищен от вины.

Тоас.

На нем есть пятно крови той матери?

Ифигения.

Я не смела сдвинуть его с места.

Тоас.

Как хороши твое благочестие и предусмотрительность! Айе,
Не удивительно, что весь наш народ высоко ценит тебя.

Ифигения.

Знаете ли вы, чего бы мне хотелось?

Тоас.

Как скажешь, так и будет.

Ифигения.

Наложите рабство на обоих чужеземцев.

Тоас.

Зачем рабство? Куда им бежать?

Ифигения.

Не доверяй ни одному греку.

Тоас (к сопровождающим).

Эй, люди! Наденьте на них путы и оковы, идите!

Ифигения.

Останьтесь; пусть они ведут чужеземцев сюда, за пределы святилища...

Тоас.

Так и будет.

Ифигения.

И накиньте на их головы темные одежды.

Тоас.

Чтобы завесить их, чтобы солнце не увидело.

Ифигения.

И одолжи мне несколько своих копий.

Тоас.

Эта компания пойдет с тобой.

Ифигения.

Затем пошли по всем улицам города глашатая.

Тоас.

Да; и что сказать?

Ифигения.

Чтобы ни один живой человек не выходил за границу.

Тоас.

Пятно крови может пересечь их путь.

Ифигения.

Да, грех, подобный их, распространяет заразу.

Тоас.

Ступай и огласи мой приказ.

Ифигения.

Чтобы никто не выходил и не смотрел...

Тоас.

И не смотрите. Как хорошо ты заботишься о земле!

Ифигения.

Для того, кого я обязана любить.

Тоас.

Мне кажется, ты меня не любишь.

Ифигения.

А ты тем временем здесь, в храме, жди, о царь, и...

Тоас.

Чего ждать?

Ифигения.

Очистить все святилище огнем.

Тоас.

Все будет чисто до твоего прихода.

Ифигения.

А пока чужеземцы проходят мимо тебя, стремясь к морю...

Тоас.

Что же ты хочешь?

Ифигения.

Наложить тьму на глаза твои.

Тоас.

Чтоб глаза мои испили зло их преступленья?

Ифигения.

А если я задержусь слишком долго.

Тоас.

Слишком долго? Как мне судить о времени?

Ифигения.

Не тревожься.

Тоас.

Соверши свой обряд должным образом. У нас еще есть время.

Ифигения.

И дай Бог, чтобы это очищение закончилось так, как я хочу!

Тоас.

Я присоединяюсь к твоей молитве.

Ифигения.

Дверь открывается.

* * * * *

(Она снова берет в руки Образ).

Здесь проходит святая вещь; уходи,
с дороги.

* * * * *

Прочь и трепещите от этой дороги; бегите
быстро, чтобы не оскверниться.

О царица и дева, Леторожденная, сжался!

Позволь мне очистить это пятно,

И молиться тебе, как молился бы я:

чистый дом будет снова твой,

И мы наконец обретем счастье. Вот, я

говорю только то, что осмеливаюсь;

Остальное - о, Бог мудр, и ты, моя

Госпожа, ты можешь прочесть мою молитву.

(Процессия уходит. Тоас и прохожие завуалированы; впереди - помощники, затем Ифигения с изображением, затем завуалированные солдаты, затем связанные Орест и Пилад, за ними - другие завуалированные солдаты. Тоас входит в храм).

Далее следует песня хора, заполняющая промежуток, в течение которого, как предполагается, происходят очистительные церемонии. По окончании песни вбегает гонец.

Вестник.

Эй, наблюдатели за фейном! Привет, стража алтаря!
Куда пропал король Тоас? Откройте запертые
Порталы, и позовите короля! Короля я ищу.

Вождь.

Что за вести - если я могу говорить?

Вестник.

Чужеземцы ушли, а мы обмануты,
каким-то темным заговором ребенка Агамемнона:
Бежали из страны! И на барке греческой
Они несут посланный небесами облик Артемиды.

Ведущий.

Твоя история не заслуживает доверия. Иди, быстро иди,
И найди короля. Он только недавно уехал.

Гонец.

Куда он ушел? Он должен знать о том, что произошло!

Вождь.

Я не знаю, куда он ушел. Но следуй быстро и ищи его. Скоро ты увидишь его.

Посланник.

Видите! Измена женского языка!
Вы все в заговоре, уверяю вас!

Вождь.

Твои слова безумны! Что мне эти люди?
Идите во дворец, идите!

Посланник. (Увидев большой стук в дверь храма.)

Я не встану

Пока не придет весть от этого доброго вестника.

Находится ли Тоас в этих воротах или нет.

(Стук в дверь.)

Хо, отворите порталы! Вы внутри! Что за хо!

Откройте и скажите нашему хозяину, что кто-то стоит
без него, со странным злом в руке.

(Входит Тоас из храма).

Тоас.

Кто смеет перед этим порталом освящать

Шуметь и развратно бить в ворота?

Шум твой нарушил древний покой Алтаря.

Вестник.

Вы, боги! Они поклялись мне и велели прекратить

Мои поиски - король уехал. И все это время...

Тоас.

Эти женщины? Как? Чего они добивались таким коварством?

Посланник.

О них потом! А сначала дай мне свой слух

Для более великих дел. Девственная служительница

что служила нашему алтарю, сбежала отсюда

И украла страшный облик Артемиды,

с теми двумя греками. Очищение было ложью.

Тоас.

Она бежала? Что за дикая надежда побудила ее бежать?

Вестник.

Надежда спасти Ореста. Чудеса!

Тоас.

Орест - как? Не сын Клитемнестры?

Вестник.

И наш залоговый жертвенник. То же самое.

Тоас.

О диво дивное! Каким именем
Более богатым на чудеса я могу назвать тебя?

Вестник.

Не думай об этом. Пусть слух и зрение
Пусть будут моими на время; и когда ты услышишь все.
Придумай, как лучше заманить их в ловушку до цели.

Тоас.

Да, расскажи свою историю. Наши Таврические моря простираются далеко,
где никто не сможет укрыться от моего боевого жезла.

Гонец взволнованно рассказывает Тоасу о случившемся, заканчивая словами о том, что если он немедленно вышлет преследователей, то сможет еще захватить беглецов. Тоас отдает приказ.

Тоас.

Эй, все жители моего дикого города!
Садитесь в седла своих коней и скачите галопом.
Чтобы следить за головами и собрать все, что осталось
живых с этого греческого кораблекрушения. Мы будем быстро,
С Божьей помощью, богохульники. Пошлите отряд
В хороших лодках на расстоянии фута от берега;
Так мы либо поймаем их в море.
Или по суше на них поплывем, и с легкостью
Сбросим их в скалистые заливы, или повесим на колья под солнцем.
На кольях под солнцем, чтобы кормить наших птиц и умирать.
Женщины: вы знали этот заговор. Каждая из вас
узнает, прежде чем работа, которую я должен сделать.
Что такое муки... Довольно! Ясно.
Задача выполнена. Я не должен здесь задерживаться.

Пока Тоас удаляется, его люди кричат и бегут впереди и позади него, внезапно раздается взрывной свет и раскаты грома, и в воздухе появляется Афина, противостоящая им. Это внезапное появление бога для решения проблемы в конце пьесы известно как *deus ex machina*, и на самом деле существовал некий аппарат, с помощью которого бог появлялся как бы подвешенным в воздухе.

Афина.

Хо, куда же теперь, так жаждущий добычи,
царь Тоас? Это я прошу тебя остаться,
Афина, дитя Зевса. Останови этот поток
Гневных людей, и пусть у тебя будет умеренная кровь.
Слово Аполлона и предначертанный судьбой путь
Привели Ореста сюда, чтобы спастись от гнева
тех, кто ненавидит. В Аргос он должен принести
Жизнь своей сестры и направить ту святую вещь.
Которое упало с небес, в землю мою вселиться.
Так боль его утихнет, и все будет хорошо.
Ты слышал мою речь, о царь. Никакая смерть от тебя
Ореста между скалами и морем:
Посейдон за любовь мою сделает больные
Волны ласковые, и освободит весло его трудовое.

И ты, о далекий, - ведь далеко или близко
Богиня говорит, и сердце твое должно услышать.
Иди, Орест, своей дорогой, неся домой
Образ и сестру твою. Когда вы придете
В Афины, построенные богами, - там есть земля.
Наполовину скрытая на последних границах Аттики,
Маленькая земля у скалы Каристуса,
но священная. Аттический народ называет ее
Халаэ. Построй там храм и даруй
В нем свой образ, чтобы мир знал
О Тавриде и о тебе, изгнанной
От полюса до полюса Греции, гончей кровью гонимой.
Злые мысли гонят тебя. Так через все
Времена Артемиде Тавропольской
Пусть люди возносят гимны в Хале. И еще,
Дайте им этот закон. На каждом празднике,
Меч, в память о смерти твоей нераскаянной,
Должен коснуться горла мужчины, и красная кровь потечет...
Одна капля, ради старой религии. В этом
Должен жить старый красный обряд Артемиды.

А ты, Ифигения, у лестницы
Брауона в скалах, Ключ понесешь
Артемиды. Там ты будешь жить и умрешь,
И там погребена.

* * * * *

Вы последние, о изгнанницы, верные сердцем
И верные, вы с миром уйдете,

Каждая в свой дом: вот воля Афины.
Орест,
уйди. Веди сестру свою с этого берега
С миром; а ты, Тоас, больше не гневайся.

Тоас.

Высочайшая Афина, тот, кто не склоняет низко
Своей головы перед божьим словом, произнесенным, я не знаю.
Как живет такой человек. Орест
Убежал с моим образом. Я не держу на него зла.
И на сестру его тоже. Нет ничего,
В битве, ведущейся против богов.
Против богов. Сила за ними. Пусть эти двое отправятся
В землю твою, и там посажу свой образ.
Я желаю им добра.

Этих невольниц не меньше
Я отправлю в Грецию и счастье,
А весла галеры моей не отпускай, и пусть это клеймо
По твоему повелению, богиня, снова в ножнах.

Афина.

Хорошо, о царь. Ибо то, что должно быть
Держит высоких богов, как держит тебя.

Ветры севера, о ветры, что смеются и бегут,
несите теперь в Афины сына Агамемнона;
Я сам с вами, через долгие лиги пены
Направляя освященный образ моей сестры домой.

(Она уплывает.)

Хор.

Некоторые женщины.

Идите в блаженстве, о вы, чей жребий
Бог защищает, чтобы вы не погибли!

Другие.

О великие в нашем тусклом глиняном мире,
И великий в небесном сиянии,
Паллас, твоему повелению мы повинемся:
И благословляем тебя, ибо слышали уши мои
Радость и чудо слова

За пределами моей мечты, за пределами моей мечты.

Спектакль окончен, солнце садится, и мы вместе с остальными афинянами должны отправиться в обратный путь. Глядя на храмы на Акрополе, залитые золотистым вечерним светом, мы не удивляемся тому, что одинокие изгнанные гречанки, услышавшие радость и удивление от слова, которое велело им вернуться в страну такой непревзойденной красоты, испытывают радость, превосходящую их мечты.

[1] Еврипид: *Ипполит*, перевод Гилберта Мюррея.

[2] Из перевода "*Ифигении в Тавриде*" Гилберта Мюррея.

ГЛАВА XV

ХРАМЫ АФИН

I. ГРЕЧЕСКИЕ ХРАМЫ

Греческий храм не был местом, где люди собирались для поклонения, и он никогда не был рассчитан на большое количество людей. Религиозные церемонии проводились на больших пространствах за пределами храмов, а жертвы приносились на алтарях, которые всегда находились под открытым небом. Храм был местом обитания бога и сокровищницей, где хранились дары, приносимые верующими.

Греческие храмы различались по размерам, но все они строились по одному общему плану. Все здание рассматривалось как дом бога, поэтому камера, в которой находилась статуя, была центральной точкой, а все остальные части здания строились так, чтобы они гармонировали с главной целью храма. Как в греческой пьесе была только одна история, и никакие другие эпизоды не должны были отвлекать внимание зрителей от разработки сюжета, так и греческий храм выражал одну мысль, и ничто в архитектуре не должно было ее нарушать.

Самой ранней формой храма было святилище - продолговатое здание с портиком, которое сначала имело только две колонны спереди, но позже они были расширены до ряда колонн

по всему фронту здания. Затем портик возводился с обоих концов храма, и, наконец, в некоторых храмах ряд колонн возводился по всему периметру здания, с двойным рядом в портике на каждом конце. Над портиком возвышался треугольный фронтон, который обычно заполнялся скульптурой.

Греки использовали в своих зданиях три вида колонн. Дорическая колонна была самой простой; у нее не было основания, и она слегка сужалась к основанию, которое состояло из толстой каменной плиты. Дорическая колонна чаще всего использовалась греками, и в своей простоте и совершенстве формы она символизировала лучший греческий дух. Ионическая колонна стояла на базе; она была более стройной, чем дорическая, а ее столица состояла из двух очень изящных спиралей. Ионическая колонна была более легкой, чем дорическая, и широко использовалась греками в Малой Азии. Позднее появился третий тип, названный коринфским. Капители этой колонны были богато украшены резьбой в виде листьев, но грекам она не нравилась так же, как более простые и изящные типы, и не получила широкого распространения до римских времен. Все колонны были рифлеными.

Греки никогда не использовали орнамент ради орнамента. Колонна использовалась как опора, и орнамент на ней считался совершенно неуместным, но украшение на капители служило определенной цели. Когда взгляд следовал за рифлением вверх, туда, где вертикальная линия пересекалась с горизонтальной, простой декор столицы служил для того, чтобы сделать переход от одной линии к другой менее резким. В греческой архитектуре ни одна часть здания, несущая какую-либо нагрузку, не украшалась, а там, где орнамент использовался, он всегда находился в гармонии с общими целями здания.

Таковы были основные характеристики греческих храмов. Самые большие афинские храмы находились на Акрополе, древней цитадели Афин, превращенной Периклом в место обитания Афины.

II. АКРОПОЛЬ ВО ВРЕМЕНА ПЕРИКЛА

Самым подходящим местом для храма или алтаря было какое-нибудь место, видное издали и не тронутое ногами человека, так как для поклоняющегося было радостью поднять глаза вдаль и вознести молитву.

Сократ. []¹

К Акрополю вела лестница, ведущая к Пропилеям или Входному крыльцу. Шесть огромных дорических колонн стояли у входа, а справа и слева от главного зала открывались другие портики, стены которых были украшены картинами с изображением подвигов древних героев. Крыша была из белого мрамора, и, стоя у этого входа, можно было увидеть вдали море. По преданию, именно на этом месте стоял Эгей, наблюдая за кораблем, который должен был вернуть Тесея, и именно с этой высокой скалы он в отчаянии бросился вниз, когда увидел, что корабль возвращается с черными парусами - знак, как он думал, что его сын мертв.

Справа от Пропилеев, в юго-западном углу Акрополя, находился небольшой храм Афины Нике, Афины Победы. В этом храме богиня сама изображала Победу, поэтому у нее не было крыльев, которые греки всегда придавали статуям Победы, и храм стал известен как храм Бескрылой Победы. Из этого храма открывается прекрасный вид, а место для него было выбрано потому, что с того места, где он стоит, виден Саламин, и он должен был навсегда остаться благодарностью Афине за победу, одержанную здесь над варварами-врагами.

Пройдя через Пропилеи, выходили на Акрополь, где величественно возвышалась бронзовая статуя Афины Промехос, Афины - царицы воинов, передовой в бою, которая отправилась на войну с афинскими войсками и привела их домой победителями. Фидий, великий афинский скульптор, создавший образ Зевса в храме в Олимпии, сделал эту статую, используя для нее бронзу, найденную среди персидских трофеев после битвы при Марафоне. Богиня стояла прямо, облаченная в доспехи, и держала в руке копье. Наконечник копья был позолочен, и говорили, что моряки, приближаясь к земле, могли видеть его сверкающим в лучах солнца, и, увидев его, понимали, что дом близко.

Чуть дальше, на северной стороне Акрополя, находился Эрехтей, названный так в честь мифического афинского царя Эрехтея. Это был очень красивый храм, а один из портиков всегда был известен как портик дев, потому что вместо колонн его поддерживали фигуры шести дев. Когда для этой цели используется женская фигура, в архитектуре ее называют кариатидой.

На этом месте с незапамятных времен всегда стоял храм Афины, и оно было освящено всевозможными ассоциациями. Рядом с храмом находилось священное оливковое дерево Афины, а в его стенах - древняя и самая священная деревянная статуя Афины, которая, по преданию, упала с небес. Именно в этом храме богине поклонялись более интимно, ведь это была Афина Полиас, Хранительница города и дома. Именно для этой древней деревянной статуи специально выбранные афинские девы соткали прекрасное одеяние под названием пеплос, которое во время праздника, проводимого раз в четыре года, несли в храм и преподносили богине.

THE PARTHENON.
5th Century B.C.

ПАРФЕНОН,
5 век до н.э.

Но больше всего на Акрополе было Парфенона, созданного архитектором Иктином и скульптором Фидием. Этот самый красивый греческий храм в мире стоял на южной стороне Акрополя. Это было дорическое здание, окруженное сорока шестью огромными колоннами, и для афинянина оно было самой душой Афин. В других местах Акрополя поклонялись богине Афине: Афина-воительница, Афина-хранительница города, а в одном месте, хотя и без храма, Афина-вдохновительница всех искусств и ремесел. Но здесь, в Парфеноне, Афина была больше, чем богиня, она символизировала саму Афины, все достижения Афин в войне и мире, а также дух, которым руководствовались афиняне.

Скульптура на восточном фронте представляла рождение Афины. Это была древняя гомеровская поэма, воплощенная в камне.

Сам Зевс-советник породил ее из своей священной головы, всю вооруженную для войны в блестящей золотой одежде, а другие боги в благоговейном трепете взирали на нее. Быстро соскочила богиня с бессмертной головы и предстала перед Зевсом, потрясая своим острым копьем, и задрожал в ужасе Олимп от силы сероглазой девы, а вокруг грозно гудела Земля, и море кипело темными волнами, и вдруг вздымало пену. Да, и славный сын Гипериона долго сдерживал своих быстрых коней, пока дева не сняла с бессмертных плеч свои божественные доспехи, даже Паллас Афина; и Зевс-советник возрадовался. [].²

Зевс радовался не только рождению Афины, но и тому, что она символизировала рождение Афин; поскольку она появилась из головы Зевса, облаченная во все символы власти, то, несомненно, воля богов состояла в том, чтобы Афины были великими и могущественными.

Скульптура на западном фронте изображает поединок Афины с Посейдоном за обладание Афинами. Посейдон олицетворял материальное процветание. Его даром Афинам было море, по которому плавали корабли, колонизируя и торгуя, принося богатство государству. Но Афины не быть под властью Посейдона; она должна была считать вещи ума и духа более ценными, чем материальное процветание, и победа была отдана Афине.

Фронтоны символизировали волю богов в отношении Афин. По всему периметру здания под карнизом располагались небольшие группы скульптур, называемые метопами, которые представляли в камне то, как Афины исполнили волю богов в отношении нее. Сначала были битвы между богами и гигантами, конфликт между порядком и беспорядком, и в каждом случае порядок побеждал; затем следовали битвы между древними героями легенд и преданий и всевозможными злыми силами природы, и в этих битвах Тесей, царь-герой, сражался за Афины и побеждал.

Парфенон был построен после того, как персы были изгнаны из Греции. Греки называли варварами всех, кто не принадлежал к греческой крови, и верили, что такова воля богов, что в каждом конфликте между греком и варваром в конце концов победит грек. Греки V века до н. э. воспринимали всю историю как разыгрывание великой драмы победы греческого духа над варварским, и свидетельства этой драмы можно увидеть в политической истории в развитии Афинской империи, в литературе - в истории Геродота, а в искусстве - в строительстве Парфенона.

Но Парфенон символизировал не только историю Афин, он также был символом ее религиозной жизни. На внешней стене, под колоннадой, находился большой фриз, символизирующий Панафинейскую процессию, великое шествие, которое каждые четыре года поднималось на Акрополь. Это был праздник Афины, и в восточном конце здания находилась группа богов и богинь, ожидающих ее прихода. Они ждали ее в ее собственном городе, где она должна была занять главное место. В торжественной процессии были представлены все сословия афинян: знатные девы, несущие корзины с приношениями для жертвоприношения; юноши с приношениями и юноши верхом; колесницы; могильные старейшины и жрецы; скот для жертвоприношения. Пришельцы тоже присутствовали, ведь символизировали они не только Афины, но и Афинскую империю, символ того, что, как надеялись Афины, станет объединенной Грецией. Очень трудно провести грань между афинским патриотизмом и религией. Для афинянина город был Афиной, Афина - городом, а Парфенон - венцом обоих.

В Парфенон вошли через восточное крыльцо. Свет внутри был тусклым, но по мере того, как глаз привыкал к тусклости, статуя Афины постепенно становилась отчетливо видна. Она стояла огромной фигурой высотой почти сорок футов. На ней было одеяние без рукавов, доходившее до ног, на руках - браслеты в виде змей, грудь прикрывала эгида с головой Медузы. В правой руке богиня держала изображение Победы, а левая рука покоилась на щите, внутри которого свернулась змея. Статуя была сделана из золота и слоновой кости, и для афинян она стала символом всего лучшего, что было в афинских идеалах. Страстное стремление к свободе, непреклонный поиск истины, великая любовь к красоте - все это олицетворялось для них в спокойной и царственной фигуре той, чьи битвы были выиграны, Афины Парфенос. Принеся свои жертвы на улице, они с благоговением входили в ее храм,

считая, что "тот, кто входит в наполненный благовониями храм, должен быть свят, а святость заключается в чистоте помыслов". [].³

III. ПОСЛЕДУЮЩАЯ ИСТОРИЯ АКРОПОЛЯ

Таким был Акрополь в V веке до н. э. Но теперь статуи и алтари исчезли, колонны сломаны, а храмы лежат в руинах. Неужели только течение времени привело к такому разрушению этих великолепных зданий? Когда Плутарх увидел их, они стояли уже около пятисот лет, и, по его словам, на них еще сохранялся оттенок новизны, который, казалось, хранил их от прикосновения времени, как будто рука, создавшая эти здания, наделила их духом вечной молодости.

В начале пятого века нашей эры Аларих Гот вторгся в Грецию, но оставил Афины нетронутыми. Огромная статуя Афины Промехос все еще стояла, и впоследствии рассказывали, что когда вождь варваров приблизился к Акрополю, перед ним предстала богиня Афина, облаченная в почтовую форму, с копьем наперевес, защищающая свой город. Он был настолько потрясен видением, что удалился и больше не тревожил Афины, а послал гонцов к римским правителям города и заключил с ними мир.

Вскоре после этого был издан указ, предписывающий закрыть все языческие храмы в Римской империи, частью которой тогда была Греция, или превратить их в христианские церкви, и с тех пор о статуе Афины Парфенос ничего не было слышно, хотя позже была найдена ее небольшая копия. Сам Парфенон был превращен в христианскую церковь, посвященную Деве Марии, и оставался таковым до тех пор, пока Афины не захватили турки в 1458 году. Они превратили христианскую церковь в турецкую мечеть и построили на одном из углов минарет. Больше никаких изменений не происходило до конца XVII века, когда во время войны турок с Венецией венецианцы обстреливали Акрополь. Венецианцам сообщили, что в Акрополе хранится порох, и в течение нескольких дней они вели по нему огонь. Сначала не было никаких результатов, даже пушки, как говорили, отказывались выполнять такую смертоносную работу по столь прославленному зданию. Но в конце концов в него был брошен снаряд, порох взорвался, крыша обрушилась и часть стен рухнула.

От Парфенона остались одни руины, и более ста лет скульптуры Фидия лежали заброшенными на земле, разбитыми и изуродованными. Но в начале XIX века внимание лорда Элгина, который был послом Великобритании в Константинополе, было обращено на опасность, которая угрожала им из-за невежества и безразличия турок и недобросовестности путешественников и посетителей, которые часто портили и уносили части скульптур, и он принял меры, благодаря которым британскому правительству было разрешено купить скульптуры Парфенона и перевезти их в Британский музей.

И все же, несмотря на разрушения, гибель и утраты, то, что осталось от древних храмов и статуй, настолько прекрасно, что те, кто смотрит на него, верят вместе с греческим поэтом, что оно будет "жить, как песня для всех, кто любит музыку, живая и еще будущая, до тех пор, пока будет существовать земля и солнце".

[1] Ксенофонт: *Memorabilia*.

[2] Гомеровский гимн Афине.

[3] Автор неизвестен: Из *избранных эпиграмм из греческой антологии*, перевод Дж.

ГЛАВА XVI

ПАДЕНИЕ АФИН

I. СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ АФИНАМИ И СПАРТОЙ И НАЧАЛО ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

Афины в середине пятого века до нашей эры были, как говорил Перикл, "школой Эллады". В течение полувека после изгнания варваров из Греции Афины на крыльях молодости, надежды и стремления шли вперед к осуществлению своего великого идеала - совершенного гражданина в совершенном государстве. Все, что было ценного в человеческой жизни, лежало в этом направлении: Свобода, Порядок и Прогресс, Истина и Красота, Знание, Добродетель и Религия; и в греческом мире именно Афины были лидером во всем этом. [].¹

И Афины это понимали. Идеалы, изложенные Периклом в погребальной речи, ставили ее в положение избранного народа посреди варварского мира, и ее миссия заключалась в том, чтобы спасти цивилизацию для всего мира. Афины были демократией, и ее свобода, ее мысль и ее искусство принадлежали не небольшой привилегированной группе, а всему обществу граждан. Однако в афинском идеале демократии был изъян: он был построен на рабстве. В результате в некоторых вещах афинянам удалось достичь точки совершенства, от которой они не могли продвинуться дальше. Их величайшие скульптуры и архитектура были безупречны в своей простоте и красоте. Их копировали, им подражали, но никогда не превзошли. Греческая сцена накладывала определенные ограничения на драму, но в рамках этих ограничений драмы великих афинских драматургов были почти совершенны. Другие малые народы в истории мира боролись за свою свободу так же страстно, с таким же самообладанием, несгибаемой волей и самопожертвованием и добились ее, но именно Афины первыми показали миру, что право сильнее силы и в конечном итоге победит. В поисках истины афинские философы зашли так далеко, как только можно было зайти, но сам факт того, что они приняли институт рабства как нормальное условие жизни, сделал невозможным дальнейший прогресс политической мысли. Мировая история показывает, что прогресс политической мысли всегда происходил в результате борьбы непривилегированного класса за свои справедливые права, а в Афинах этого быть не могло, потому что непривилегированные были рабами, а рабы были рабами и рабами должны были оставаться всегда.

Афины пали, но их падение произошло не только и даже не столько потому, что их демократия была основана на рабстве. В дни своего величия Афины были освободительницей всех поработанных греков. Спарту никогда не интересовала судьба греков, все еще находившихся под персидским игом, и именно Афины создали Делийскую лигу и освободили ионийцев от иноземных правителей. Но из освободительницы Афины постепенно стали их госпожой, и мало-помалу она использовала свое положение в Лиге как средство для усиления собственной власти. То, что вначале было организовано государственным деятелем, которого его сограждане называли Справедливым, то, что символизировало афинский идеал свободы, стало инструментом, с помощью которого Афины превратились не только в империю, но и в тирана. И Перикл позволил этому случиться.

У Перикла было много противников в Афинах. Одни не одобряли его имперскую политику, другие обвиняли в расточительности, когда он тратил столько общественных денег на храмы. Самым серьезным обвинением против него было то, что, благоустраивая Афины, он тратил не только деньги из афинской казны, но и использовал те, что принадлежали Делийской лиге. Последнее обвинение оказалось правдой, и народ призвал к остракизму. Но в результате большинство афинян поддержали Перикла и изгнали его противника.

Перикл знал, что делает, когда использовал деньги из казны Делийской лиги. Афинам была доверена защита союзных островов и городов от персидской агрессии, и именно деньги, внесенные союзниками на расходы по этой защите, хранились в казне Лиги. Перикл утверждал, что благоустройство Афин было символом их могущества и силы, что великие здания использовали труд и способствовали торговле, что способствовало процветанию Афин, и что эти внешние признаки богатства и могущества Афин способствовали их способности защищать своих союзников. Он завоевал для Афин передовое положение в Греции и был полон решимости сохранить его. Для этого он утверждал, что Афины вправе использовать деньги Лиги, потому что то, как они тратились, добавляло не только славы, но и безопасности всем.

Перикл также был большим ценителем всего прекрасного и искренне желал, чтобы афинская молодежь росла в городе, который будет радовать ее всегда, который сделает их хорошими и полезными гражданами и внушит им неизменную любовь к нему и гордость за него. Но в характере человека, который считает, что цель, даже если она велика и славна, оправдывает любые средства, есть изъян.

Аттика была очень маленькой, а в дни ее процветания население Афин увеличилось настолько, что государство уже не могло производить достаточно продовольствия, чтобы прокормить народ. Дальновидная политика Фемистокла сделала Афины сильнее на море, чем на суше, и ко времени Перикла спасение Афин заключалось в их военном флоте. Она наращивала свою морскую мощь во всех направлениях и утверждалась в качестве хозяйки во всем Эгейском море и на берегах Эвксинского моря. Такая политика была продиктована не только жадностью власти, но и абсолютной необходимостью: если Афины хотят жить, они должны контролировать все торговые пути, по которым кукуруза попадает в Грецию. Без кукурузы с берегов Эвксинского моря Афины погибли бы от голода.

Спарта была великой сухопутной державой, и поначалу растущая морская мощь Афин не очень сильно ее затрагивала, но она затронула Коринф, следующую после Афин морскую державу Греции. Пока Афины ограничивали свои интересы Эгейским морем и Востоком, Коринф не был встревожен, но когда афиняне обратились к Западу и показали свое намерение установить там свою власть, коринфяне серьезно встревожились, поскольку это

угрожало их интересам на Сицилии и в Южной Италии. Коринф всегда враждовал с Афинами, и теперь он обратился к Спарте с просьбой помочь сокрушить Афины. Коринфские посланники отправились в Спарту, и один из них в мощной речи изложил претензии греческого мира к Афинам, представляя их мощь и умоляя спартанцев отказаться от политики бездействия и объединиться с ними в сокрушении государства-тирана.

"Раз за разом мы предупреждали вас о бедах, которые афиняне могут причинить нам, но вместо того, чтобы принять наши слова близко к сердцу, вы предпочли заподозрить, что мы говорим только из заинтересованных побуждений. Если бы преступления, которые афиняне совершают против Эллады, совершались в углу, то вы могли бы быть в неведении, и мы должны были бы сообщить вам о них, но теперь, к чему много слов? Некоторые из нас, как вы видите, уже поработаны; в данный момент они затевают интриги против других, в частности против наших союзников; и давно уже сделали все свои приготовления в ожидании войны..... И вы никогда не задумывались, что за люди эти афиняне, с которыми вам придется сражаться, и как они совершенно не похожи на вас самих. Они революционеры, одинаково быстро задумывают и осуществляют каждый новый план; вы же консервативны, стараетесь сохранить только то, что имеете, ничего не задумываете и не действуете даже тогда, когда действовать крайне необходимо. Они смелы сверх своих сил; они идут на риск, который благоразумие осудило бы; и в разгар несчастья они полны надежд. В то время как ваша природа, хотя и сильная, - действовать слабо; когда ваши планы наиболее благоразумны, - не доверять им; а когда на вас обрушиваются беды, - думать, что вы никогда от них не избавитесь. Они стремительны, а вы медлите; они всегда за границей, а вы всегда дома. Ибо они надеются получить что-то, покинув свой дом, а вы боитесь, что любое новое предприятие может погубить то, что вы уже имеете. Когда они завоеватели, они добиваются своей победы до конца; когда они побеждены, они отступают меньше всего. Свои тела они посвящают своей стране, как если бы они принадлежали другим людям; их истинное "я" - это их разум, который наиболее полно принадлежит им, когда они служат ей. Когда они не осуществляют задуманное, им кажется, что они понесли личную утрату; когда предприятие удастся, они получают лишь часть того, что должно произойти; но если они терпят неудачу, они сразу же зарождают новые надежды и таким образом заполняют пустоту. Только для них надеяться - значит иметь, ведь они не теряют ни минуты на осуществление задуманного. Это дело всей жизни, полное опасностей и труда, которое они постоянно возлагают на себя. Никто не наслаждается своими благами меньше, потому что они всегда стремятся к большему. Выполнение своего долга - их единственный отдых, а спокойствие бездействия они считают столь же неприятным, как и самое утомительное занятие. Если кто-то скажет о них в двух словах, что они рождены не для того, чтобы иметь мир самим и не для того, чтобы давать мир другим людям, он просто скажет правду.

"Перед лицом такого врага, лакедемоняне, вы упорно бездействуете. Но пусть ваше промедление закончится. Не позволяйте друзьям и родственникам попасть в руки злейших врагов и не заставляйте нас в отчаянии искать союза с другими людьми; поступая таким образом, мы не совершим ничего дурного ни перед богами, которые являются свидетелями наших клятв, ни перед людьми, чьи глаза смотрят на нас. Ибо истинные нарушители договоров - не те, кто, будучи оставлен, обращается к другим, а те, кто оставляет союзников, которых поклялся защищать. Мы останемся вашими друзьями, если вы решите действовать по своему усмотрению; ведь мы были бы виновны в нечестии, если бы покинули вас без причины; и нам нелегко будет найти столь же близких нам союзников. Итак, будьте внимательны: вы унаследовали от своих отцов руководство Пелопоннесом; проследите, чтобы его величие не уменьшилось от ваших рук".

Так говорили коринфяне. В Лакедемонe остановилось афинское посольство, прибывшее по другим делам, и когда посланцы услышали, что сказали коринфяне, они сочли необходимым явиться в лакедемонское собрание, но не для того, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против них городами, а чтобы поставить перед лакедемонянами весь вопрос и дать им понять, что они должны не спешить и обдумать его. Они также хотели рассказать о величии своего города, напомнив старшим о том, что они знают, и сообщив младшим о том, что находится за пределами их опыта. Они думали, что их слова склонят лакедемонян в сторону мира. Поэтому они пришли и сказали, что, если им будет позволено, они тоже хотели бы обратиться к народу. []²

Афинян пригласили выступить, и они напомнили спартанцам о том, что Афины сделали больше, чем любое другое государство, чтобы спасти Грецию от персидского захватчика, и что сама Спарта обязана своей свободой непоколебимому мужеству Афин.

Мы утверждаем, - говорили они, - что оказали вам услугу не менее великую, чем вы нам. Города, из которых вы пришли к нам на помощь, были еще населены, и вы могли надеяться вернуться в них; ваша забота была о себе, а не о нас; во всяком случае, вы оставались на расстоянии, пока нам было что терять. Но мы вышли из города, которого уже не было, и сражались за тот, на который была слабая надежда; и все же мы спаслись сами и внесли свою лепту в спасение вас. Если бы, желая сохранить свою землю, мы, подобно другим государствам, сначала перешли на сторону персов, а потом не решились бы вступить в бой, потому что наше разорение было уже полным, то вам с вашим слабым флотом бесполезно было бы сражаться на море, а все прошло бы спокойно, как того желали персы". [].³

Затем афиняне попытались оправдать свою имперскую политику и указать на то, что если бы ситуация изменилась на противоположную и империю получили лакедемоняне, то они, как и Афины, сочли бы необходимым править сильной рукой, и что их ненавидели бы еще сильнее, чем Афины. В заключение они страстно призывали к миру:

Не торопитесь решать серьезный вопрос и, слушая искажения и жалобы других, не навлекайте на себя беду. Поймите, пока еще есть время, непостижимую природу войны, и как затягивание ее обычно заканчивается тем, что она становится делом случая, над которым никто из нас не может иметь никакого контроля, событие одинаково неизвестно и одинаково опасно для обоих. Беда в том, что, торопясь на войну, люди начинают с ударов, а когда на них обрушивается обратный удар, прибегают к словам. Но ни вы, ни мы еще не совершили этой ошибки; и потому, пока мы оба еще можем выбрать благоразумие, мы говорим вам не нарушать мира и не нарушать клятвы. Пусть наши разногласия будут решены арбитражем в соответствии с договором. Если же вы откажетесь, мы призываем в свидетели богов, которым вы поклялись, что вы являетесь авторами войны; и мы сделаем все возможное, чтобы нанести ответный удар". [].⁴

Спартанцы не вняли мольбам о мире, и в 431 году до н. э. началась долгая тоскливая война, известная в истории как Пелопоннесская, которая затянулась почти на тридцать лет. По

сравнению с современными войнами реальные боевые действия были не очень масштабными, и нам кажется, что мы читаем о сражениях между государствами, которые, в конце концов, были совсем небольшими. Но хотя государства были небольшими, государственные деятели, определявшие их политику, и люди, сражавшиеся за них, были людьми с такими же человеческими страстями, как у нас; и, хотя метод ведения войны изменился, влияние войны на умы и жизни мужчин и женщин, живших в то время, изменилось очень незначительно. Будущее скрыто от глаз каждого поколения людей, но прошлое лежит перед ними открыто; и тем, кто читает прошлое с пониманием, приходит просветление, когда их окружают подобные трудности, потому что прошлое показывает не только начало и середину, но и конец истории.

Когда разразилась Пелопоннесская война, прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как персы были изгнаны из Греции, и герои Марафона, Фермопил и Саламины уже ушли в историю. Та война была между греками и варварами, эта - между греками и греками, и она быстро охватила почти весь греческий мир. Истинной причиной было соперничество между Афинами и Спартой, и велась она для того, чтобы определить, кто из них должен быть верховным в Греции. Афины были великой морской державой, Спарта - великой сухопутной; в Афинах царила свободолюбивая демократия, а в Спарте - олигархия; Афины зависели от привозимого издалека зерна, а Спарта была практически самодостаточна. Когда началась война, каждая из сторон была уверена в победе. Чем же она должна была закончиться?

II. АФИНЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

В течение первой части войны Афины имели превосходство на море и укрепляли свои позиции на всех торговых путях. Но она не решилась встретиться со Спартой в открытом сражении на суше, так как военная мощь последней была не легендой, а грозным фактом.

Однако в первые годы у Афин не все шло гладко. Каждый год спартанцы вторгались в Аттику, сжигали и грабили земли вокруг Афин. Это приводило к тому, что все деревенские жители устремлялись в город, где условия становились очень перенаселенными и невыносимыми. И тогда на Афины обрушилось бедствие, от которого они так и не смогли оправиться. Два долгих лета и две долгих зимы Ангел Смерти стоял над городом, осеняя его своими крыльями, и поражал жителей, так что умирал каждый четвертый. Это была Чума. Всю страшную историю можно прочесть на страницах Фукидида: как она началась в Пейреях, а затем распространилась на Афины; о страданиях заболевших, о скорости распространения и невозможности ухаживать за больными и хоронить мертвых; о беззаконии в дезорганизованном, охваченном ужасом городе; о всех страданиях, вызванных тем, что жители города умирали в таком количестве и знали, что за его стенами страна опустошается.

Когда ужас прошел и Афины вновь подняли голову, это были уже не те Афины, что прежде. Ее дух был не только сломлен, но и изменен. Война и чума вместе легли тяжелым грузом на афинян, и они обвиняли Перикла в том, что он убедил их вступить в войну, заявляя, что именно он является автором всех их бед. И снова обратился к ним с великой речью, напомнив, что Афины еще никогда не поддавались несчастью и что величайшие государства и величайшие люди - это те, кто, когда приходят несчастья, меньше всего падают духом и решительнее всего действуют. Но Перикл не дожил до того, чтобы провести Афины через бурные воды, которые ждали ее впереди. Его постигли те же несчастья, что и его сограждан. Его сестра, сыновья и близкие друзья умерли от чумы, а сам он был болен. Когда он лежал

при смерти, рядом с ним сидели еще живые друзья и вместе рассказывали о его величии, силе и количестве побед. Они не думали, что он в сознании, но он слышал все, что они говорили, и когда они закончили, спросил их, почему они не говорят и не упоминают о том, что было самым прекрасным и великим из всех. "Потому что, - сказал он, - ни один афинянин, благодаря мне, никогда не носил траура". []5

Перикл был хорошим полководцем; он укрепил могущество Афин как внутри страны, так и за ее пределами; он сделал ее оборону более надежной, достроив Длинные стены, начатые Фемистоклом. Как государственный деятель Перикл был империалистом и считал, что Афинская империя, которая естественным образом выросла из положения Афин как освободительницы ионийских греков, воплощает в себе правильные отношения между Афинами и их союзниками. Как и Фемистокл, он питал глубокое недоверие к Спарте и, полагая, что рано или поздно война с ней неизбежна, делал все, что было в его силах, чтобы Афины были готовы, когда этот день наступит.

Несмотря на знатное происхождение, Перикл всегда был на стороне народа в Афинах, и во время его правления власть народа была очень сильно расширена. Каждый пост в государстве ежегодно заполнялся путем всенародных выборов, так что среди власть имущих постоянно происходили перемены, и Афины никогда не могли быть уверены в том, что в их делах дома или за границей есть какая-то определенная политика. Высшая и окончательная власть принадлежала Собранию, но, как и все народные собрания, оно могло быть поколеблено, и в некоторые критические моменты истории Афин оно было поколеблено внезапными вспышками страсти или пламенным красноречием неразумного или амбициозного и самолюбивого оратора. Но пока Перикл был жив, опасность созданной им демократии не была слишком очевидной, так как ему доверяли абсолютно все, и он мудро, твердо и сдержанно контролировал страсти народа.

Перикл умер в 429 году до н. э., и в последующие годы после его смерти стали ощущаться результаты долгой войны. Продовольствия стало не хватать, цены были высокими; трудно было найти слуг, так как при общей дезорганизации жизни, наступившей после чумы, рабы в большом количестве сбежали; афинских юношей больше нельзя было увидеть на Агоре и в других общественных местах, так как все мужчины, способные носить оружие, находились в армии.

Спустя четыре года после смерти Перикла Спарта сделала предложение о мире, но в Афинах царили сильные чувства, и считалось, что такой мир не будет прочным, поэтому предложение было отвергнуто, и было решено продолжать войну до победного конца.

Ничто так хорошо не описывает обстановку в Афинах в эти военные годы, как комедии Аристофана. Они переносят нас в те волнующие дни, и удивительно видеть, насколько свобода слова была разрешена. *Комедии "Рыцари", "Облака" и "Осы"* были написаны в эти годы, они полны волнений того времени и часто содержат откровенную критику тех, кто отвечал за ведение войны. Но война привела к снижению идеалов, и даже там, где была победа, были и горе, и потери, и разрушение домов. Еврипид, один из великих драматургов того времени, в *"Троянских женщинах"*, пьесе, написанной во время войны, лишил войну всего ее очарования и показал страдания, которые приходят к побежденным:

И те, кого Арес забрал,
Не видели своих детей: ни одна жена не пришла
С нежными руками, чтобы окутать их конечности.
Для погребения в чужой и злой земле.
Положили мертвых. И там, дома, в том же долгом заточении

Женщины, что одиноко умерли, и старики.
Ждущие сыновей, которым уже не суждено вернуться,
И не знают могил, и не возносят жертв,
чтобы утихомирить нарастающую пыль. Вот что
Греки-завоеватели!

* * * * *

Будьте мудры, города, бегите от войны!
Но если война придет, в смерти есть венец.
Для той, кто хорошо сражался и погиб.
Не запятнав себя: смерть во зле - это пятно! []6

Перикл был мертв, а сменивший его на посту вождя народа Клеон не мог вдохновить афинян на верность высшим идеалам, и по мере того как условия становились все более тяжелыми, Афины были вынуждены в конце концов вступить в борьбу за свою жизнь. Гнев, подозрительность и ненависть заняли место прежних идеалов, и казалось, что ее сила превратилась в слабость и отчаяние. И тогда Афины сами предрешили свою гибель: чтобы избавить своих граждан от непосильных налогов для продолжения войны, она, не спрашивая их согласия, удвоила сумму дани, которую ежегодно платили ей союзники, и тем самым нарушила хартию, заключенную когда-то между ними по доброй воле.

Но конец еще не наступил. Некоторое время успех сопутствовал афинянам, и они заставили спартанский гарнизон сдать им в Сфактерии на западном побережье Пелопоннеса, что очень воодушевило их. Но годы тянулись, война продолжалась, и казалось, что конца ей не видно. Тогда спартанский полководец Брасидас двинулся на север от Пелопоннеса через Беотию и Фессалию, пока не достиг Амфиполя, афинской колонии на границе Фракии и Македонии, которую он осадил. Клеон отправился в Амфиполь, чтобы помочь афинянам, и ожидал помощи от афинского полководца, который шел на помощь городу. Но он не прибыл вовремя, и Амфиполь был взят спартанцами. Клеон и Брасидас были убиты, а Афины изгнали не прибывшего вовремя полководца. Период своего изгнания он посвятил сбору материалов для истории войны, и хотя как полководец он, возможно, и не преуспел, он стал одним из величайших историков не только Греции, но и всего мира. Его звали Фукидид. []7

Сдача Амфиполя привела к затишью в войне, и благодаря усилиям афинского полководца Никия в 421 году до н. э. был заключен мир, который продлился пятьдесят лет.

III. АЛКИБИАДЫ

Однако мир Никия продлился недолго. Афины и Спарта были слишком ревнивы друг к другу, чтобы по-настоящему примириться, и ни те, ни другие не придерживались условий мира. В

Афинах существовала партия, выступавшая за мир, но она не была столь могущественной и популярной, как партия войны, а ее лидер, Никий, не обладал теми качествами лидера, которые были характерны для лидера другой стороны. Этим лидером был Алкивиад, молодой человек, недавно пришедший к власти и пользовавшийся большой популярностью. Он был знатного происхождения, богат, очень красив и обладал большим личным обаянием. Когда он говорил, то притормаживал, но говорили, что это "хорошо ему шло и придавало изящество и убедительность его быстрой речи". Когда он начал учиться, то довольно хорошо слушался всех своих наставников, но отказался учиться играть на флейте, потому что, по его словам, она уродует лицо, а также потому, что во время игры на ней нельзя было ни говорить, ни петь. Алкивиад был лидером моды среди афинской молодежи, и как только стало известно, что он презирает флейту, игра на ней вышла из моды, и ею стали пренебрегать.

Алкивиада искали многие люди, которым нравилось находиться в его обществе, в основном из-за его большой личной красоты, но очевидно, что в это время он должен был проявлять много благородных качеств и добрый нрав, так как Сократ, великий философ, проявлял к нему большую привязанность. Сократ видел, что из-за богатства и положения ему льстят и так много делают о нем всякие люди, и боялся, что он будет развращен этим, и решил, если возможно, сохранить его хорошие качества. Со своей стороны, Алкивиад признавал великие достоинства Сократа и охотно слушал его наставления.

Сократ и Алкивиад принимали участие в одной из первых кампаний Пелопоннесской войны. Они жили в одной палатке и стояли рядом в бою, а в одной острой схватке оба вели себя с особой храбростью. В этом бою Алкивиад был ранен, но Сократ бросился к нему, защитил его и, вне всякого сомнения, спас ему жизнь.

У Алкивиада были большие преимущества для вступления в общественную жизнь: знатное происхождение, богатство, личная храбрость, которую он проявил во многих сражениях, множество друзей и иждивенцев открыли перед ним двери. Его популярность также возросла благодаря успеху на Олимпийских играх. Он потратил огромные деньги на лошадей и колесницы, и никогда еще никто не посылал на Игры столько колесниц, сколько семь. И они были так хорошо оснащены, что в одной гонке он взял первый, второй и четвертый призы, что намного превосходило все известные и мыслимые в этом роде отличия. [].8

Но Алкивиад не последовал мудрому учению Сократа и стал вести роскошный, разгульный и незаконный образ жизни; он носил длинные пурпурные одежды, как женщина, которые волочились за ним, когда он проходил по рынку; на своей галере он приготовил для себя мягкую и роскошную постель. Все это вызывало к нему неприязнь большого числа афинян и постепенно наживало ему врагов; однако его личное обаяние, красноречие, мужество и красота были столь велики, что афиняне оправдывали его излишества, во многом потакали ему и давали мягкие названия его недостаткам, приписывая их молодости и доброму нраву. []9

Таким был человек, неуравновешенный, честолюбивый и беспринципный, которому доверили руководство делами в Афинах в этот самый критический час их судьбы.

До этого времени отношения Афин с греками за морем ограничивались в основном жителями Ионии, но на западе, особенно в Сицилии и на юге Италии, были богатые земли, на которых жили греки. Еще при жизни Перикла афиняне с тоской смотрели на Сицилию, но ничего не предпринимали до его смерти. Возможность вмешаться в сицилийские дела представилась им в 415 году до н. э., когда по Никийскому миру наступил период перемирия в войне со Спартой. Греки одного из городов Сицилии обратились к Афинам за помощью против притеснявших их Сиракуз, и Алкивиад воспользовался этим как первым шагом к

завоеванию Сицилии афинянами. Это было лишь началом его амбициозного плана, ведь он мечтал не только овладеть Сицилией, но и завоевать Карфаген и установить афинское господство над всем средиземноморским миром.

Алкивиад воодушевил афинян на экспедицию в Сицилию, а юноши, в особенности, разделяли его надежды и стремления и слушали его, когда он рассказывал о чудесах стран, в которые они отправлялись, так что их можно было видеть в большом количестве сидящими на площадках для борьбы и в общественных местах, рисуящими на земле карты Сицилии и положения Карфагена. Консервативный, опытный и верный Никий видел, что Алкивиадом движет не благосостояние Афин, а его личные амбиции и любовь к славе, и сделал все возможное, чтобы отговорить народ от столь опрометчивой и амбициозной политики. Он говорил им, что даже если они завоюют Сицилию, то не смогут надеяться удержать ее, и что курс, за который они выступают, только усилит ненависть, которую уже испытывает к ним Спарта, и может закончиться только катастрофой.

Но афиняне были глухи к мольбам Никия, и было решено, что экспедиция должна состояться.

Начались приготовления. Дома были составлены списки для службы, а союзникам отданы приказы. Город только что оправился от чумы и постоянного давления войны; выросло новое население; за время мира успели скопить деньги, так что в городе было в избытке все необходимое.

Пока они занимались приготовлениями, гермы, или квадратные каменные фигуры, вырезанные по древней афинской моде и стоявшие повсюду у дверей как храмов, так и частных домов, за одну ночь изуродовали лица почти у всех по всему городу. Виновные не были известны, но за их обнаружение публично предлагалось большое вознаграждение, и был принят указ, согласно которому любой человек, будь то гражданин, чужестранец или раб, мог без страха наказания рассказать об этом или любом другом осквернении, о котором ему стало известно. Афиняне приняли это дело близко к сердцу; оно показалось им зловещим для судьбы экспедиции, и они приписали его заговорщикам, которые хотели совершить революцию и свергнуть демократию.

Некоторые метисы и слуги дали сведения не о Герме, а о том, что незадолго до этого несколько молодых людей в пьяном угаре изуродовали другие статуи; в этой нечестивости они обвинили, в частности, Алкивиада. Партия, завидовавшая его влиянию на народ, подхватила и преувеличила обвинения против него, громко настаивая на том, что он стоит у истоков всего этого дела. В качестве доказательств они приводили все те эксцессы его обычной жизни, которые были неподобающими для гражданина свободного государства.

Тогда он попытался снять с себя все обвинения, а также предложил предстать перед судом перед отплытием (ведь все уже было готово), чтобы в случае его вины понести наказание, а в случае оправдания - сохранить за собой командование. Но его враги опасались, что если суд состоится сразу, то он получит поддержку армии, а народ будет снисходителен. Поэтому они постарались отсрочить суд. Для этого они предложили, чтобы он отплыл сейчас и не задерживал экспедицию, а вернулся и предстал перед судом в течение определенного количества дней. По их замыслу, его должны были отозвать и судить, когда они возбудят против него более сильные чувства, что они могли бы лучше сделать в его отсутствие. Поэтому было решено, что Алкивиад должен отплыть.

Примерно в середине лета экспедиция отправилась в Сицилию. Рано утром в день, назначенный для отплытия, афиняне и те из их союзников, кто уже присоединился к ним, спустились к Пейрею и начали укомплектовывать корабли. Все население Афин

сопровождало их, как горожане, так и чужеземцы. Граждане пришли проститься: один - со знакомым, другой - с родственником, третий - с сыном; толпа, когда они проходили мимо, была полна надежд и полна слез: надежды на завоевание Сицилии, слез, потому что они сомневались, увидят ли они когда-нибудь снова своих друзей, когда думали о долгом плавании, в которое они их отправляли. В момент расставания опасность была все ближе, и ужасы, которые никогда не приходили им в голову, когда они голосовали за экспедицию, теперь вошли в их души. Однако при виде вооружения во всей его мощи и обильной провизии, которую они приготовили, их дух воспрянул. Чужестранцы и остальная толпа пришли из любопытства, желая стать свидетелями предприятия, величие которого превосходило все ожидания.

Ни одна эллинская держава никогда не отправляла столь великолепного и дорогостоящего вооружения. Никогда не отправлялась в чужие края более значительная экспедиция; никогда не было предприятия, в котором надежда на будущий успех была бы лучше оправдана реальной силой.

Когда корабли были укомплектованы и все необходимое для плавания было размещено на борту, звуком трубы была объявлена тишина, и все в один голос перед отплытием вознесли обычные молитвы; они читались не на каждом корабле, а одним глашатаем, и весь флот сопровождал его. На каждой палубе офицеры и люди, смешивая вино в чашах, совершали возлияния из золотых и серебряных сосудов. Множество горожан и других доброжелателей, наблюдавших за происходящим с суши, присоединились к молитве. Экипажи вознесли молитву, и когда возлияния были завершены, вышли в море. [].¹⁰

В положенное время они достигли Сицилии, где командующие генералы провели совещание о том, как лучше начать атаку.

Тем временем враги Алкивиада в Афинах подхватили выдвинутые против него обвинения в нечестии и не успокоились, пока в Сицилию не был отправлен приказ о его возвращении, чтобы он мог предстать перед судом.

Со всех сторон на Алкивиада сыпались подозрения, и афинский народ был полон решимости предать его суду и казнить, поэтому послал повестку ему и другим, на кого были получены сведения. Ему было приказано следовать за офицерами домой и защищаться, но последним было велено не арестовывать его, так как афиняне, учитывая свои интересы в Сицилии, стремились не вызвать волнений в собственном лагере и не привлечь внимание врага. []¹¹

Итак, Алкивиад и те, кто был обвинен вместе с ним, покинули Сицилию. Они плыли на собственном корабле, но их сопровождала посланная за ними афинская галера. Не доходя до Греции, оба корабля зашли в один из портов Италии, и здесь Алкивиад и его спутники покинули свой корабль и исчезли, "боясь вернуться и предстать перед судом, когда против них было такое жестокое предубеждение". Их искали, но команда галеры не смогла их найти, и тогда они отказались от поисков и вернулись домой". [].¹²

Прежде чем строить планы дальнейшего побега, Алкивиад на некоторое время скрылся в Италии. Тем, кто был с ним, казалось странным, что он недостаточно верит в афинское правосудие, чтобы вернуться домой и предстать перед судом, но когда его спросили, не доверяет ли он своей родной стране, Алкивиад ответил "Во всем остальном - да; но в деле, касающемся моей жизни, я не доверюсь даже собственной матери, чтобы она по ошибке не бросила черный шар вместо белого". [13] Поскольку Алкивиад не явился в Афины, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения, собрание осудило его и его товарищей за нечестие, конфисковало их имущество, приговорило к смерти и произнесло торжественное проклятие на их имена. Когда эта новость дошла до него, он только и сказал: "Я сделаю так, чтобы они почувствовали, что я жив".

Алкивиад сдержал свое слово. Он переправился на Пелопоннес и первым делом отправился в Аргос. Когда он убедился, что надежды на возвращение в Афины нет, он отправил послание в Спарту, прося обеспечить ему безопасную доставку в этот город и заверяя спартанцев, что в будущем он возместит им все те беды, которые он причинил им, будучи их врагом. Спартанцы предоставили ему просимое обеспечение, и он охотно отправился к ним и был хорошо принят. В обмен на это он выдал врагам слабые стороны своего родного города и дал им ценный совет, как лучше завоевать Афины.

Одной из характерных черт Алкивиада была необычайная легкость, с которой он приспосабливался к окружающей обстановке. Если он видел, что в его интересах перенять привычки и образ жизни тех, с кем он вступал в контакт, он делал это без колебаний. В Спарте он предавался атлетическим упражнениям, коротко стриг волосы, купался в холодной воде и обедал черным бульоном; в Ионии он был роскошен, весел и нетороплив; во Фракии всегда пил; в Фессалии всегда ездил верхом; а когда позже он жил у персидского сатрапа, он превзошел самих персов в великолепии и пышности. [].14

Но хотя в Спарте Алкивиад жил как спартанец и казался преданным их интересам, тем не менее, он был афинянином, и спартанцы ему не доверяли. Греки никогда не доверяли друг другу полностью, и отсутствие искренности в политических отношениях было одной из слабых сторон их характера. Когда Алкивиад обнаружил, что в Спарте на него смотрят с подозрением и что его жизни фактически угрожает опасность, он бежал в Ионию и укрылся у персидского сатрапа, у которого вскоре стал большим любимцем. И действительно, очарование ежедневного общения с этим необычайно увлекательным и опасным человеком было сильнее, чем кто-либо мог устоять. Даже те, кто боялся и завидовал ему, не могли не испытывать восторга и дружеского расположения к нему, когда видели его и находились в его обществе. Лишь в его отсутствие проявлялся его настоящий характер.

Наступил период нелояльных интриг с персами. Алкивиад советовал им вмешиваться в войну между Афинами и Спартой и то помогать одной стороне, то другой, пока обе не будут настолько истощены, что персидский царь сможет легко их одолеть. Так, не довольствуясь предательством грека греку, Алкивиад опустился до позорных глубин предательства Греции варвару.

IV. ПАДЕНИЕ АФИН И ГОСПОДСТВО СПАРТЫ

Алкивиад был вызван в Афины в самом начале экспедиции на Сицилию. Именно летом 415 года до н. э. афинский флот отправился в путь с таким величием и с такими большими

надеждами. Спустя два года в Афины пришло известие, которому афиняне поначалу не поверили, настолько оно было ужасающим. В гавани Сиракуз произошла страшная битва, афиняне были полностью побеждены, а огромное их количество заключено в глубокие и узкие каменоломни.

Днем солнце по-прежнему палило и душило, ведь у них не было крыши над головой, а осенние ночи были холодными. В день им полагалось лишь полпинты воды и пинта еды. Их постигли все беды, которые только могут постигнуть человека в таком месте. Афиняне потерпели полное поражение во всех пунктах. Флот и армия исчезли с лица земли; ничего не удалось спасти, и из многих, кто отправился в путь, лишь немногие вернулись домой. []15

Поначалу афиняне были в полном отчаянии.

Куда бы они ни посмотрели, везде была беда; они были ошеломлены своим бедствием, и их охватил страх и ужас неимоверный. Горожане скорбели, и город скорбел; они потеряли цветок своей молодости, а заменить его было нечем. А когда они увидели в доках недостаточное количество кораблей, не было ни команды, чтобы их обслужить, ни денег в казне, они отчаялись в спасении.

В течение следующей зимы вся Эллада была взбудоражена великим поражением афинян в Сицилии. Государства, сохранявшие нейтралитет, решили, что настал момент, когда они, приглашенные или нет, не могут больше оставаться в стороне от войны; они должны по собственной воле напасть на афинян. Они все как один считали, что если бы сицилийская экспедиция увенчалась успехом, то рано или поздно они сами подверглись бы нападению. Война не продлится долго, и они могли бы разделить ее славу. Лакедемонские союзники, воодушевленные общим чувством, как никогда стремились поскорее покончить со своими затянувшимися невзгодами. Но никто не проявлял большей готовности, чем подданные афинян, которые повсюду готовы были даже сверх сил восстать; ведь они судили по своим возбужденным чувствам и не допускали возможности, что афиняне смогут пережить еще одно лето. [].16

Афины ненавидели за то, что из великой освободительницы Греции она превратилась в тирана и угнетателя, а маленькие государства, находившиеся под ее властью, были более чем готовы передать свою верность Спарте, которая обещала им свободу от угнетения, если они присоединятся к ней. А Спарта в это время торговалась с персидским царем, обещая признать его право на власть над всем, чем раньше правили великие цари, даже над греками, жившими в Малой Азии, в обмен на деньги, которыми Спарта могла заплатить своим морякам. Никогда еще Афины не опускались так низко. Конец был не за горами, но Афины, оправившись от первого ошеломляющего отчаяния, вновь обрели былое мужество. Она всячески экономила, чтобы построить новые корабли, и была начеку, чтобы не быть застигнутой врасплох неожиданным нападением.

Именно в этот момент Алкивиад начал плести интриги и строить заговоры с целью возвращения в Афины. Постепенно его друзья одержали верх, афинское правительство оказалось несостоятельным и было свергнуто. О чувстве афинян к Алкивиаду говорили, что "они его любят, ненавидят, но не могут без него обойтись", и они доказали истинность этого

изречения, отозвав его. Как и в прежние времена, попав под обаяние его личности, афиняне поддались своему энтузиазму по отношению к нему.

Как только он высадился на берег, толпа, вышедшая встречать его, едва ли обратила внимание на других капитанов, но собралась толпой вокруг Алкивиада, приветствовала его громкими возгласами и шла за ним; те, кто мог прижаться к нему, увенчивали его гирляндами, а те, кто не мог подойти так близко, оставались смотреть на него издали, и старики указывали на него и показывали молодым. [].¹⁷

Однако к этому ликованию примешивалась горечь, ибо афиняне помнили, что именно из-за следования советам этого человека на них обрушились одни из самых больших бедствий.

Обо всем, что за этим последовало, можно прочесть на страницах Фукидида и Ксенофонта. На какое-то время Афины, казалось, вернули себе былую мощь и одержали столь великую победу над спартанцами, что те предложили мир, но это должен был быть мир между равными, а Афины не хотели слышать ни о каком мире, если только она сама его не продиктует. Так продолжалась война, пока неудача некоторых кораблей в сражении со спартанцами не заставила народ вновь обратиться против Алкивиада, и он снова был изгнан. После этого конец наступил быстро. В 405 году до н. э. состоялась последняя великая битва, в которой афиняне потерпели полное поражение. Весть об этом бедствии была доставлена в Афины, и уже ночью прибыл гонец. Когда весть была рассказана

раздался горький плач. От Пирея, по линии Длинных стен до самого сердца города, он все нарастал и нарастал, когда каждый передавал новость своему соседу. В ту ночь никто не спал. Люди оплакивали погибших, но их скорбь сливалась с еще большей скорбью по самим себе, когда они представляли, какие беды им предстоят. На следующий день собралось общественное собрание, и после дебатов было решено заблокировать все гавани, кроме одной, привести стены в состояние обороны, выставить стражу в разных местах и сделать все остальные необходимые приготовления к осаде. []¹⁸

Спартанцы подошли и вплотную приблизились к Афинам. Сто пятьдесят кораблей были пришвартованы у Пирея, а против всех торговых судов, входящих в гавань, была установлена строгая блокада.

Афиняне, оказавшись осажденными с суши и с моря, были в глубоком недоумении, что делать. Без кораблей, без союзников, без провизии, у них появилось убеждение, что пути к спасению нет. Теперь они должны, в свою очередь, страдать от того, что сами причинили другим. []¹⁹

Наконец, измученные голодом, они сдались, и со Спартой были заключены условия. Это были горькие и унижительные условия:

Длинные стены и укрепления Пейрея должны быть разрушены; афинский флот, за исключением двенадцати судов, должен быть сдан; изгнанники должны быть

восстановлены; и, наконец, афиняне должны признать главенство Спарты в мире и войне, оставить ей право выбора друзей и врагов и следовать ее примеру на суше и на море. [].20

Самых афинян заставили помогать в разрушении стен, и когда они это делали, их враги ликовали под музыку флейты, веря, что с падением Афин для Греции наступит день свободы.

Более тридцати лет Спарта правила в Греции. В начале Пелопоннесской войны она потребовала от Афин восстановить свободы всех греков, которые были ее союзниками. Афины отказались, и теперь греческий мир с тревогой ждал, как Спарта воспользуется своей великой победой.

Вскоре стало очевидно, что правление Спарты не будет легким. В каждом городе старой Делийской лиги были поставлены военные губернаторы, а граждане были вынуждены платить тяжелую дань Спарте. Тридцать человек стали править в Афинах, и в течение восьми месяцев, пока эти тридцать человек находились у власти, Афины терпели жестокость, тиранию и беззаконие. Вскоре спартанское господство стало настолько невыносимым, что афиняне один за другим бежали из города и укрылись в Фивах: в Фивах, которые до сих пор были одними из злейших врагов Афин, но теперь поняли, что свободы и справедливости не найти в спартанском идеале империи, ведь Спарта стремилась не к чему иному, как к империи. Наконец в Фивах собралось достаточное количество изгнанников, чтобы они предприняли попытку изгнать Тридцать из Афин. Им это удалось, и старая афинская форма правления была восстановлена.

Но настоящего мира не было, и в течение нескольких лет в разных местах шли бои. То Спарта добивалась успеха, то Афины, но ничего решающего не происходило. Наконец Спарта начала интриговать с Персией, и в 386 году до н. э. царь Артаксеркс вмешался в дела Греции и предложил условия мира, известные как Царский мир, которые были приняты. Греческие города в Малой Азии снова должны были принадлежать персам, а все остальные греческие города-государства - быть независимыми, и договор завершался словами: "Если кто-либо откажется принять этот мир, я, Артаксеркс, с помощью единомышленников начну войну с ними на суше и на море, с кораблями и деньгами".

Это было предательство Греции по отношению к древнему врагу. Греческие государства никогда не могли объединиться на долгое время. Если бы они смогли держаться вместе, и особенно если бы это сделали Афины и Спарта, они могли бы одержать победу над персами в Малой Азии и сохранить независимость своих сородичей в Ионии. Но их ревнивый страх перед тем, что может ограничить их свободу как независимых государств, сделал невозможным любой постоянный союз, а долгие годы Пелопоннесской войны, одной из самых унижительных войн в истории, потому что она была такой ненужной и неоправданной, породили ненависть и подозрительность, жадность и ревность, от которых Греция так и не оправилась. Но хотя политически ее могущество ушло, ее работа для мира не была закончена.

V. ПОХОД ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ []21

У Артаксеркса, царя Персии, был младший брат Кир, которого обвинили в заговоре против его жизни. Он схватил Кира и хотел предать его смерти, но его мать заступилась за него, и его жизнь была пощажена. Это заставило Кира задуматься не только о том, как ему избежать власти своего брата, но и о том, как, если это возможно, стать царем вместо него. Кир был человеком, которого очень любили. Он был благороден, честен и рыцарственен, а также прекрасно владел конем. Он умел не только заводить друзей, но и сохранять их, и любой человек, оказавший ему услугу с готовностью, обязательно получал награду. По этой причине Кир всегда мог командовать людьми, готовыми последовать ним в любом начинании, каким бы опасным оно ни было.

Чтобы завладеть тронem своего брата, Киру необходимо было собрать армию, и он отправил доверенных лиц в разные места, чтобы собрать как можно больше людей, готовых последовать за ним в опасную экспедицию. Среди тех, кто присоединился к его армии, было много греков. Хотя Царский мир был заключен лишь через несколько лет после этого, великие сражения Пелопоннесской войны уже закончились, и было много людей, которые провели столько лет в боях, что им было неспокойно и не хотелось возвращаться к прежней оседлой жизни. Около десяти тысяч греков присоединились к армии Кира и в 401 году до нашей эры отправились в путь. Этим грекам не сообщили истинную цель экспедиции; они думали, что им предстоит сражаться с какими-то горными племенами в Малой Азии, и присоединились к остальной части армии в Сардах, не зная, какой долгий поход им предстоит.

Сначала казалось, что все идет хорошо, но когда они прошли некоторое расстояние, греки начали подозревать, что идут дальше, чем предполагали, и некоторые из них хотели повернуть назад. Но Кир пообещал дать им больше жалованья, и они продолжили свой поход. Они шли дальше, пока не достигли Евфрата. Они переправились через реку и несколько дней продолжали идти вдоль противоположного берега, пока не достигли Кунаксы, недалеко от Вавилона. Здесь Кир встретил персидскую армию, которая выступила против него под командованием царя, его брата. Последовала ожесточенная битва, в которой греки одержали победу, но Кир был убит, и победа им ничего не дала. Персы заманили в ловушку греческих генералов и убили их, и грекам ничего не оставалось делать, как тем или иным способом вернуться в Грецию. Но Греция находилась более чем в тысяче миль, и они не знали дороги; у них не было вождей, они находились в чужой стране и были окружены врагами, и у них не было никаких средств, чтобы доставить припасы по дороге. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, они решили выбрать новых генералов и отправиться в путь.

Главным из новых генералов был молодой афинянин по имени Ксенофонт, и он посоветовал грекам, которых было десять тысяч, сжечь весь ненужный им багаж, отправиться в путь и найти дорогу обратно в Грецию, как можно лучше. Они последовали его совету, и Ксенофонт сам рассказал нам о том марше десяти тысяч в Грецию. Он назвал свою историю *"Анабасис"* или *"Марш вверх по стране"* и рассказал, как они шли через чужие и неизвестные земли, как страдали от врагов, от холода и голода. Некоторое время они шли по Тигру и миновали руины Ниневии, но разрушение этого гордого города было столь полным, что отступающие греки не знали, что они топчут ее под ногами.

Наступила зима, и холод был ужасен. В одном месте они шли по глубокому снегу, и северный ветер дул им в зубы, утомляя людей. Они страдали от снежной слепоты и обморожений, и некоторые из них в отчаянии отказывались идти дальше. Но, несмотря на все эти трудности,

большинство продолжало путь, и в конце концов они достигли города, где им был оказан дружеский прием. Правитель города дал им проводника, который пообещал, что в течение пяти дней приведет их к месту, откуда они смогут увидеть море, "и, - добавил он, - если я не выполню своего слова, вы вольны лишить меня жизни". Он сдержал свое обещание, и на пятый день они достигли горы, на которую сразу же взобрались те, кто шел впереди. С вершины они увидели море, которое для греков было символом дома и безопасности. Раздался сильный крик, который становился все громче и громче, так что Ксенофонт, опасаясь, что случилось что-то необычное, сел на коня и галопом помчался на помощь. Но, приблизившись, он услышал, как солдаты кричат и передают друг другу радостные возгласы: "Талатта! Талатта!" "Море! Море!" Когда все достигли вершины, они обнялись, генералы, офицеры и все остальные, и слезы потекли по их щекам.

Море оказалось Эвксинским, и греки без особого труда нашли корабли, которые доставили их домой. Но прежде чем покинуть место, откуда они впервые увидели море, они воздвигли большую грудку камней, на которую положили все, что осталось у них из скудного имущества, несколько шкур, плетеные щиты и шесты, и посвятили их богам Греции за то, что они даровали им столь великое избавление".

[1] См. А. Е. Zimmern: *The Greek Commonwealth*.

[2] Фукидид, I.

[3] Ibid.

[4] Thucydides, I.

[5] Плутарх: *Жизнь Перикла*.

[6] Еврипид: *Троянские женщины*, перевод Гилберта Мюррея.

[7] См. с. 386.

[8] Из Плутарха: *Life of Alcibiades*.

[9] Ibid.

[10] Фукидид, VI.

[11] Фукидид, VI.

[12] Ibid.

[13] Плутарх: *Life of Alcibiades*.

[14] Из Плутарха: *Life of Alcibiades*.

[15] Фукидид, VII.

[16] Фукидид, VIII.

[17] Плутарх: *Life of Alcibiades*.

[18] Xenophon: *Hellenica*, II.

[19] Xenophon: Hellenica II.

[20] Ibid.

[21] По материалам Xenophon: *Анабасис*.

ГЛАВА XVII

ВЕЛИКИЕ ДНИ ФИВАНЦЕВ

I. ЛЕГЕНДЫ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ФИВ

Вплоть до окончания Пелопоннесской войны история Греции была в основном историей Афин и Спарты. После окончания войны Спарта осталась верховной властью, но она не умела ею пользоваться. Она была суровой и жесткой, мало заботилась о литературе и не любила перемен. У нее не хватало воображения, чтобы поставить себя на место Афин и понять, как она должна управлять таким независимым, мореходным, интеллектуально развитым и артистичным народом. Короткий период ее господства закончился неудачей, а затем ее, в свою очередь, свергло другое греческое государство. Этим государством были Фивы, которые до сих пор играли не очень почетную роль в греческой истории. Всегда завидовавшая Афинам, она использовала любую возможность, чтобы выступить против них. Она с особой жестокостью обошлась с крепким, независимым городом Платеей; она встала на сторону варварских захватчиков во время Персидских войн и на сторону Спарты во время Пелопоннесской войны, и только когда спартанское правление стало невыносимым как для друзей, так и для врагов, она предложила убежище афинским изгнанникам.

Город Фивы лежал на богатых равнинах Беотии, где в изобилии водились мясо, кукуруза и вино. Близлежащие холмы обеспечивали отличную охоту, и фиванцы были известны своим соседям как люди, любящие удовольствия и все блага мира, как хорошие бойцы, но туповатые в интеллектуальном плане. Однако были и исключения: Фивы произвели на свет двух гениальных людей: Пиндара, поэта, и Эпаминондаса, могущественного полководца.

Пиндар родился в шестом веке до нашей эры, но дожил до глубокой старости, и персы были изгнаны из Греции еще до его смерти. Он был аристократом, и его стихи - последняя лирика, воспевающая общественный строй, который вот-вот должен был уступить место правлению народа. Многие стихи Пиндара были написаны в честь победителей Олимпийских игр, и, читая их, можно почти увидеть мчащиеся по трассе колесницы, услышать крики людей и почувствовать радость победителя, получающего свой приз. Пиндар был очень консервативен; он принадлежал к поколению, которое еще не начало сомневаться в

существовании богов, и все его стихи наполнены беспрекословной верой в них и в их праведность. Особенно он любил чествовать Аполлона, и еще долго после его смерти считалось, что он был особенно дорог этому богу, так как говорили, что каждую ночь в Дельфах его чествовали, призывая: "Пусть поэт Пиндар войдет на ужин к богу".

Но если Фивы не имели почтенного исторического прошлого, то они были богаты легендами и сказаниями. Фивы были основаны Кадмом, повинувшись слову Аполлона. На месте, где должен был быть построен город, он убил страшного дракона и, взяв зубы дракона, посеял их в землю, как сеятель сеет семя, и тут же из земли выросло множество вооруженных людей, которые стали первыми жителями нового города. С их помощью Кадм построил цитадель, которая на протяжении всей истории Фив называлась Кадмеей.

Фивы были окружены мощными стенами, а в город вели семь ворот. Другая история рассказывала, что фундамент этих стен и ворот был заложен Амфионом, который затем взял свою лиру и заиграл на ней такую божественную музыку, что стены поднялись по волшебству, пока не достигли такой силы, что полностью защитили город, а затем смогли выдержать великую осаду.

Но боги не всегда улыбались Фивам. Пиндар говорит нам, что "за каждое добро, которое смертный получает от богов, он должен получить и два зла", и это, похоже, относилось к царскому дому Фив. Мрачны и трагичны рассказы о судьбе этих древних правителей. Эдип, который сначала отгадал загадку Сфинкса, а затем по неведению убил собственного отца и стал царем, лишь впоследствии узнал о своем поступке и был изгнан из своего царства, слепой и беспомощный. Другие легенды рассказывают об Антигоне, верной дочери Эдипа, которая сопровождала его в странствиях и ухаживала за ним до самой смерти.

II. ЭПАМИНОНДАС

Эпаминонд родился в Фивах в конце V века до н. э. Он принадлежал к очень древнему роду, одному из немногих, которые утверждали, что происходят от зубов дракона, посеянного Кадмом. Хотя он принадлежал к древнему роду, был беден, но был одним из самых образованных среди фиванцев; его научили играть на арфе и петь под ее аккомпанемент, играть на флейте и танцевать. Его наставником был мудрый философ, к которому он так привязался, что, будучи молодым, предпочитал общество сурового и серьезного старика товарищам своего возраста. Когда он подрос и начал заниматься гимнастикой, он старался не столько увеличить силу, сколько ловкость своего тела; он считал, что сила подходит для борцов, а ловкость делает человека лучшим воином, поэтому большую часть времени он проводил в военных упражнениях.

Эпаминондас, как нам рассказывают, был

скромным, благоразумным, серьезным, мудро использующим свои возможности, искусным в войне, храбрым в бою и обладающим удивительным мужеством. Он был настолько большим любителем правды, что не сказал бы неправды даже в шутку; он также владел

своими страстями и был кроток в нравах. Он был замечательным хранителем секретов - качество, не менее полезное иногда, чем умение красноречиво говорить". [].1

Среди государственных деятелей, которые помогли сделать Грецию великой, не было более благородных или честных, чем Эпаминондас. Его невозможно было подкупить или развратить, и он был совершенно свободен от корысти. Это было показано, когда посланник персидского царя Артаксеркса прибыл в Фивы, чтобы подкупить Эпаминондаса большой суммой золота (чтобы фиванцы помогли царю), но Эпаминондас сказал ему:

В этом деле нет нужды в деньгах, ибо если царь желает того, что на благо фиванцев, я готов сделать это даром; если же иначе, то у него не хватит ни серебра, ни золота, чтобы сдвинуть меня с места, ибо я не променяю богатства всего мира на любовь к своей стране. Я не удивляюсь, что ты так судил меня, так как не знал меня, видя, что ты считал меня похожим на себя, и я прощаю тебя; но немедленно убери тебя, чтобы ты не развратил других, хотя и не мог развратить меня". []2

При Эпаминондасе Фивы стали правящей державой в Греции, но лишь на очень короткое время. Фиванцы были хорошими солдатами только до тех пор, пока у них были вдохновляющие вожди, без великого лидера они не могли удержать завоеванное. Одна из характеристик великого человека - умение использовать свои возможности, и Эпаминондас обладал этим даром. История его жизни - это история великого полководца. Рядом с ним был его друг Пелопид, человек необычайной храбрости, огромного энтузиазма и полной преданности своему вождю.

Эпаминондас превратил фиванскую армию в очень грозную боевую силу, и с этой мощной армией он решил сломить власть Спарты и поставить на ее место Фивы. В 371 году до н. э. спартанцы были разбиты фиванцами под командованием Эпаминондаса в великой битве при Левктрах, недалеко от Фив, и эта победа сделала Фивы на время главной военной державой Греции. В течение девяти лет она сохраняла свою власть, хотя войны продолжались. Эпаминондас хотел захватить саму Спарту и четыре раза совершал походы в Пелопоннес. Несмотря на долгие походы, его люди были в прекрасном состоянии. Они беззаветно верили в своего полководца и готовы были следовать за ним куда угодно. "Не было такого труда, от которого бы они отказались, ни ночью, ни днем; не было такой опасности, от которой бы они дрогнули; и при самой скудной провизии их дисциплина никогда не подводила их". [].3

Фиванцы в четвертый раз отправились в Пелопоннес, они были в Мантинее, и здесь в 362 году до н. э. Эпаминондас провел свою последнюю великую битву со Спартой. Фивы победили, но победа досталась им дорогой ценой, так как Эпаминондас был смертельно ранен. Когда его несли с поля боя, он попросил позвать двух капитанов, которые стояли ближе всего к нему и могли бы занять его место. Но ему сказали, что оба убиты. "Тогда заключите мир с врагом", - пробормотал он и, выхватив копье, которым был ранен, упал замертво.

Эпаминондас был мертв, и некому было занять его место. Он сломил власть Спарты, и теперь Пелопоннес был разделен множество лагерей, каждый из которых воевал с другим, и

повсюду в Греции царило смятение. Фивы были не более способны объединить Грецию, чем Спарта, но при Эпаминондасе военное искусство было настолько развито и изменено, что в руках гениального полководца армия стала более грозным оружием, чем когда-либо считалось возможным.

За шесть лет до битвы при Мантинее из Македонии в Фивы привезли в качестве заложника пятнадцатилетнего мальчика-полуварвара. Этого мальчика звали Филипп Македонский, и он провел в Фивах три года, обучаясь всему, чему могло научить его величайшее военное государство Греции. Ему суждено было самому стать великим полководцем и отцом еще более великого полководца. Теперь не было ни одного греческого государства, достаточно могущественного, чтобы отстоять греческую свободу. Как государственный деятель Эпаминондас потерпел неудачу, ибо не оставил после себя ничего, кроме смуты, но как гениальный полководец он стал учителем Филиппа и Александра Македонского, чье растущее могущество теперь угрожало свободе не только Греции, но и всего мира".

[1] Корнелий Непос: *Жизнь Эпаминондаса*.

[2] Корнелий Непос: *Жизнь Эпаминондаса*.

[3] Xenophon: *Hellenica*, VII.

ГЛАВА XVIII

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

I. ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ

История - это рассказ о том, как человек учился жить, и, учась этому, он время от времени вступал в периоды больших перемен: периоды, когда старый порядок вещей менялся, переходя в новый. Эти времена всегда очень трудны для тех, кто в них живет, ведь так много старого разрушается, что строительство нового остается незамеченным, ведь те, кто разрушает, обычно производят больше шума, чем те, кто строит.

Греция переживала один из таких периодов перемен, когда Филипп стал царем Македонии. О первых македонцах известно не так уж много. Они были частично варварами, частично греками, и когда они впервые появились в истории, были очень разобщены. На равнинах проживало несколько племен, которые, как говорят, были греческого происхождения. Они были тесно связаны с королем, а их вожди были известны как его спутники. На холмах жили

многочисленные племена, скорее варварские, чем греческие, которые смотрели на царя Македонии как на своего повелителя, но были для него постоянным источником опасности, так как часто боролись за независимость. Когда правил слабый царь, история Македонии превращалась в историю мелких войн с этими горными племенами, но сильные цари всегда пытались объединить эти враждующие элементы в единую нацию.

В 359 году до н. э. царем Македонии стал Филипп. Он провел три года в Фивах, где наблюдал за преобразованиями, которые военный гений Эпаминондаса произвел в фиванской армии, и теперь, в возрасте двадцати четырех лет, он стал правителем Македонии. Но его наследство было таким, что могло обескуражить самое твердое сердце. У него не было ни союзников, ни денег; враги окружали его со всех сторон, и в его царстве не было единства. Но у него была молодость, несколько верных друзей, безграничное честолюбие и тело, способное выдержать любые трудности. Филипп никогда не требовал от своих солдат того, чего не был готов сделать сам, но при этом он не был человеком, которого любили, и внушал скорее страх, чем привязанность.

В своей политике Филипп преследовал три определенные цели: создать постоянную армию, которая была бы готова к походу и сражению в любое время, как зимой, так и летом; объединить всю Македонию в настоящее царство, а затем объединить всю Грецию под своей властью. Сделав это, он намеревался отправиться в Азию против персидского царя.

Филипп создал свою армию, покорил и объединил Македонию, а затем был готов двинуться на Грецию. Афины, Спарта и Фивы теперь были слабы. Власть города-государства уходила и со временем уступила новой идее национального единства, но не уступила без конфликта. Борьба между Филиппом и греческими государствами была не просто борьбой между сильным государством и несколькими слабыми; это был конфликт идей. На одной стороне были Афины и примкнувшие к ним государства - последние представители независимых городов-государств, все еще ревностно охранявшие свою политическую свободу; на другой - Филипп, олицетворявший новую идею национального единства. Он решил покорить большую часть Греции силой, но ему хотелось, чтобы Афины уступили ему по собственной воле. Сила ее флота и армий была сломлена, но ее мысль, ее искусство и культура остались. Если бы Филипп был принят в Афинах с доброй волей и признан ею как лидер всей Греции, он бы считал это более важным, чем любая военная победа. Он писал письма ее государственным деятелям, отправлял в Афины специальных посланников, чтобы они отстаивали его интересы, пытался доказать ей, что ее страхи перед ним беспочвенны, и относился к самой земле Аттики как к священной. Это поразительная картина: Филипп, воин, во главе мощной армии, опускает меч перед политически слабым маленьким государством, потому что оно обладает силой духа. И этот дух не был мертв. Еще одна вспышка прежней афинской независимости вспыхнула в том вызове, который она бросила Филиппу.

Филипп пошел вперед. Он захватил и удержал Фермопилы, ворота в Грецию; он отстоял права Дельф против соседнего государства и был признан оракулом как защитник Аполлона. Затем он отправился в Беотию, где Афины и Фивы предприняли против него последнюю мощную атаку. В 338 году до н. э. в Хаэронее состоялась одна из решающих битв мира. С одной стороны была армия последних представителей старых городов-государств, беспорядочная масса людей, часть из которых были гражданами-солдатами, служившими без жалованья, часть - наемниками; с другой - первая великая армия единого народа. Битва состоялась в жаркий летний день, она была ожесточенной и долгой, но в конце концов греки сдались, и Филипп одержал победу. Он не пощадил Фивы, и они испили чашу горечи до дна. Некоторые из ее лидеров были изгнаны, другие преданы смерти, в городе был размещен македонский гарнизон, а все фиванские земли были конфискованы.

С Афинами обошлись более милосердно. В день победы над ней Филипп

не смеялся за столом, не смешивал развлечения с увеселениями; у него не было ни чаш, ни духов; и, насколько это было в его силах, он победил так, чтобы никто не мог считать его завоевателем. Да и сам он не называл себя царем, а только полководцем Греции. Афинянам, которые были его злейшими врагами, он вернул пленных без выкупа, а тела убитых в бою вернул для погребения и послал Александра, своего сына, заключить с ними мир и союз. []1

В основе всех его амбиций, всей его опоры на военную мощь лежало чувство, отчасти неосознанное, но все же присутствовавшее, что, в конце концов, вещи духа были выше, чем пышность и власть, и он жаждал признания со стороны Афин. Но Афины, хотя и были вынуждены признать его верховенство, никогда не принимали его добровольно.

Следующим шагом Филиппа была организация экспедиции в Азию, чтобы сокрушить могущество Персии, и поскольку такая экспедиция вывела бы Филиппа из Греции, большинство греческих государств согласились присоединиться к ней. Но сначала он вернулся в Македонию, где всегда можно было найти врагов, разжигающих к нему неприязнь. Царская свадьба дала хороший повод для большого народного праздника, и была запланирована процессия, в которой Филипп, облаченный в белое, должен был идти во главе государства. Должно быть, это был момент великого триумфа. Его амбиции были удовлетворены. Македонская армия была величайшей в мире, он объединил враждебные элементы в своем царстве и сделал из них нацию, он завоевал Грецию и был признан главным полководцем всех греческих армий, а теперь он собирался отправиться на завоевание Персии. Он был еще молод, и, казалось, ничто не могло помешать осуществлению всех его дальнейших амбиций. Но вдруг, когда величественная процессия двинулась вперед, из толпы зрителей вынырнул человек, вонзил свой кинжал глубоко в сердце царя, и Филипп упал замертво.

Ему наследовал его сын Александр, который в своей речи к македонцам подвел итог достижениям своего отца. Он сказал:

Мой отец нашел вас, бродяг и бедняков, большинство из которых были одеты только в шкуры, пасших несколько овец на горных склонах, и, чтобы защитить их, вам приходилось сражаться с пограничными племенами, часто с небольшим успехом. Вместо шкур мой отец дал вам плащи, спустил вас с холмов на равнины и сделал равными в бою соседним варварам, так что ваша безопасность зависела уже не от неприступности ваших горных крепостей, а от вашей собственной доблести. Он научил вас жить в городах, дал вам хорошие законы и обычаи, и вместо того, чтобы быть рабами и подданными тех варваров, которых вы и ваши владения уже давно преследовали, он сделал вас их повелителями. Он также присоединил к Македонии большую часть Фракии и, захватив наиболее удобно расположенные места на морском побережье, открыл вашу страну для торговли. Он дал вам возможность безопасно разрабатывать свои рудники. Он сделал вас властителями над фессалоникийцами, которых вы прежде смертельно боялись, и, смирив фокийцев, дал вам вместо узкой и трудной дороги в Грецию широкую и легкую. Он до такой степени смирил афинян и фиванцев, которые всегда были готовы обрушиться на Македонию, что вместо того, чтобы платить дань первым и быть вассалами вторых, оба государства обратились к нам за защитой. Он вошел в Пелопоннес и, приведя там дела в порядок, был публично объявлен главнокомандующим всей Греции в экспедиции против персов. И это великое отличие он рассматривал не как личную честь для себя, а как славу для Македонии. []2

Новому царю было всего двадцать лет. Казалось, что его отца прервали на пике карьеры, и что его смерть не может означать ничего, кроме катастрофы для власти Македонии. Но то, что кажется трагедией и крахом человеческих надежд, иногда оказывается дверью, через которую человек или нация переходят к более великим свершениям. Филипп сделал свою работу. Он был великим воином и совершил великие завоевания, но он не внушал любви, и ему не хватало воображения, которое позволило бы ему видеть глазами покоренных и так управлять ими, чтобы они стали реальными частями могущественного целого. Его сын был молод, но обладал этим даром, и поэтому трагедия смерти отца стала для него началом новых и больших возможностей и дверью, через которую Греция должна была перейти от старого порядка к новому.

II. ДЕМОСФЕН

Хотя Афины были вынуждены признать политическое господство Филиппа, они никогда не оказывали ему того почтения, которого он так жаждал, - почтения духа. И в том, что она упорствовала в своем отказе, была большая заслуга оратора Демосфена.

В политическом плане Афины были слабы, и постоянные войны отнимали у них все силы. Но в это время большинство ее боевых действий велось на расстоянии от Афин и наемниками. Со времен Марафона и Саламины в ее жизни произошли большие перемены. Афиняне больше не гордились тем, что их граждане сами защищали ее, и хотя молодые люди любили хвастаться тем, что их предки сражались при Марафоне, они предпочитали более приятную жизнь, чем возможная в лагере, и поэтому платили другим людям, чтобы те шли и сражались за них.

Демосфен боролся с этим духом, и, когда Филипп сделал аванс Афинам и попытался заключить с ними союз, Демосфен произносил речь за речью против такой политики, призывая народ не идти на сделку с чужаком, а готовиться к войне и отдавать свои собственные жизни на поле боя, вместо того чтобы платить другим, чтобы они умирали за них.

Демосфен был нежным ребенком, очень застенчивым и с заиканием в речи. Однако он вырос со страстью к ораторскому искусству, ходил слушать знаменитых ораторов своего времени и внимал каждому их слову, а после возвращался домой, чтобы самому поупражняться в ораторском искусстве. Когда он впервые выступил на публике, его ждало разочарование: его стиль был неуклюжим, голос слабым и он заикался. Однако он решил, что преодолеет все эти препятствия, и

Он построил себе место для занятий в подземелье и постоянно приходил туда каждый день, чтобы формировать свои действия и упражнять голос; и здесь он продолжал заниматься, часто без перерыва, по два или три месяца, обрив одну половину головы, чтобы из-за стыда не выехать за границу, хотя ему этого очень хотелось. []³

Известно, что Демосфен очень усердно готовил свои речи и что он никогда не выступал в собрании, если не обдумал тему и не подготовил то, что собирался сказать. В Афинах стали шутить, что вместо того, чтобы полагаться на вдохновение, его речи "пахнут лампой". В старости Демосфен рассказывал некоторым своим друзьям, как он преодолел свои недостатки речи:

невнятное и заикающееся произношение он преодолел и сделал его более отчетливым, говоря с камешками во рту; свой голос он дисциплинировал, произнося и декламируя речи или стихи, когда задыхался, во время бега или подъема на крутые места; и что в своем доме у него было большое зазеркалье, перед которым он стоял и выполнял свои упражнения. []⁴

Чтобы излечиться от привычки поднимать левое плечо во время речи, он подвешивал над ним обнаженный меч, когда упражнялся, а во время бури стоял на берегу моря и произносил речи, чтобы приучить себя к шуму в общественном собрании.

Демосфена называли величайшим из ораторов. С тех пор мнения расходятся, была ли его политика самой мудрой для Афин в тот момент, но каждое его слово было вдохновлено страстной любовью к Афинам, и он всегда призывал афинян быть верными своему собственному великому духу и древнему патриотизму.

Никогда до сих пор, - сказал он однажды, - этот народ не стремился к приобретению денег; но к чести он стремился, как ни к чему другому в мире. Признаком этого является то, что когда Афины имели деньги в большем изобилии, чем любой другой эллинский народ, она тратила их на дело чести; ее граждане делали взносы из своих личных средств, и она никогда не уклонялась от опасности, когда нужно было завоевать славу. Поэтому у нее есть вечное и неизменное достояние - память о ее деяниях и красота посвященных им жертвоприношений: портики, которые вы видите, Парфенон, колоннады, верфи.

Речи Демосфена против политики дружбы с Филиппом известны как "*Филиппики*" - слово, вошедшее в более поздний язык, и в самой большой из них он показывает афинянам, как их низменные идеалы допустили политическую коррупцию и привели их к гибели.

В чем причина этих вещей? [спрашивает он], ибо как в прежние времена эллины так стремились к свободе, так и теперь они так стремятся стать рабами. Был дух, мужи Афин, дух в сознании народа в те дни, которого нет сегодня, дух, который победил богатство Персии, который вел Элладу по пути свободы и никогда не отступал перед лицом битвы на море или на суше; дух, исчезновение которого сегодня принесло всеобщее разорение и перевернуло Элладу вверх дном. Что же это был за дух? В нем не было ничего тонкого или хитрого. Он заключался в том, что те, кто брал деньги у тех, кто стремился к господству или разрушению Эллады, вызывали всеобщее презрение. Где сейчас такие настроения? Они были проданы на рынке и исчезли. []⁵

В горячих словах Демосфен призывал афинян бороться за свою свободу с прежним духом.

Я удивляюсь, что вы, афинские мужи, которые когда-то подняли руку против Спарты в защиту прав эллинов... которые потратили свои состояния на военные взносы и всегда несли на себе всю тяжесть опасностей кампании, что вы, говорю я, теперь уклоняетесь от похода и не решаетесь внести какой-либо вклад, чтобы спасти свои владения..... Это наш личный и непосредственный долг; и я говорю, что вы должны внести средства, вы должны лично отправиться на службу с доброй волей..... Вы должны избавиться от всех оправданий и всех недостатков с вашей собственной стороны; вы не можете безжалостно рассматривать действия других, если вы сами не сделали всего, чего требует ваш долг. [].⁶

Демосфен обладал способностью взывать как к разуму, так и к эмоциям слушателей, и в конце концов Афины последовали его совету. Но это привело к катастрофе. Те, кто выступал против Демосфена, особенно государственный деятель Эсхин, в гневе набросились на него и обвинили в том, что он жертвует жизнями юношей и напрасно тратит их сокровища. Афины последовали его совету и были побеждены, и теперь Филипп стал ее хозяином. Поскольку Эсхин и его противники делали упор на последствия своей политики, Демосфен защищался, произнося, пожалуй, самую великую из своих речей. В одной из частей он предупредил афинян, что то, что он скажет, может их шокировать, но

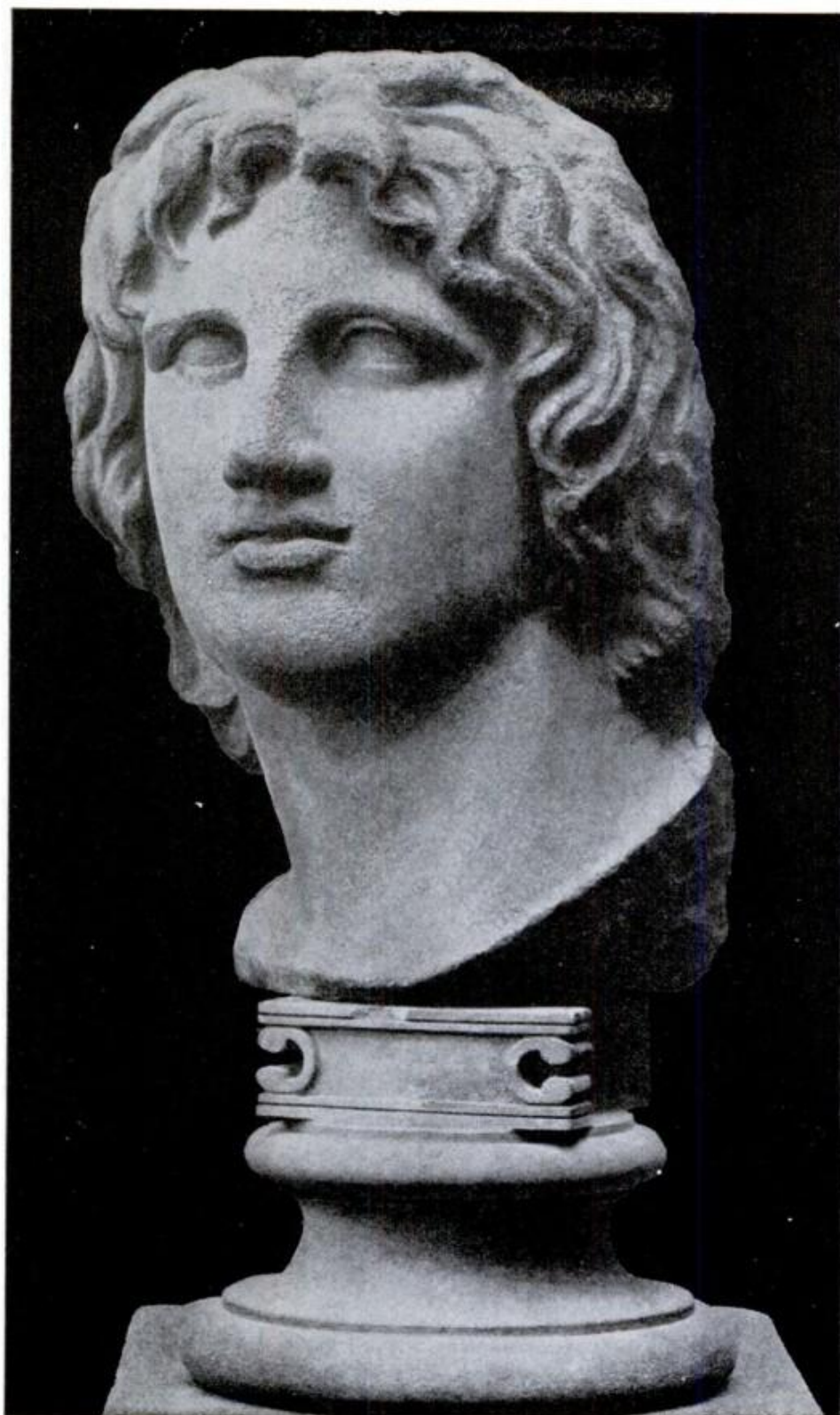
Пусть никто, [сказал он], во имя Неба, не удивляется тому, до чего я дошел, но отнесется к моим словам с доброжелательным вниманием. Даже если бы то, что должно произойти, было ясно для всех заранее; даже если бы все это знали; даже если бы ты, Эсхин, громким голосом предупреждал и протестовал, ты, который не произнес ни звука; даже тогда, говорю я, город не должен был бы отказываться от своего курса, если бы он имел хоть какое-то отношение к своей славе, или к нашим предкам, или к грядущим векам. Как бы то ни было, несомненно, считается, что ей не удалось достичь своей цели, как это случается со всеми, когда Богу угодно: но тогда, отказавшись в пользу Филиппа от своего права возглавить других, она должна была понести вину за то, что предала их всех. Если бы она без борьбы отказалась от тех требований, в защиту которых наши предки подвергались всем мыслимым опасностям, кто бы не презрел тебя, Эсхин, - тебя, говорю я; не Афины и не меня, надеюсь? Во имя бога, с какими лицами мы должны были бы смотреть на тех, кто пришел посетить город, если бы события завершились так же, как сейчас, если бы Филипп был избран полководцем и повелителем всех, а мы стояли в стороне, в то время как другие вели борьбу за предотвращение этих событий; и это при том, что город еще никогда в прошлом не предпочитал бесславную безопасность опасному отстаиванию благородного дела? Какой эллин, какой иностранец не знает, что и фиванцы, и спартанцы, которые были сильны еще раньше, и персидский царь с благодарностью и радостью позволили бы Афинам взять и сохранить все, что ей принадлежало, если бы она исполнила волю другого и позволила другому занять первое место в Элладе? Но, судя по всему, это не было традицией афинян; это было нетерпимо; это было не в их характере. С начала времен никому еще не удавалось убедить город бросить свой жребий с теми, кто был силен, но не праведен в своих делах, и наслаждаться безопасностью рабства. На протяжении всех времен она продолжала свою опасную борьбу за превосходство, честь и славу. И эта политика представляется вам настолько возвышенной, настолько соответствующей вашему национальному характеру, что

из всех ваших предков именно тех, кто действовал таким образом, вы превозносите больше всего. И естественно, ведь кто бы не восхищался мужеством тех людей, которые не побоялись оставить свою землю и свой город и сесть на корабли, чтобы не выполнять чужие приказы; которые выбрали своим полководцем Фемистокла (который так им советовал) и забили до смерти камнями Кирсила, когда тот подал голос за подчинение приказам господина - и не его одного, потому что ваши жены забили до смерти и его жену. Афиняне того времени не искали оратора или полководца, который позволил бы им жить в счастливом рабстве; они вообще не заботились о том, чтобы жить, если не смогут жить на свободе. Ведь каждый из них чувствовал, что он появился на свет не только ради отца и матери, но и ради своей страны. И в чем же разница? Того, кто считает, что он родился только для своих родителей, ждет смерть, которую ему уготовила судьба: но тот, кто считает, что он родился и для своей страны, готов умереть, лишь бы не видеть ее в рабстве, и будет смотреть на бесчинства и унижения, которые ему придется терпеть в городе, находящемся в рабстве, как на нечто более страшное, чем смерть.

Если бы я попытался утверждать, что побудил вас проявить дух, достойный ваших предков, то не нашлось бы человека, который не упрекнул бы меня с полным основанием. Но, по сути, я заявляю, что подобные принципы - ваши собственные; я показываю, что до моего времени город проявлял этот дух, хотя утверждаю, что и мне, как вашему слуге, довелось в деталях проводить вашу политику. Но, осуждая эту политику в целом, требуя быть суровым со мной, как с тем, кто навел ужас и опасность на город, обвинитель, стремясь лишить меня отличия в настоящий момент, пытается лишить вас похвалы, которая будет длиться вечно. Ведь если вы осудите обвиняемого на том основании, что моя политика была не в лучшую сторону, люди подумают, что ваше собственное суждение было ошибочным и что не по милости судьбы вы пострадали от того, что с вами случилось. Но не может быть, не может быть, чтобы вы ошиблись, афиняне, когда взяли на себя борьбу за свободу и освобождение. Нет! Те, кто при Марафоне принял на себя всю тяжесть испытаний - наши предки. Нет! Тем, кто при Платее выстроился в боевой порядок, тем, кто при Саламине, тем, кто у Артемизиума вел морскую битву, тем, кто лежит в могилах, где их положил народ, храбрецам, которых их страна, Эсхин, сочла достойными одинаковых почестей и одинаковых похорон - не только успешным или побежденным! И она поступила справедливо. Ибо все они сделали то, что должны были сделать храбрецы; но судьба их была такова, какую каждому назначило Небо".
[].⁷

III. АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

В возрасте двадцати лет Александр унаследовал трон Филиппа. Это одна из тех личностей в истории, которые больше всего поражали воображение не только своих современников, но и всех веков. Он обладал красотой юного греческого божества, блестящим умом и личным обаянием, которое притягивало к нему собеседников. От отца он унаследовал великий военный гений, необычайные организаторские способности, неутомимую энергию и неумеренные амбиции, а от матери, дикой, полуварварской принцессы, - страстную натуру, склонную к вспышкам яростного и неконтролируемого гнева, и романтическое воображение.

ALEXANDER THE GREAT.

British Museum.

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ.

Британский музей.

В детстве Александра его отец постоянно находился на войне, но он позаботился о том, чтобы сын получил хорошее образование. Первые учителя приучили его к спартанской дисциплине и так натренировали его тело, что в последующие годы он был способен переносить усталость и трудности, поражавшие всех, кто был с ним рядом.

Когда Александру было двенадцать лет, произошел эпизод, который убедил его отца в том, что он нуждается в лучшем руководстве, которое только можно найти для него. Филиппу предложили коня по имени Буцефал за тринадцать талантов, и царь с принцем и многими другими,

отправился в поле, чтобы испытать его. Но он оказался настолько злобным и неуправляемым, что взвился на дыбы, когда его пытались посадить на коня, и не желал слышать голоса никого из сопровождающих Филиппа. Когда его уводили как совершенно бесполезного и неуправляемого, Александр, стоявший рядом, сказал: "Какого превосходного коня они теряют из-за неумения обращаться с ним и смелости управлять им!" Филипп сначала не обратил внимания на его слова, но когда услышал, как он повторил то же самое несколько раз, и увидел, что он очень огорчен тем, что коня отослали, "Ты упрекаешь, - сказал он ему, - тех, кто старше тебя, как будто ты знаешь больше и можешь управлять им лучше, чем они?" "Я могу управлять этим конем, - сказал он, - лучше, чем это делают другие". "А если ты этого не сделаешь, - сказал Филипп, - что ты заплатишь за свое безрассудство?" "Я заплачу, - ответил Александр, - всю цену коня". При этих словах вся компания разразилась хохотом; и как только пари было улажено, он тотчас побежал к коню и, взяв уздечку, повернул его прямо к солнцу, заметив, что тот беспокоится и боится движения собственной тени; Затем, пустив его немного вперед, все еще держа поводья в руках и нежно поглаживая его, когда он обнаружил, что тот начинает проявлять нетерпение и пыл, одним проворным прыжком он надежно взобрался на него, а когда тот сел, мало-помалу натянул уздечку и обуздал его, не ударив и не подстегнув его. Вскоре, когда он убедился в том, что лошадь свободна от всякого неповиновения, он пустил ее вскачь на полной скорости. Филипп и его друзья сначала молча и с тревогой смотрели на результат, но когда увидели, что он повернул и вернулся, радуясь и торжествуя, что он совершил, все разразились аплодисментами; а его отец, проливая слезы, говорит, от радости, поцеловал его, когда он спускался с коня, и, перевоза его, сказал: "Сын мой, ищи себе царство, равное и достойное тебя самого, ибо Македония слишком мала для тебя!" [].⁸

Было очевидно, что Александр не захочет подчиняться тому, что он делает, но для развития его лучшей натуры необходима твердая направляющая рука, и Филипп послал за философом Аристотелем, который был его воспитателем в течение четырех лет. Аристотель научил его лучшему, что могла предложить Греция в области литературы, философии и естественных наук. Александр был не малого мнения о своих силах и считал себя равным, если не превосходящим, лучших умов своего времени, и хотел, чтобы его признали таковым. Позже, когда Аристотель опубликовал некоторые из своих трудов, Александр написал ему: "Ты не очень хорошо поступил, опубликовав свои книги устного учения; ибо в чем мы теперь превосходим других, если те вещи, в которых мы были особенно наставлены, открыты для всех?" [9] Александр родился с любовью к учебе, и его образование позволило ему по-настоящему оценить все лучшее, что было в греческой мысли. Он спал с экземпляром

Гомера под подушкой, а сказал Аристотелю, что он "скорее превзойдет других в знании того, что прекрасно, чем в размере своей власти и господства". [10] Александр очень любил своего воспитателя и в последующие годы говорил, что как от отца он получил жизнь, так от Аристотеля он научился вести хорошую жизнь.

Такая личность вскоре сделала Александра кумиром Македонии, но, как и в случае с его отцом, этого было недостаточно; македонец, а значит, в глазах Греции полуварвар, он хотел быть принятым греками как грек и получить их поклонение героям. Как и Филипп, он был полон решимости отправиться в Азию, покорить персидского царя и стать мировым правителем, но сначала нужно было покорить Грецию. Он сделал это очень быстро, и в 335 году до н. э., через год после того, как стал царем, выступил в поход против Фив, которые организовали против него восстание. Он ворвался в город почти с магической быстротой, ведь за тринадцать дней он переправил свою армию на двести пятьдесят миль. По Греции поползли слухи, что он мертв, но вдруг он появился перед стенами Фив. Через два дня все было кончено. Город был разрушен до основания, а жители либо убиты, либо проданы в рабство. Но посреди всего этого ужаса Александр отдал приказ, поразивший воображение греков: дом Пиндара должен был остаться нетронутым, так как против греческой цивилизации не велась война.

Александр отправился в Коринф, где его избрали генералом армии, которая должна была вторгнуться в Персию. Его окружали люди, которые хвалили и льстили ему, но один человек отказывался обращать на него внимание. Это был циничный философ Диоген.

Александр нашел его в бочке на обочине дороги. Увидев рядом с собой столько людей, он немного приподнялся и позволил себе взглянуть на Александра; когда Александр любезно спросил, не нужно ли ему чего-нибудь. "Да, - сказал он, - я хотел бы, чтобы ты встал между мной и солнцем". Александр был так поражен этим ответом и удивлен величием человека, который так мало обратил на него внимания, что, уходя, сказал своим последователям, которые смеялись над слабоумием философа, что если бы он не был Александром, то предпочел бы быть Диогеном. [].¹¹

Настало время, когда Александр во главе могущественной армии мог отправиться в Азию. Эта армия состояла из македонцев и выходцев из всех самых воинственных государств Греции. Она была тщательно обучена и дисциплинирована, и служила под началом полководца, которому, правда, было всего двадцать два года, но который уже показал себя военным гением и которого обожали все солдаты - от самых высоких до самых низких. Это была армия, которая никогда не знала поражений.

Александр не скрывал от персидского царя своих намерений и послал ему весть о том, что считает себя повелителем Азии: "Я, Александр, считаю все сокровища твои и всю землю твою своей". Для греков в этом не было ничего чрезмерно гордого, ведь Александр просто выражал убеждение, которого придерживался Аристотель, величайший греческий мыслитель эпохи, что греки имеют право поработать варваров.

Ни одна история завоеваний не является более романтической, чем история Александра. Впервые достигнув Малой Азии, он отправился в Илиум, где посвятил свои доспехи Афине, взял вместо них оружие, которое, по преданию, использовалось в Троянской войне, и возложил венок на могилу Ахилла. Затем он отправился в поход. Проходя через Малую Азию, он заехал в Гордиум, где увидел знаменитый Гордиев узел, которым ярмо крепилось к шесту

древней колесницы. Было сделано старое пророчество, что человек, который развяжет этот узел, будет править миром. Александр пытался ослабить его, но, потеряв терпение, взял свой меч и перерубил его. Он хотел править миром и знал, что его империя может быть завоевана только мечом.

Александр прошел через Сирию в Египет, а когда оказался в Египте, отправился в путешествие через пустыню Ливии, чтобы посоветоваться с оракулом Зевса Аммона.

Мало кто отправился бы в столь долгий и опасный путь без опасений, ведь там, скорее всего, будет нехватка воды и сильные ветры, которые разнесут ядовитый песок пустыни и приведут к смерти тех, кто его вдохнет. Но Александра было не отвлечь от задуманного, ведь до сих пор удача помогала ему во всех его планах, а смелость его нрава придавала ему страсть к преодолению трудностей. В этом путешествии боги, как всегда, благоволили ему: пошли обильные дожди, которые не только избавили солдат от страха умереть от жажды, но и сделали песок влажным и твердым для передвижения и очистили воздух. Кроме того, несколько воронов не отставали от них в походе, летя впереди и поджидая их, если они отставали; но самым большим чудом было то, что если кто-то из отряда сбивался с пути ночью, вороны не переставали кричать, пока их снова не направляли на верную дорогу.

Пройдя через пустыню, они пришли к месту, где аммонский жрец приветствовал Александра именем бога и назвал его сыном Зевса. И когда царь спросил, не избежал ли кто из убийц его отца наказания, жрец велел ему говорить с большим уважением, так как отец его не смертный. Тогда Александр пожелал узнать у оракула, не остался ли еще безнаказанным кто-либо из тех, кто убил Филиппа, и еще о владычестве, будет ли империя мира принадлежать ему? Это, ответил бог, он должен получить, и что смерть Филиппа была полностью отомщена, что доставило ему такое удовольствие, что он совершил великолепные жертвоприношения Зевсу и сделал жрецам очень богатые подарки. []¹²

Перед тем как покинуть Египет, Александр основал город Александрию,

который получил от него свое название. Это место показалось ему очень удачным для основания города, и он думал, что он станет процветающим. Поэтому его охватило горячее желание осуществить задуманное, и он сам разметил границы города, указав, где должна быть рыночная площадь, где должны быть построены храмы, указав, сколько их должно быть, каким греческим богам они должны быть посвящены, и особо выделив место для храма египетской Исиды. Он также указал, где должна быть проведена стена. Прорицатели, размышляя над некоторыми счастливыми предзнаменованиями, сказали Александру, что город станет процветающим во всех отношениях, но особенно в том, что касается плодов земли. []¹³

До своей смерти Александр основал множество городов, названных его именем, но Александрия Египетская была величайшей, и именно ей суждено было дожить до наших дней. Более двух тысяч лет она удерживает позиции одного из главных портов в восточной части Средиземноморья. Александр не хотел, чтобы он стал столицей Египта, но он хотел,

чтобы он занял место Тира, чтобы торговля, идущая с Востока, была в руках греков, а не финикийцев.

Армия поклонялась Александру, и он умел взывать к воображению своих сторонников и добиваться их преданности. Однажды его задержала тяжелая болезнь, вызванная купанием в ледяной реке. Один из его лекарей приготовил для него лекарство, но не успел он его принять, как один из его военачальников прислал царю письмо, в котором просил его остерегаться Филиппа (лекаря), который, по его словам, был подкуплен Дарием, чтобы отравить его. Прочитав письмо, Александр

положил его под подушку, никому не показывая, а когда Филипп вошел с зельем, он принял его с большой радостью и уверенностью, дав ему прочитать письмо. Стоило присутствовать при этом, чтобы увидеть, как Александр принимает снадобье, а Филипп в это время читает письмо. []¹⁴

Однажды

он совершил долгий и мучительный поход, длившийся одиннадцать дней, во время которого его солдаты так страдали от недостатка воды, что готовы были сдаться. Пока они находились в таком бедственном положении, случилось так, что несколько македонян, набравших воду в шкурах на своих мулах из найденной ими реки, пришли около полудня к тому месту, где находился Александр, и, увидев его почти задыхающимся от жажды, наполнили шлем и предложили ему. Он спросил их, кому они несут воду; они ответили, что своим детям, добавив, что если только его жизнь будет спасена, то для них это не имеет значения, хотя они все погибнут. Тогда он взял шлем в руки и, оглянувшись вокруг, увидев, что все, кто был с ним, вытянули головы и внимательно смотрят на напиток, с благодарностью вернул его, не взяв ни капли. "Ибо, - сказал он, - если я один буду пить, то у остальных не будет сердца". Когда воины услышали его слова, они все как один закричали, чтобы он смело вел их вперед, и начали хлестать своих коней. Ибо, по их словам, пока у них был такой король, они не поддавались ни усталости, ни жажде и считали себя не иначе как бессмертными. [].¹⁵

В другой раз тяготы, выпавшие на долю армии, были столь велики, что люди почти готовы были отказаться следовать за Александром дальше. Но он собрал их вместе и обратился к ним, напомнив, что он не просит никого страдать от того, от чего не страдал сам.

Я часто встаю по ночам и бодрствую за вас, - сказал он, - чтобы вы могли спать. Кто из вас знает, что он претерпел за меня больший труд, чем я за него? Я был ранен мечом в ближнем бою; в меня стреляли стрелами; и хотя я претерпел все это ради ваших жизней, вашей славы и вашего богатства, я все еще веду вас как завоевателей через всю землю и море, все реки, горы и равнины". [].¹⁶

И магия его личности заглушила весь их ропот и изгнала все их недовольство.

Вслед за этой преданной армией Александр отправился в удивительный поход, который привел его к самому краю известного тогда мира, даже за Инд в Индию. В битве за битвой он встречал тех, кто противостоял его пути, и побеждал их. Александр не знал значения слова "невозможно". Однажды ему сказали, что некий горный перевал непроходим. Для других людей так бы и случилось, но Александр приказал своим копьеносцам прорубить ступени в отвесной скале, и там, где раньше пробирались только самые уверенные козлы, Александр и его люди прошли в безопасности. Его люди шли за ним через снежные горы зимой и через жаждающие пустыни летом, вверх и вниз по нижним хребтам Гималайских гор, где лучшие европейские армии современности могут пройти только с трудом. Они пересекли равнины Индии в сезон дождей и даже прошли через страну, настолько непригодную для обитания человека, что магометанские завоеватели более позднего времени объявили ее местом, пригодным только для обитания душ погибших.

Ничто не остановило Александра - ни горные преграды, ни полноводные реки, ни раскаленные пески. Он шел, пока не достиг того, что, по его мнению, было рекой Океан, опоясывающей землю.

Везде Александр одерживал победы, пока даже сам великий царь Персии не был полностью побежден, и Александр не сел на его трон. Он сжег персидский дворец в Персеполисе, чтобы "отомстить персам за их деяния во время вторжения в Грецию, когда они разрушили Афины до основания и сожгли храмы". Он также хотел наказать персов за все другие обиды, которые они нанесли грекам". []¹⁷

Когда весть о победах Александра над персами достигла Греции, она была поражена. На протяжении веков имя великого царя олицетворяло все могущественное и непобедимое. Хотя он был изгнан из Греции, в Азии его по-прежнему считали всемогущим. Общее мнение выразил один из ораторов, рассказывая о том, что происходило в афинском собрании:

Что есть странного и неожиданного, чего не было в наше время? Мы не жили жизнью обычных людей, и то, что мы видели, станет диковинкой для потомков. Разве царь персов, тот, кто направил Афон, тот, кто перекинул мост через Геллеспонт, тот, кто требовал у греков землю и воду, тот, кто осмелился написать в своих письмах, что он владыка всех людей от восхода солнца до его захода, разве он не борется сейчас, уже не за владычество над другими, а за свою жизнь?

Александр победил Великого Царя и воссел на царский трон Персии под золотым балдахином. Но теперь, когда он достиг вершины своих амбиций и стал хозяином величайшей империи в мире, в нем произошла перемена, и он начал потакать своим страстям и предаваться всяческому распутству. Он одевался как перс, что очень обижало греков, которые завидовали растущей благосклонности царя к варвару.

Постепенно руководители армии Александра начали осознавать перемены, происходящие с их полководцем, и хотя он приобрел популярность среди персов, он начал терять ту преданность, которую до сих пор испытывали к нему греки и македонцы, и все больше отдалялся от своих старых сторонников. В конце концов они поняли, что он мечтал не о греческом завоевании Азии, а о создании мировой империи, в которой варвар будет жить на равных с греком. Александр был дальновиднее своего возраста и понял, что людей, чьи обычаи чужды тем, в которых он был воспитан, не всегда следует презирать, и что если он мечтает удержать завоеванную им мировую империю, то сможет сделать это, только

обращаясь со всеми ее частями одинаково и поощряя общение между различными расами, составляющими ее. Как бы мудро это ни было, нетрудно понять чувства пожилых греков, воспитанных в духе того, что между ними и варварами лежит пропасть, которую ничто и никогда не сможет преодолеть. Кульминацией отчуждения между Александром и его старыми товарищами стала трагическая сцена на пиру. Александр и его друзья быстро и бурно выпили, затем запели песни, в некоторых из которых высмеивались македонские офицеры, недавно потерпевшие неудачу в стычке. Присутствующие старшие мужчины были оскорблены, но Александр рассмеялся и заставил повторить песню. Клит, который был старым и верным другом царя, гневно сказал: "Нехорошо смеяться над македонцами в кругу их врагов, ибо, хотя их и постигли несчастья, они лучше тех, кто над ними смеется". Между ним и царем раздавались гневные слова, пока, не в силах сдержать ярость, Александр не выхватил копье у одного из своих стражников и не пронзил им тело Клита, который замертво упал на землю. После этого безумного поступка наступила мертвая тишина, и Александр отрезвел при виде человека, которого он любил, лежащего мертвым у его ног, убитого его собственной рукой. Он вытащил из тела копье и убил бы им себя, если бы не вмешались стражники и не отвели его силой в его покои. Всю ночь и весь следующий день он горько плакал и ни с кем не разговаривал. Наконец один из его друзей вошел в комнату, где он лежал, и громко сказал ему:

Неужели это тот Александр, на которого смотрит весь мир, лежит здесь и плачет, как раб, боясь, что скажут люди? Это сам Александр, который по праву своих завоеваний должен быть законом, решающим, что хорошо, а что плохо. Разве ты не знаешь, Александр, что Зевс изображается с Правосудием и Законом по обе стороны от него, чтобы показать, что все поступки завоевателя законны и справедливы? []¹⁸

Царя успокоили эти слова, ибо он был готов поверить, как сказал его друг, что все, что бы он ни решил сделать, правильно. Но его испортила такая лесть, которая только усилила его высокомерие и заставила больше, чем прежде, поддаваться своим страстям.

Завоевав и создав империю, которая простиралась от Греции и Македонии в Европе через всю Азию до Индии и включала Египет и Ливию, Александр собрался отправиться в очередную экспедицию на Запад и войти в Аравию. Он находился в Вавилоне и провел долгий день, занимаясь военными делами. Ближе к вечеру он покинул свое государственное кресло, чтобы немного отдохнуть. Во время его отсутствия появился полубезумный человек, который без всякого предупреждения уселся на царское кресло. Прислуга с ужасом взирала на этот поступок, казавшийся им большой нечестивостью, но выгнать его не решилась, так как ими внезапно овладел суеверный страх, и испуганными голосами они шептали друг другу, что это не предвещает ничего, кроме великой беды.

В начале лета 323 года до н. э. Александр был готов отправиться в поход, но в ночь перед тем, как покинуть Вавилон, он заболел лихорадкой. Несколько дней он еще мог заниматься делами, не вставая с постели, но ему быстро становилось хуже. Внезапно в армии поняли, что он умирает, и его старые друзья, забыв о том, что между ними возникла разлука, умоляли позволить им еще раз увидеться с ним. Их впустили в палату, где он лежал, и они молча прошли перед ним. Он был так слаб, что "не мог говорить, а только касался правой руки каждого, немного приподнимал голову и подписывался глазами". На следующий день Александр умер. Глубокая и благоговейная тишина опустилась на город и лагерь на четыре дня, а затем его генералы, найдя среди его бумаг планы западной кампании, попытались их

осуществить. Но они не увенчались успехом, и больше никогда великая армия не сражалась под единым предводительством. Лишившись почти магического вдохновения, которым обладал Александр, его преемники не смогли удержать завоеванную им империю.

Почти с момента смерти Александру поклонялись как богу. Он был великим героем своей эпохи, и даже при его жизни считалось, что он наполовину божественный. Умерший столь молодым, ему было всего тридцать три года, обладавший огромной силой и богоподобной красотой, способный на редкое великодушие, храбрый почти до безрассудства, планировавший столь масштабные завоевания, что они поражали воображение каждого, склонный к вспышкам дикого гнева и мстительной ярости, - все эти качества воспринимались как нечто большее, чем человек. Вот уже более двух тысяч лет имя Александра бессмертно на Востоке. Вряд ли найдется древний город от Вавилона почти до границ Китая, который не называл бы Александра своим основателем; его имя до сих пор хранят старые традиции и легенды; до сих пор парсы проклинают его за то, что он уничтожил древние священные персидские письмена, когда захватил Персеполис и сжег его. Последующие поколения людей расходились во мнениях относительно непреходящей ценности некоторых его работ, но имя Александра и история его героической гибели навсегда завладели воображением человечества.

[1] Из Юстина.

[2] Арриан: *Анабасис Александра*.

[3] Плутарх: *Жизнь Демосфена*.

[4] Плутарх: *Life of Demosthenes*.

[5] Третий Филиппик.

[6] Вторая Олинфская оратория.

[7] О короне.

[8] Плутарх: *Жизнь Александра*.

[9] Плутарх: *Жизнь Александра*.

[10] Ibid.

[11] Плутарх: *Жизнь Александра*.

[12] Плутарх: *Life of Alexander*.

[13] Арриан: *Anabasis of Alexander*.

[14] Плутарх: *Жизнь Александра*.

[15] Plutarch: *Life of Alexander*.

[16] Арриан: *Anabasis of Alexander*.

[17] Arrian: *Anabasis of Alexander*.

[18] Из Плутарха: *Жизнь Александра*.

ГЛАВА XIX

ДАРЫ ГРЕЦИИ МИРУ

I. ГРЕЧЕСКИЙ ДУХ

То, чего человек достигает, с точки зрения его постоянной ценности, имеет меньшее значение, чем дух, в котором он этого достигает; то, чему человек учится, имеет меньшее значение, чем то, как он учится; изучение фактов имеет меньшее значение, чем развитие определенных качеств ума. Невозможно, а если бы и было возможно, то нежелательно, воспроизвести в современной жизни условия прошлой эпохи, но определенные качества ума и духа незыблемы, и некоторые из величайших из этих качеств пришли к нам от греков.

История - это рассказ о том, как человек учился и продолжает учиться жить: как на протяжении долгих веков он стремился удовлетворить практические потребности своего тела, вопросы своего разума и поиски своего духа. [].¹

Человечество все еще находится в высоком приключении в этом тройном поиске, и еще ни одной цивилизации не удалось привести в полное соответствие потребности тела, разума и духа. Если в начале этой истории в древнем мире евреи занимают первое место среди учителей тех, кто стремился удовлетворить запросы духа, то греки являются великими учителями тех, кто стремился удовлетворить запросы разума. Греки наделяли разум человека тремя определенными качествами: любовью к свободе, любовью к истине и любовью к красоте. Это практические качества, которые совершенно определенно проявляются в том, что греки делали, в том, что они думали, и в том, что они строили, или, другими словами, в их политической истории, их литературе и их искусстве.

Не следует думать, что греки в совершенстве воплотили в жизнь свои великие идеалы. Греческая история ясно показывает, что это не так. Если история греков, рассказанная в этой книге, подчеркивает их идеалы, а не их неспособность всегда их достигать, то это потому, что их идеалы - это нетленные дары, которые они преподнесли миру. Но греки не были мечтателями; они были практичными людьми, увлеченными и заинтересованными во всех практических делах повседневной жизни. Их история показывает, как они не смогли в совершенстве воплотить свои идеалы из-за определенных слабостей характера, а также из-за определенных условий и ограничений в их жизни, из которых современные люди могут извлечь много полезных уроков. Величие греков заключается не в том, что они не сделали

или сделали несовершенно, а в их духе, в том духе, который в их политической истории, литературе и искусстве стремился к Свободе, Истине и Красоте.

Греки показали всему миру путь к свободе. Они завоевали свою национальную свободу вопреки почти непреодолимым препятствиям, ведь никогда прежде маленькая страна не сохраняла свою независимость перед лицом великой империи и не побеждала. Они также сохранили политическую свободу, которая зашла слишком далеко, ведь неспособность греческих государств создавать союзы и объединяться стала одним из источников слабости, которая в конце концов привела их к падению. Тем не менее дух твердой независимости сохранился до наших дней. Греки пошли в своем видении свободы дальше политической независимости каждого государства, и одной из их главных характеристик была личная свобода. В речи, обращенной к афинской армии перед битвой в гавани Сиракуз, Никий "напомнил им, что они жители самой свободной страны в мире и что в Афинах нет вмешательства в повседневную жизнь любого человека". [2] Современное время склонно гордиться свободой слова, разрешенной всем, но ни одно современное государство не допускает большей свободы слова (а некоторые не потерпят и столько), чем та, что была разрешена в Афинах в пятом веке до нашей эры, когда Аристофан писал свои сатирические комедии.

Греки любили правду. Под этим подразумевается не правдивость, поскольку греки были неискренними и никогда не доверяли даже друг другу, а дух, который хотел видеть все вещи прямо, "с незамутненной ясностью ума"; дух, который мог четко различать добро и зло, который мог судить без предрассудков и страстей, и, прежде всего, дух, который знал свои собственные ограничения и признавал то, чего он не знал. Возможно, величайшим греческим искателем истины был Сократ, и некоторое знакомство с его жизнью и учением покажет нам, чем мы обязаны Греции в истории о том, как человеческий разум обрел свободу в поисках истины.

II. СОКРАТ

В последние годы Пелопоннесской войны в Афинах можно было увидеть странную фигуру: невысокий, некрасивый, странного вида человек, плохо одетый и совершенно равнодушный к критике его привычек или внешнего вида, но человек, которого все слушали, когда он начинал говорить. Это был Сократ, греческий философ.

Его отец был камнерезом и бедным человеком, но, похоже, он дал своему сыну лучшее образование, которое можно было получить в Афинах, так как Сократ часто цитировал греческую литературу, особенно Гомера, и говорил, что изучал со своими друзьями "сокровища, которые мудрецы древности оставили нам в своих книгах".

О ранней жизни Сократа известно очень мало, но его юность и ранняя молодость пришлось на величайшие годы афинской истории. Он родился через десять лет после того, как персы были разбиты при Платее и изгнаны из Греции; еще мальчиком он видел, как возводились Длинные стены; он вырос в Афинах Перикла, современника Софокла и Еврипида, Фидия и Фукидида. Когда над Афинами сгустились тучи и пришла война, он служил в армии простым солдатом; он пережил недолгие триумфы и трагические катастрофы, постигшие город; он

голодал, когда не хватало еды, видел осаду и взятие Афин, наблюдал разрушение Длинных стен и пережил террор, когда в Афинах правили Тридцать. Это была жизнь, прожитая в очень бурные времена, и Сократ принимал в них участие. Во время войны он служил в одном из северных походов и поражал всех своей необыкновенной способностью переносить голод и жажду, а также все тяготы холодной фракийской зимы. Один из его друзей говорит об этом времени, что

его стойкость в перенесении холода была удивительной. Стояли сильные морозы, так как зима в тех краях действительно огромна, а все остальные либо оставались дома, либо, если выходили, были одеты в удивительное количество одежды, обуты и обмотаны войлоком и шерстью: среди этого Сократ с босыми ногами на льду и в обычной одежде шел лучше, чем другие солдаты, у которых была обувь, и они смотрели на него с кинжалами, потому что он, казалось, презирал их. Стоит послушать и другой рассказ о том, что он делал в этой экспедиции. Однажды утром он задумался над чем-то, что никак не мог решить; он не мог от этого отказаться, но продолжал думать с раннего рассвета до полудня - так и стоял, застыв в раздумье; в полдень на него обратили внимание, и по удивленной толпе пронеслось замечание, что Сократ стоит и думает о чем-то с самого рассвета. Наконец вечером, после ужина, некоторые ионийцы из любопытства (надо пояснить, что дело было не зимой, а летом) вынесли свои циновки и легли спать под открытым небом, чтобы понаблюдать за ним и узнать, будет ли он стоять всю ночь. Так он и простоял до следующего утра, а с возвращением света вознес молитву Солнцу и отправился в путь. []³

По окончании войны Сократ жил в Афинах, ему было уже более шестидесяти лет. Он занимал один или два государственных поста и был известен своим бесстрашным отказом делать то, что считал неправильным. Однажды он отказался подчиниться отданным ему приказам, поскольку считал, что подчинение повлечет за собой совершение того, что он считал неправильным. "Я показал, - говорил он, - не просто словами, а своими действиями, что смерть меня не волнует ни на йоту, но очень волнует то, что я поступаю неправильно".

Сократ был очень беден, и, поскольку он не брал денег за свое учение, его средства к существованию были очень скудными. Он ходил босиком, у него был только один плащ, который он носил до тех пор, пока тот не стал настолько старым, что это стало предметом шуток среди его друзей. У него не было не только никакой роскоши, но и почти ничего необходимого для жизни, однако он был вполне доволен и говорил: "Как много есть вещей, которые мне не нужны". Сократ женился на Ксантиппе, женщине самого буйного нрава. Он говорил, что с беспокойной женщиной надо жить так, как всадники управляют буйными лошадьми; и "как они, - говорил он, - овладев ими, легко управляют всеми другими, так и я, управившись с Ксантиппой, могу легко жить с любой другой". [].⁴

Афиняне всегда отличались высоким интеллектом и пытались решить всевозможные проблемы. Они спрашивали, как возникли вещи, как они продолжают существовать, из чего они сделаны и тому подобные вопросы. Но когда Афины превратились в империю и стали править множеством людей и государств, вопросы стали меняться. Людям меньше интересовало происхождение вещей, чем вопросы, вытекающие из их повседневного опыта. Они спрашивали, что такое государство, что такое гражданин, что такое справедливость, что такое воздержание, мужество, трусость и так далее. Чтобы ответить на эти вопросы, в Афинах возникла группа учителей, которых называли софистами, или *мудрецами*. Они преподавали

всевозможные предметы и основали множество школ. Старые греческие учителя не любили этих софистов, отчасти потому, что они брали деньги за обучение, а до сих пор, хотя афинские философы и принимали подарки, они никогда не брали определенной платы; отчасти потому, что они преподавали так много предметов, что считалось, что они не могут научить ничему основательно; отчасти потому, что они, казалось, стремились научить молодых людей спорить, чтобы победить своих противников, а не искать истину; и прежде всего потому, что они часто были скептически настроены по отношению к существованию богов. Среди софистов было несколько очень хороших учителей, и они открыли афинянам множество новых областей мысли, но слабой стороной их учения было то, что они излагали только общие принципы и часто утверждали как абсолютные факты то, что никогда не было точно доказано в ту или иную сторону. Они небрежно употребляли слова, не задумываясь об их истинном значении, и никогда не предполагали, что есть что-то, чего они не знают.

Сократ увидел, что хотя учение софистов может увеличить количество *информации*, оно смертельно опасно для настоящего мышления, и он начал преподавать в Афинах, чтобы показать, что такое настоящее мышление. Он преподавал не в школе, у него не было занятий, и он не брал за это никакой платы. Он был готов говорить с любым и каждым, кто его слушал. Он всегда

Он всегда жил на виду: ранним утром его можно было увидеть на одной из набережных или площадок для борьбы; в полдень он появлялся с собирающейся толпой на рыночной площади; а когда день угасал, везде, где можно было встретить самую большую толпу, можно было найти его, говорящего по большей части, а все желающие могли остановиться и послушать. []5

Сократ беседовал и расспрашивал всех и каждого, пытаясь показать людям, что такое настоящее знание. Он был полон страстной веры в то, что истина важнее всего. Он говорил, что делать неточные заявления и использовать слова с неправильным или небрежным значением - "не только само по себе преступление, оно еще и порождает зло в душе". Он показывал тем, кто его слушал, какое зло происходит от притворства в знании того, чего не знаешь, и первым шагом в его учении было заставить их осознать свое невежество. Для этого он задавал им вопросы и устраивал перекрестные допросы, пока они не противоречили сами себе или не находили ответа, и в итоге оказывались в безнадежном затруднении, просто потому, что с самого начала не признавали, что не знают того, о чем он спрашивал. Один из его друзей однажды сказал: "Воистину, Сократ, я больше не верю в свои ответы; все кажется мне не таким, как раньше", а другой, говоря о нем, сказал: "Сократ заставляет меня признать собственную никчемность. Мне лучше молчать, ибо кажется, что я вообще ничего не знаю".

Сократ считал, что добродетель - это знание, что если человек знает, что что-то неправильно, он не будет этого делать, а тот, кто знает, что правильно, всегда будет это делать. В этом Сократ не был полностью прав, он видел лишь часть истины, но его величие заключается в том, что он первым начал учить тому, как важно иметь основания для того, во что мы верим, как важно приобрести точные привычки ума, и что поиск знаний - это поиск, богатый воображением и красотой.

Сократ постоянно спорил, говорил, задавал вопросы, но он никогда не был груб или невежлив с теми, кто не соглашался с ним, никогда не приносил в свои аргументы свои личные чувства и не опускался до выражения уязвленной гордости или раздражения.

Учение Сократа открывало слушающим его людям возможности, к которым может привести знание истины, и он имел огромное влияние на многих молодых афинян. Для них все это было в новинку, они никогда раньше не слышали ничего подобного. "Отрывочные сведения о тебе и твоих словах, - сказал один из них, - даже из вторых рук, и как бы несовершенно они ни повторялись, поражают и овладевают душой каждого, кто их слышит",

Я слышал Перикла и других великих ораторов, и мне казалось, что они говорят хорошо, но я никогда не испытывал подобного чувства; моя душа не волновалась от них, и я не возмущался при мысли о своем собственном рабском состоянии. Но этот Сократ часто доводил меня до такого состояния, что мне казалось, будто я с трудом переношу ту жизнь, которую веду. Ведь он заставляет меня признать, что я не должен жить так, как живу, пренебрегая нуждами собственной души. И он - единственный человек, который когда-либо заставлял меня стыдиться, и нет никого другого, кто делал бы то же самое". []6

Но если Сократ приобрел друзей, то его метод разоблачения невежества других нажил ему и врагов. Никому до него не приходили в голову подобные мысли, и для простых афинян его вопросы казались нечестивыми. Но Ксенофонт, один из его друзей, рассказывает, что "никто никогда не слышал, чтобы он говорил, и не видел, чтобы он делал что-то нечестивое или непочтительное, и он был настолько благочестив и набожен, что не сделал бы ни шагу помимо воли небес". Однако его враги утверждали, что он не верит в богов. Его учение было тем более тревожным, что Афины, побежденные Спартой, только что пережили ужасные месяцы правления Тридцати, и хотя они были изгнаны (это было в 399 году до н. э.), Афины находились в состоянии беспорядка, страха и подозрительности. На любого, кто учил чему-то новому, смотрели как на возможного врага государства, и враги Сократа воспользовались этой возможностью, чтобы выдвинуть против него конкретные обвинения. Они заявили: "Сократ виновен в том, что не верит в богов, которым поклоняется город, а привносит других, чуждых божеств; он также виновен в том, что развращает юношей, и наказание, которое он понес, - смерть". [].7

Последовал суд. В афинском суде сначала выступали обвинители, а затем обвиняемому давали возможность защищаться. Платон, великий ученик Сократа, передал нам речь своего учителя на суде, известную как *"Апология Сократа"*. В ней философ, уже семидесятилетний старик, изложил принципы, которыми он руководствовался в своем учении.

Он начал с того, что никогда не учил людей не верить в богов и что обвинения в нечестии против него были ложными, но он сказал, что было бы справедливо спросить его, что именно он пытался сделать, что дало повод для таких сообщений. Тогда он рассказал им историю о том, как его друг отправился в Дельфы и спросил оракула, есть ли человек мудрее его, и оракул ответил, что такого человека нет.

Теперь поймите, почему я вам это рассказываю. Я собираюсь объяснить вам происхождение моей непопулярности. Когда я услышал об оракуле, я задумался. Что может иметь в виду Бог под этим мрачным изречением? Я прекрасно знаю, что я не мудр даже в самой малой степени. Тогда что он может иметь в виду, говоря, что я мудрейший из людей? Не может быть, чтобы он говорил неправду, ведь он бог и не может лгать. И долгое время я не мог понять его смысла: потом, с большой неохотой, я обратился к нему за поиском таким образом. Я

отправился к человеку, который слыл мудрым, думая, что там, если где-нибудь, я докажу, что ответ неверен, и намереваясь указать оракулу на его ошибку и сказать: "Ты сказал, что я мудрейший из людей, но этот человек мудрее меня".

Но Сократ продолжал говорить, что после беседы с этим человеком, который был политиком, он обнаружил, что тот не мудр, потому что думает, что знает то, чего не знает, и потому что не хочет признать свое невежество. Он попытался доказать ему, что тот не мудр, но добился лишь того, что сделал его своим врагом.

Затем, [сказал Сократ], я пошел к другому, который считался еще более мудрым, чем предыдущий, и получил точно такой же результат. И там я снова сделал его и многих других людей своими врагами.

В результате этого экзамена, афиняне, я нажил себе много врагов очень яростных и ожесточенных, которые распространили обо мне множество клеветы, и говорят, что я "мудрец". Ибо сторонние наблюдатели всегда думают, что я сам мудр в любом деле, где я уличаю другого человека в невежестве. Но, друзья мои, я верю, что по-настоящему мудр только Бог, и что этим прорицанием он имел в виду, что мудрость людей мало чего стоит или вообще ничего не стоит. Я не думаю, что он имел в виду, что Сократ был мудрым. Он лишь использовал мое имя и взял меня в качестве примера, как будто хотел сказать людям: "Тот из вас самый мудрый, кто, подобно Сократу, знает, что на самом деле его мудрость ничего не стоит". И потому я до сих пор продолжаю испытывать и изучать каждого человека, которого считаю мудрым, будь то гражданин или чужеземец, как повелел мне Бог; и всякий раз, когда я нахожу, что он не мудр, я указываю ему от имени Бога, что он не мудр. И я так занят этим делом, что у меня никогда не было досуга принять какое-либо достойное упоминания участие в общественных делах или позаботиться о своих частных делах. Я нахожусь в очень большой бедности из-за моего служения Богу". [].8

Далее Сократ стал доказывать, что ничто в его учении не могло развратить юношей, как утверждали его враги, и доказывать свою веру в богов. Он знал, что его судили за жизнь, но никакой страх смерти не помешал ему говорить то, что он считал истиной.

Друзья мои, - говорил он, - если вы думаете, что хоть сколько-нибудь стоящий человек должен считаться с шансами на жизнь и смерть, когда действует, или что он должен думать только о том, правильно или неправильно он поступает и как поступил бы хороший или плохой человек, то вы жестоко ошибаетесь. Было бы очень странным поведением с моей стороны, если бы я оставил свой пост сейчас из-за страха смерти или чего-либо еще, когда Бог повелел мне, как я убежден, что Он это сделал, провести свою жизнь в поисках мудрости и в исследовании себя и других. Это было бы очень странно, и тогда, конечно, меня можно было бы по справедливости привлечь к суду за неверие в богов; ведь я должен был бы послушаться оракула, бояться смерти и считать себя мудрым, когда я не был мудрым. Бояться смерти, друзья мои, значит считать себя мудрым, не будучи мудрым: ведь это значит думать, что мы знаем то, чего не знаем. Ведь что бы ни говорил человек, смерть может быть величайшим благом, которое может с ним случиться, но они боятся ее так, словно прекрасно знают, что это величайшее из зол. А что это такое, как не постыдное невежество - думать, что мы знаем то, чего не знаем?

Афиняне, если вы предадите меня смерти, вам нелегко будет найти другого человека на мое место. Бог послал меня напасть на город, как если бы это был большой и благородный конь, по причудливому выражению, который был довольно вял для своих размеров и которого нужно было бы разбудить оводом; и я думаю, что я и есть тот овод, которого Бог послал в город, чтобы напасть на него; ибо я не перестаю наседать на вас, как на всякого, и целый день призываю, и увещаю, и обличаю каждого из вас. [].⁹

Затем Сократ упомянул об афинском обычае, согласно которому, когда человека судили за жизнь, его жена и дети иногда являлись в суд, чтобы воззвать к жалости судей и таким образом добиться благоприятного приговора, но он отказался это сделать, ибо, зная, что судьи дали клятву вершить правосудие по справедливости, он считал, что такой поступок с его стороны будет попыткой заставить их нарушить клятву.

Если бы я добился успеха и своими молитвами заставил вас нарушить клятвы, я бы явно учил вас верить в то, что богов нет, и своей защитой просто обвинил бы себя в неверии в них. Но, афиняне, это очень далеко от истины. Я верю в богов, как не верит в них ни один из моих обвинителей, и вам и богу я передаю свое дело, чтобы оно было решено так, как лучше для вас и для меня".

Сократ был признан виновным 281 голосом против 220, и наказанием ему была назначена смерть. По афинским законам он имел право предложить альтернативное наказание.

Какое наказание я предложу вам, афиняне? То, что я заслужил, конечно же, не должен? Какую награду следует назначить бедному благодетелю, которому требуется досуг, чтобы увещевать вас? Нет для него такой награды, афиняне, как публичное содержание в Пританеуме. Это гораздо более подходящая награда для него, чем для любого из вас, кто одержал победу на Олимпийских играх со своим конем или колесницей. Поэтому, если я предлагаю наказание, которого я действительно заслуживаю, я предлагаю это - публичное содержание в Пританеуме.

Или мне предложить тюремное заключение? И почему я должен провести остаток своих дней в тюрьме, будучи рабом сменяющих друг друга чиновников? Или я предложу штраф с заключением в тюрьму до его уплаты? Я уже сказал вам, почему я этого не сделаю. Мне придется и дальше сидеть в тюрьме, потому что у меня нет денег, чтобы заплатить штраф. Тогда может быть, мне предложить изгнание? Возможно, вы согласитесь на это. Жизнь была бы мне очень дорога, если бы я был настолько неразумен, чтобы ожидать, что посторонние люди с радостью будут терпеть мои беседы и рассуждения, в то время как вы, мои сограждане, не можете их вынести и нашли их настолько тягостными и одиозными для себя, что теперь стремитесь освободиться от них. Нет, афиняне, это вряд ли. Прекрасную жизнь вел бы я для старика, если бы удалился из Афин и провел остаток своих дней в скитаниях из города в город и постоянном изгнании". [].¹⁰

Альтернативные варианты не были приняты, как и знал Сократ, и он был приговорен к смерти. Он принял приговор спокойно, "с бесконечной мягкостью и мужественностью".

Говорят, никто на памяти людей не склонял голову перед смертью более благородно". [11] Но Сократу смерть не внушала никаких ужасов.

Если смерть [сказал он своим судьям] - это путешествие в другое место, и верно общее мнение, что есть все, кто умер, то какое благо может быть больше этого? Разве не стоит совершить путешествие, в конце которого, на том свете, мы освободимся от самозванных судей, которые находятся здесь, и найдем истинных судей, которые, как говорят, заседают в суде внизу? Или чего бы вы не отдали, чтобы побеседовать с Орфеем и Гомером? Я готов много раз умереть, лишь бы это было правдой. И прежде всего я мог бы потратить свое время на то, чтобы изучить тех, кто там, как я изучаю людей здесь, и выяснить, кто из них считает себя мудрым, когда он не мудр. Чего бы мы не отдали, мои судьи, чтобы иметь возможность исследовать великого предводителя экспедиции против Трои, или Одиссея, или бесчисленное множество других мужчин и женщин, которых мы могли бы назвать? Это было бы бесконечным счастьем - беседовать с ними, жить с ними и исследовать их. Уверен, что там за это не предадут смерти. Ведь помимо всего прочего, в чем они счастливее нас, они бессмертны, по крайней мере, если верить общему мнению.

Но вот пришло время, и мы должны отправиться в путь: я - умирать, а ты - жить. Что лучше - жизнь или смерть - известно Богу, и только Богу". [].12

Сократа отвели в тюрьму, где он провел месяц, прежде чем приговор был приведен в исполнение. Задержка была вызвана отплытием священного корабля, предположительно корабля Тесея, который только отправился в свое ежегодное плавание на Делос, и ни один афинянин не мог быть предан смерти во время его отсутствия. [13] Этот месяц он провел в беседах со своими друзьями, особенно с Крито, который был ему очень предан и уговаривал его бежать из тюрьмы, что он мог бы легко устроить. Но мужественный старик, верный своим принципам до конца, отказался и напомнил Критону, что всю свою жизнь он учил, что самое большое несчастье, которое может постигнуть человека, - это совершить зло, а самое большое преступление, которое человек может совершить против своего государства, - это нарушить его законы.

Наступил последний день. Историю этого дня рассказал один из присутствовавших:

Я попытаюсь рассказать вам всю историю с самого начала. В предыдущие дни я и другие присутствовавшие всегда собирались утром в суде, где проходил процесс, который находился недалеко от тюрьмы; затем мы шли к Сократу. Каждое утро мы ждали, пока откроют тюрьму, и разговаривали: ведь ее не открывали рано. Когда ее открывали, мы входили к Сократу и обычно проводили с ним весь день. Но в это утро мы встретились раньше обычного, так как накануне вечером, выйдя из тюрьмы, мы узнали, что корабль прибыл с Делоса. Поэтому мы договорились быть на обычном месте как можно раньше. Когда мы подошли к тюрьме, к нам вышел привратник, который обычно впускал нас, и велел немного подождать и не входить, пока он сам нас не позовет: "Ибо одиннадцать, - сказал он, - освобождают Сократа от оков и дают указания о его смерти сегодня". Через некоторое время он вернулся и велел нам войти. Мы вошли и увидели, что Сократ только что

освобожден, а Ксантиппа, вы ее знаете, сидит рядом с ним, держа на руках его ребенка. Увидев нас, Ксантиппа громко зарыдала и по-женски воскликнула: "В последний раз, Сократ, ты говоришь со своими друзьями, а они с тобой". И Сократ, взглянув на Крито, сказал: "Крито, пусть ее отведут домой". И некоторые из слуг Критона повели ее, горько плачущую и бьющуюся в грудь. [].¹⁴

Сократ и его друзья снова беседовали, и снова он выражал свою радость по поводу того, что "идет туда, где надеется обрести мудрость, которой страстно желал всю свою жизнь". Они проговорили вместе до позднего вечера, а затем он встал и отправился в другую комнату, чтобы принять ванну:

Крито пошел с ним и велел нам ждать. Так мы и ждали, говоря о нем и размышляя о величии обрушившегося на нас несчастья: казалось, что мы потеряем отца и останемся сиротами до конца жизни. Когда он искупался и к нему привели детей - у него было два сына совсем маленьких и один взрослый - и пришли женщины из его семьи, он поговорил с ними в присутствии Крито и дал им свои последние наставления; затем он отослал женщин и детей и вернулся к нам. К тому времени уже близился час заката, так как он долгое время находился внутри. Вернувшись к нам, он сел, но после этого почти ничего не говорил.

Вскоре вошел тюремщик и сказал ему, что настал час его смерти:

Я нашел вас самым благородным и лучшим человеком, который когда-либо приходил сюда; и теперь я уверен, что вы будете сердиться не на меня, а на тех, кто, как вы знаете, виноват. Итак, прощайте и постарайтесь как можно легче перенести то, что должно случиться; вы знаете, зачем я пришел.

С этими словами он с плачем отвернулся и вышел.

Тогда Крито сделал знак своему рабу, стоявшему рядом, и раб вышел, а через некоторое время вернулся с человеком, который должен был дать яд, неся его в чаше. Увидев его, Сократ спросил: "Ты понимаешь все это, мой добрый господин, что же мне делать?"

"Ты должен только выпить это, - ответил тот, - и ходить, пока не почувствуешь тяжесть в ногах, а потом лечь; и это подействует само собой". С этими словами он протянул чашу Сократу, который принял ее вполне бодро, не дрогнув, не изменив ни цвета, ни черт лица, и, посмотрев на него своим неподвижным взглядом, спросил: "Что ты скажешь о том, чтобы сделать возлияние из этого напитка? Можно или нет?" "Мы готовим только столько, сколько считаем достаточным, Сократ", - ответил он. "Я понимаю", - сказал Сократ. "Но я полагаю, что могу и должен молить богов о том, чтобы мое путешествие было благополучным: такова моя молитва; да будет так". С этими словами он поднес чашу к губам и выпил яд совершенно спокойно и весело. До тех пор большинство из нас умело сдерживать свое горе; но когда мы увидели, что он пьет, а затем яд закончился, мы уже не могли этого сделать: у меня, несмотря

на меня, быстро полились слезы: это было не из-за него, а из-за моего собственного несчастья - потерять такого друга. Еще раньше Крито не смог сдержать слез и ушел, а Аполлодор, который все это время ни разу не переставал плакать, разразился громким плачем и заставил всех нас, кроме самого Сократа, сокрушаться от рыданий и горя. "Что вы делаете, друзья мои?" - воскликнул он. "Я отослал женщин, чтобы они не оскорбляли меня таким образом; ведь я слышал, что мужчина должен умереть в тишине. Так что успокойтесь и терпите". Когда мы услышали это, нам стало стыдно, и мы перестали плакать. [].¹⁵

Сократ немного походил, но вскоре лег на кушетку, и медленно оцепенение охватило его. Он знал, что когда оно дойдет до сердца, он умрет. Он снова заговорил. "Крито, - сказал он, - я должен петуха Эскулапию; не забудь заплатить". Это были его последние слова, и через несколько минут он умер.

Таков был конец [сказал друг, который был с ним до последнего] человека, который, я думаю, был самым мудрым, самым справедливым и самым лучшим человеком, которого я когда-либо знал. Но я не жалел его, ибо он казался мне счастливым, как в поведении, так и в словах, настолько бесстрашно и благородно он умер. Я не мог не думать о том, что боги будут присматривать за ним во время его путешествия на тот свет и что, когда он придет туда, все будет хорошо с ним, если вообще будет хорошо с человеком". []¹⁶

III. ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ФИЛОСОФЫ

Слово "*философия*" означает любовь к мудрости, и для греков эта мудрость заключалась в серьезных усилиях, направленных на понимание мира и человека. Для нас *философия* обычно означает мудрое понимание правильного образа жизни, но у греков она включала в себя многое из того, что мы сегодня называем *наукой*. Греческая философия была нацелена на то, чтобы выяснить происхождение вещей и на основе этого знания выстроить правильный образ жизни. Сегодня мы не идем к грекам учиться науке: их ответы на поставленные вопросы были, некоторые из них, неправильными, а некоторые - неадекватными. Но современная наука стала возможной благодаря тем качествам ума, которые греки привнесли в свои исследования: их страстному желанию узнать правду о вещах, их способности заглянуть за старые суеверия и увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле, их открытости и готовности принять новые истины, их способности к терпеливому изучению и наблюдению и достижению неизвестного из известного.

Самые ранние греческие философы жили в Ионии в шестом веке до нашей эры, а самыми великими из них были Фалес из Милета и Пифагор из Самоса. О Фалесе уже кое-что сказано. [17] Он пошел дальше, чем египтяне и вавилоняне, не столько благодаря новым открытиям, которые он сделал, сколько потому, что он привнес в эти открытия не только желание узнать, что они являются фактами, но и желание заглянуть за факты и найти причину их существования.

Фалес дожил до преклонных лет, но ни возраст, ни немощи не ослабили его рвения к познанию, и

Рассказывают, что однажды старуха вывела его из дома, чтобы понаблюдать за звездами, и он упал в канаву и стал причитать, на что старуха сказала ему: "Неужели ты, о Фалес, не видящий того, что у тебя под ногами, думаешь, что поймешь, что на небе?" []18

Пифагор Самосский жил позже Фалеса, в шестом веке. Он был великим путешественником и, похоже, посетил не только материковую Грецию, но и Египет и Крит, где много редких впечатлений, заходя в сокровенные части храмов, куда, как правило, не пускали посторонних. Он также побывал в Италии, где основал школу и собрал вокруг себя около трехсот учеников.

Пифагор учил, что мир круглый, и, насколько известно, был первым мыслителем, сделавшим это открытие, хотя в это поверили только спустя почти две тысячи лет. Именно Пифагор заложил основы последующих математических знаний, особенно в геометрии и арифметике, и учил, что существует наука о числах, помимо их использования в качестве практического средства вычисления.

В V веке до н. э. Афины стали империей и "школой Эллады", и центр греческой образованности находился уже не в Ионии, а в Афинах. История Сократа уже была рассказана. [19] Этот великий учитель ничего не писал сам, потому что считал, что для человека важнее хорошо жить, чем хорошо писать, и что его особый способ преподавания и постоянное общение с людьми - лучший способ научить тем истинам, в которые он верил. Однако рассказ о его жизни и учении был записан и передан миру его учеником Платоном, который продолжил дело своего учителя. Платону было около двадцати восьми лет, когда Сократ был предан смерти, и в течение двенадцати лет после этого он путешествовал. Затем он вернулся в Афины, купил дом и сад (в отличие от Сократа он был зажиточным) и провел следующие сорок лет своей жизни, преподавая в Академии. Платон был идеалистом, и, помимо своих трудов о Сократе, он оставил нам "*Республику*" - картину того, каким, по его мнению, должно быть идеальное государство, и некоторые другие работы, в которых он подробно обсуждает, какие вещи наиболее достойны того, чтобы люди стремились к ним в жизни, и почему они должны стремиться к ним. Он учил, что к добру стоит стремиться ради него самого, а не ради материального вознаграждения, которое можно получить за его достижение. Во всем своем учении он подчеркивает, что величайшие вещи в жизни и те, которые вечны, не всегда те, которые можно увидеть, и что душа человека живет не материальными вещами, а мудростью, красотой, истиной и любовью. Важность Платона в этом учении заключается в том, что он был предшественником великих христианских писателей, которые вместе со святым Павлом верили, что "видимое - временно, а невидимое - вечно". [].20

В юности Платон увидел в Афинах, находившихся под властью Тридцати, беззаконие и неразбериху, которые возникали в результате тиранического порядка в государстве, и "*Республика*" стала попыткой показать, какой, по его мнению, могла бы быть жизнь в идеальном государстве. Его видение не слишком практично, но Платон не был практичным государственным деятелем. Огромная ценность "*Республики*" для современного мира заключается в том, что именно потому, что ее идеалы никогда не могут быть полностью осуществлены, вопросы, которые приходилось решать всем государственным деятелям во все века, могли обсуждаться и обсуждались бесстрашно, без компромиссов и условностей, которыми обременена современная политика.

Платон умел писать и о других вещах, помимо политики и идеалов. У него был поэтический дар, который проявился во многих сказках, которые он то и дело вставлял в свои сочинения, зная, что иногда в такой форме легче донести до читателя великую истину. Однажды Сократ с другом гуляли у ручья Илисс. Стоял жаркий летний день, и, поскольку они были босыми, они охладили ноги в воде, а затем сели под тенью платана, чтобы отдохнуть и поговорить. И пока они отдыхали, Сократ рассказал своему другу легенду о кузнечиках. Говорят, что они были

людьми в эпоху до появления муз. И когда пришли Музы и зазвучали песни, они были в восторге; и пели всегда, не думая о еде и питье, пока, наконец, в забытьи не умерли. И вот теперь они снова живут в кузнечиках; и вот что возвращают им Музы: они не испытывают ни голода, ни жажды, но с момента своего рождения всегда поют, не едят и не пьют; а когда умирают, идут и сообщают Музам на небесах, кто чтит их на земле. []²¹

Когда Филиппу Македонскому понадобился лучший из известных греческих учителей в качестве наставника для своего сына Александра, он послал за Аристотелем. Мы очень мало знаем о жизни Аристотеля. Он был учеником Платона в Академии в течение двадцати лет и усвоил лучшее из того, чему мог научить его великий философ. По возвращении из Македонии он основал в Афинах собственную школу - Лицей, где и провел остаток жизни, обучаясь и учась. Он умер в 322 году до нашей эры, через год после своего ученика Александра. Но если о подробностях его жизни известно немного, то о его характере мы знаем кое-что из того, что говорил о нем Александр, и о том, как он его уважал, а о доброте его натуры - из сохранившегося завещания. Он обеспечил всех, кто верно служил ему, и дал свободу многим из своих рабов. Он был дважды женат, и его вторая жена, "которая вела себя так хорошо по отношению ко мне", была так обеспечена, что могла выйти замуж снова, и он принял меры для замужества своей дочери. Когда читаешь о жизни афинского мужчины и афинской женщины, кажется, что их пути далеко расходятся, а жена мало участвует в интересах своего мужа. В своем завещании Аристотель дает нам представление о том месте, которое иногда, по крайней мере, занимала жена. Он оставил распоряжение, чтобы кости его первой жены, жены его юности, были взяты из места упокоения и похоронены вместе с его костями, и это должно было быть сделано "так, как она сама распорядилась".

Творчество Аристотеля поражает воображение, ведь он не только писал на все мыслимые темы, но и писал как мастер. Более тысячи лет после его смерти написанные им книги изучались в школах и университетах и составляли основу всего образования. Он писал по астрономии, математике, биологии, ботанике и многим другим предметам, и его не только называли *отцом естествознания*, но его труды оставались стандартным авторитетом по многим научным предметам на протяжении веков после его смерти. Аристотель был более практичным, чем Платон, хотя и менее вдохновляющим писателем. Как мы уже видели, он тоже писал об идеальном государстве в своей "*Политике*". [²²] Аристотель считал, что жизнь государства подобна жизни отдельного человека; что целью обеих должна быть благородная жизнь, и что мир и справедливость между государствами так же важны, как и между отдельными людьми. Но он не просто описал идеальное государство; он описал воспитание, которое такое государство должно давать своей молодежи, результатом которого должно быть не то, что человек должен хвастаться тем, что его государство велико и славно, а то, что, будучи гражданином такого государства, во всем, что он делает, он должен стремиться быть достойным ее.

Греческая философия и наука зародились в Ионии, а затем перешли в Афины. Мыслителям четвертого века до нашей эры падение Афин должно было казаться великой катастрофой, но на самом деле оно принесло миру огромную пользу. Греческий дух был одной из тех нетленных вещей, которые не могут умереть, и он должен был выйти из Афин и распространиться по более широкому миру, чем тот, который он знал до сих пор. Сначала он распространился в Александрии, где в эпоху эллинизма появилась следующая великая группа философов и ученых.

IV. ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИКИ

Слово "*история*" - греческое и означает "*расследование*". Греки не были первыми людьми в мире, которые написали историю, но они написали ее так, как она никогда не писалась раньше, и некоторые из величайших историй в мире - это те, которые были написаны греками. Эти писатели не довольствовались простым изложением происходивших событий, они делали то, что означает слово "*история*", - расследование. Они обладали воображением не только для того, чтобы ярко описать события и сцены, но и для того, чтобы почувствовать, что чувствовали люди, о которых они писали, и понять страсти, которые двигали ими в великие кризисы их истории. Они были первыми историками, которые взяли на себя труд выяснить, почему народы и отдельные люди действовали так, как действовали, и просеять их свидетельства, выяснив, что было правдой, а что ложью.

Старейшим из греческих историков был Геродот, *отец истории*, иониец, родившийся в Галикарнасе в 484 году до н. э. Большую часть своей жизни он провел в путешествиях, во время которых собирал материалы, которые впоследствии использовал в своей истории. Он был человеком, которого сильно интересовало все, что он видел, очень доверчивым путешественником, потому что он, кажется, верил почти всему, что ему рассказывали: старым преданиям, всевозможным чудесным происшествиям и многим вещам, которые, как очевидно, никогда не могли произойти. Хотя он, несомненно, верил во многое, что было неправдой, он не проглатывал все, что ему говорили, ибо после рассказа о каком-нибудь чуде он говорил: "Я обязан сообщать обо всем, что говорят, но не обязан в это верить".

Геродот был глубоко религиозным человеком и жил до тех тревожных дней, когда люди начали сомневаться в существовании богов. Для него история была великой драмой, сюжетом которой был триумф грека над варваром, который он воспринимал как волю богов, и для него, как и для всех благочестивых греков его времени, любой проступок, любое неповиновение воле богов влекло за собой наказание, возмездие, то, что греки называли Немезидой.

Как рассказчик Геродот не имеет себе равных. Он написал свою историю для того, чтобы "великие и удивительные деяния, совершенные греками и персами, не были лишены славы", и предыдущие книги, в которых излагается все, что он узнал в своих путешествиях по Востоку, по Египту и Вавилонии, Лидии и Персии, ведут к великой кульминации - вторжению персов в Грецию. [23] На страницах Геродота мы вновь, как нигде больше, переживаем все волнения и трепет тех дней, когда Греция сражалась с варваром и изгоняла его из страны.

Величайшим из греческих историков был Фукидид, великий не только среди греческих писателей, но и среди историков всего мира. Он родился около 471 года до н. э. и написал историю Пелопоннесской войны. Фукидид был афинянином, человеком состоятельным и

занимавшим хорошее положение, и был одним из немногих, кто переболел чумой и оправился от нее. Пока шла война, он стремился сражаться и помочь довести ее до победного конца, но его ждала гораздо более великая карьера. Его избрали генералом и отправили во главе армии освободить Амфиполь и предотвратить его сдачу спартамцам. Но он прибыл слишком поздно, город уже был взят, и в результате он был сослан. [24] Этой ссылке мы обязаны его историей.

Фукидид - один из самых точных и беспристрастных историков. Он был преисполнен неизменной любви к Афинам, но, в отличие от некоторых афинян, не испытывал горечи по отношению к ней за свое изгнание. Единственное замечание, которое он делает по поводу своего изгнания, - это то, что оно дало ему возможность написать свою историю. Он был абсолютно справедлив к обеим сторонам, и сам рассказывает нам о том, как он старался быть точным и ничего не принимать на веру, основываясь лишь на традициях.

Люди не различают, [говорил он], и слишком готовы принимать древние предания как о своих, так и о чужих странах; и так мало хлопот они доставляют себе в поисках истины; так охотно они принимают все, что попадает под руку. О событиях войны я не осмеливался рассказывать ни по случайным сведениям, ни по собственным представлениям; я описывал только то, что видел сам или узнал от других, у которых наводил самые тщательные и подробные справки. Задача была трудоемкой, поскольку очевидцы одних и тех же событий рассказывали о них по-разному, поскольку помнили или были заинтересованы в действиях той или иной стороны. Если тот, кто желает иметь перед глазами правдивую картину событий, которые произошли, и тех, которые, как можно ожидать, произойдут в будущем в порядке человеческих вещей, признает полезным то, что я написал, то я буду удовлетворен. Моя история - это вечное достояние, а не призовое сочинение, которое слышали и забыли". [].25

В отличие от Геродота, Фукидид не связывал события с волей богов, но считал, что за них отвечают поступки людей и то, как они используют или не используют свои возможности. Он никогда не морализирует, но в четком и аргументированном порядке, в котором он излагает события, история доводится от начала до неизбежной развязки.

Фукидид сохранил для всех времен память о том, какими были Афины в их величайшие дни, и идеалы одного из великих государственных деятелей. [26] Но утверждение о том, что его книга является "вечным достоянием", оправдано не из-за фактической истории, которую он записал, а из-за критического и научного подхода, с помощью которого он провел свое исследование, ставшее образцом для всех последующих историков.

Фукидид оставил рассказ о Пелопоннесской войне незаконченным, он даже не дописал последнее предложение. Историю завершил Ксенофонт. Он не был великим историком, как его предшественники, но он оставил нам ценную информацию о последующих событиях войны в "Эллинике", романтической повести о приключениях, которая рассказывает о том, как группа из десяти тысяч греков нашла дорогу домой из сердца Месопотамии, [27] и "Экономисте", восхитительной картине греческого быта. [].28

Есть еще один греческий писатель, который, хотя и не писал историю, оставил нам много ценных исторических сведений. Это Плутарх (46-120 гг. н.э.), который жил уже после того, как

прошли великие времена Греции. Он был греком из Беотии, образованным человеком, у него было много друзей, с которыми он был склонен обсуждать самые разные темы: философию, историю, литературу или политику, а еще он был писателем. Великий труд, благодаря которому его имя запомнилось, - *"Параллельные жизни греков и римлян"*. Это биографии грека и римлянина, расположенные попарно, и каждая пара сопровождается сравнением между ними. Плутарх никогда не думал, что пишет историю, и в этих *"Жизнях"* нет широкого обзора целого периода, но в каждой жизни есть яркая картина личности и характера. Плутарх умел выбирать живописные детали и анекдоты, его привлекали простые, честные, благородные, патриотичные герои, поэтому его книга - кладезь историй о таких людях. Немногие биографии в мире читались так широко или достигли такого бессмертия, как *"Житие Плутарха"*, и, вероятно, ни одна из них не сделала больше для поощрения мужественности и духа хорошего спортивного мастерства.

V. ГРЕЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ДРАМАТУРГИЯ

Классика - это произведение искусства или литературы, которое никогда не умрет, книга, которую будут читать вечно, независимо от того, когда и кем она была написана. Мы уже говорили, что когда история народа записывается на языке, мы называем это литературой, но под литературой понимается не только историческое письмо, но и все, что имеет форму букв. История нации - это исследование того, как эта нация *мыслит*, а также того, что она *делает*, и ее философы, историки и драматурги являются такой же частью ее истории, как и ее государственные деятели и люди действия. Великие греческие драматурги жили жизнью своего времени, а это было время, когда происходили волнующие события. Драмы Эсхила, Софокла и Еврипида были написаны в период, начавшийся с отпора персам, включавший золотые дни Перикла и трагические перемены, произошедшие в Афинах во время затянувшейся Пелопоннесской войны.

Сейчас великие греческие драмы входят в мировую классику. [29] Этому есть разные причины, но одна из них, и не последняя, заключается в том, что они являются внешним выражением той любви к красоте и самообладанию, которая является одним из бесценных даров Греции миру. Для грека красота означала совершенство во всем, что он делал, ассоциацию красивых слов и форм с красивыми делами и сценами. Для него *красота* была тождественна *добру*, а уродство - *злу*. А красота означала самоконтроль, отсутствие излишеств и преувеличений. У греческих драматургов не было образцов для подражания, но они создавали произведения, которые почти идеально соответствовали греческому идеалу красоты.

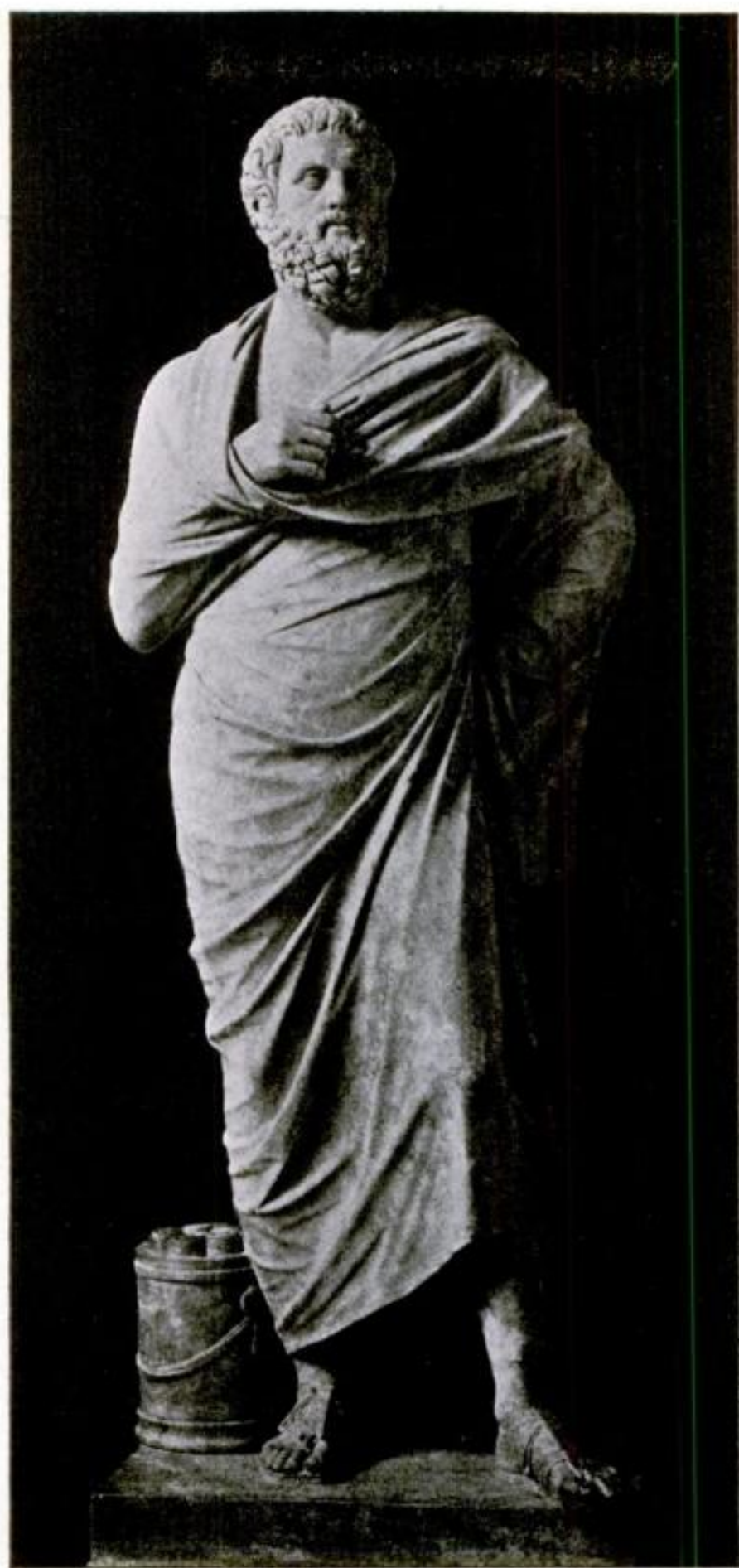
Старейшим из этих драматургов был Эсхил. Он принимал активное участие в персидских войнах, и считал это настолько более важным, чем любой литературный успех, которого он достиг, что его эпитафия, написанная, как говорят, им самим, ничего не говорит о его поэзии, а только утверждает, что он сражался с персами. Его имя и место рождения были вписаны, а затем было сказано, что "роща Марафона может свидетельствовать о его добром воинстве и о длинноволосой медянке, которая чувствовала это". Одной из немногих греческих пьес, сюжет которой не был взят из древнегреческой легенды, были *"Персы"* Эсхила, [30] интересные тем, что это первая историческая пьеса, написанная поэтом, который сам принимал участие в событиях, о которых в ней рассказывается.

Величайшим произведением Эсхила была трилогия (то есть три последовательные пьесы на одну тему): *"Агамемнон"*, величайшая из всех его пьес, *"Возлиятели"* и *"Фурии"*. В них

рассказывается столь часто повторяемая в греческой драме история об убийстве Агамемнона его женой по возвращении из Трои, об Оресте, отомстившем за смерть отца, о фуриях, преследовавших его в результате этого поступка, и о том, как в конце концов он обрел освобождение. Все пьесы пронизаны верой в то, что над некоторыми семьями висит проклятие, что грехи отцов перекалываются на их детей и что от этого наказания нет спасения. Эсхил был полон осознания могущества великих невидимых сил, движущих миром, но он верил, что если с одной стороны были фурии, требующие крови за кровь, то с другой - Аполлон и Афина, символы самообладания, способного преодолеть наследие гнева и страсти.

Софокл пережил великие годы Афин. Ему было всего шестнадцать лет, когда произошла битва при Саламине, и он, должно быть, был полон юношеского энтузиазма по поводу победы. О Софокле говорили, что он обладал "таким обаянием характера, что его любили все, куда бы он ни пошел". Похоже, жизнь его с самого начала была счастливой и благополучной. Он получил первый приз на фестивале со своей первой пьесой, а когда ему было всего двадцать восемь лет, он выиграл приз у Эсхила, которому тогда было почти шестьдесят.

Величайшие пьесы Софокла - те, что повествуют о древних легендах Фив: об Эдипе-царе, а затем об изгнаннике, и об *Антигоне*, которая в одной пьесе - "*Эдип в Колоне*" - *отправляется* в путь со своим изгнанным отцом, а в другой, великой пьесе, носящей ее имя, оказывается перед страшной проблемой - нарушить либо законы Бога, либо законы государства, и решить, что она сделает. Все, кто понимает истинное величие греческой драмы, считают Софокла величайшим из драматургов. Он олицетворяет в литературе тот дух, который представляла Афина Парфенос на Акрополе: дух благоговения, спокойствия, которое приходит после завершения конфликта и победы, и торжествующей веры во все хорошее, прекрасное и истинное.

SOPHOCLES.

СОФОКЛ.

Латеранский музей, Рим

Совсем не похож ни на Эсхила, ни на Софокла был Еврипид. По преданию, он родился на острове Саламин в самый день битвы. Повзрослев, он стал другом Сократа, но по большей части вел уединенную жизнь, его не очень любили, и он принимал так мало участия в общественной жизни, как только мог. По сути, он был студентом и одним из первых афинян собрал библиотеку. Еврипид жил в Афинах во время Пелопоннесской войны - периода беспокойных вопросов, отхода от старых традиций и верований, снижения старых идеалов. Война принесла новый дух, и Еврипид олицетворял его. Он критиковал обычаи и верования, которые, по его мнению, были недостойны лучшего духа Афин, подвергал сомнению веру в богов, а в одной великой пьесе, *"Троянские женщины"*, [31] показал страдания, принесенные войной. Он был первым поэтом, который лишил войну ее очарования и показал ее такой, какой она была для побежденных. В *"Электре"* и *"Ифигении в Тавриде"* [32] Еврипид рассматривает знакомую трагедию Ореста, преследуемого фуриями после убийства матери, а в *"Алkestиде"* рассказывает старую историю о том, как благородная женщина была готова пожертвовать своей жизнью ради корыстного мужа, и как она была возвращена Гераклом из ворот Аида.

Сила Еврипида - в прекрасном изображении характеров. Он судит своих героев по меркам мужчин и женщин своего времени, а не по меркам богов и героев, и он беспощадный критик. Это делает его драмы необычайно яркими и человечными, но это также объясняет некоторую критику и неприязнь, с которой он встречался в свое время.

Аристофан писал комедии. [33] Его пьесы основаны на повседневной жизни его времени, и, чтобы понять их, нужно знать, каковы были политические вопросы его дня, кто был лидерами, кто был писателями, о чем сплетничали на Агоре и в цирюльне, что нравилось и не нравилось людям, среди которых он жил. Но для тех, кто знает об этих вещах достаточно, чтобы следить за его аллюзиями, пьесы Аристофана полны интереса, и из них мы узнаем много нового о жизни в Афинах.

Аристофан был моложе Еврипида, но, в отличие от старшего, он был очень консервативен, и ему не нравились новые методы, которыми софисты обучали юношей, поскольку он считал, что новые методы сделают их непочтительными, хорошими в праздных разговорах, но ни в чем другом, поверхностными и женоподобными. Он постоянно сравнивал юношей своего времени с юношами того поколения, которое сражалось при Марафоне, и, сравнивая их, находил их неполноценными, так как для него герои марафонской эпохи представляли все лучшее, что было в афинском мужестве.

VI. ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Греки любили красоту, особенно афиняне V века до н. э., но они не проводили все свое время в сознательном поиске ее. Их очень занимало и интересовало множество других вещей: управление городом, отношения с другими государствами, часто военные действия, торговля и путешествия, строительство кораблей и отправка колоний. Мы уже видели, что греки подразумевали под красотой, [34] и ее понимание касалось всех этих вещей.

В наше время была допущена большая ошибка: на искусство слишком часто смотрят как на роскошь, как на то, что может быть у богатых, но не у бедных, как на то, что не имеет большого отношения к практической повседневной жизни. Но так думать - значит совершенно не понимать, что такое искусство, ведь искусство - это то, что *делается*, а не то, на что просто *смотрят*. Все люди имеют внутри себя представление о том, каким бы они сделали мир, если бы он был оставлен на их усмотрение, и в самом широком смысле искусство - это внешнее и конкретное выражение этого представления. Ограничить искусство архитектурой, скульптурой и живописью - значит лишить его половины смысла. Формы искусства столь же многочисленны и разнообразны, как и интересы повседневной жизни, и это убеждение - один из великих даров Греции миру. Не каждому греку дано быть великим художником. Не каждый мог стать Эсхилом и написать "*Агамемнона*", Софоклом и написать "*Антигону*", Фидием и создать *Парфенон*, Праксителем и смоделировать *Гермеса*, но каждый мог работать в духе, высшим примером которого являются эти великие произведения.

История нации - это исследование того, как эта нация выражает себя в камне и мраморе, а также того, что она думает и делает; и ее архитекторы, художники и скульпторы стоят рядом с ее историками, философами, драматургами и государственными деятелями как люди, которые делали ее историю.

В более узком, современном смысле искусство - это внешний признак духа нации, выраженный в живописи, камне и мраморе. За исключением вазовых картин, греческая живопись почти полностью исчезла, но достижения греков в архитектуре и скульптуре являются одними из величайших, которые когда-либо видел мир. О греческой архитектуре уже было сказано [35]; тот же дух проявился и в греческой скульптуре. Чтобы узнать греков и реальную ценность того, что они дали миру, недостаточно читать о них; нужно научиться узнавать их из первых рук. Для этого нужно читать то, что они писали (если не на греческом, то в переводах), смотреть на то, что они строили, и на их скульптуры (если не на оригиналы, то с помощью слепков и фотографий), и когда вы это сделаете, вы начнете немного понимать, каков был дух, который создавал эти вещи. Греки считали, что человеческая форма является наиболее подходящим объектом для изображения в скульптуре, но они не были великими портретистами; это было оставлено для более поздней расы. Их целью было дать внешнее выражение тем качествам ума и духа, которые они, как народ, ценили так высоко: Красота, Самообладание, Гармония, Сдержанность. Величайшая греческая скульптура была как бы ответом, воплощенным в мраморе, на молитву Сократа к Пану: "Возлюбленный Пан и все остальные боги, которые обитают здесь, дайте мне красоту во внутренней душе; и пусть внешний и внутренний человек будут едины". [].36

Греки жили в то время, когда многое делалось впервые, и во все свое искусство они привнесли дух юности и радости творчества, а также дух терпения в достижении результатов, ведь они никогда не торопились и знали, что нет коротких путей к совершенству, которое было для них столь важной частью красоты. Их статуи очень идеалистичны, но их идеализм был практичным, и хотя, как мы знаем, они не всегда воплощали свои идеалы, они знали, что их воплощение возможно. Хотя скульптуры греков изображали человека не таким, каким он был всегда, а таким, каким, по их мнению, он мог бы быть, если бы следовал своим лучшим инстинктам, иногда получалось нечто, что для них было не только идеалом, но и чем-то настолько реальным и похожим на жизнь, что они могли сказать о скульптурной фигуре Спящей Ариадны

Незнакомцы, не трогайте мраморную Ариадну, чтобы она не начала искать Тесея. [][37](#)

[1] *Книга Древнего мира.*

[2] Фукидид, VII.

[3] Платон: *Симпозиум*, перевод Джоуэтта.

[4] Диоген Лаэртций.

[5] Ксенофонт: *Memorabilia*.

[6] Платон: *Симпозиум*, перевод Джоуэтта.

[7] Диоген Лаэртций.

[8] Платон: *Апология*, перевод Ф. Дж. Черча.

[9] Платон: *Апология*, перевод Ф. Дж. Черча.

[10] Платон: *Апология*, перевод Ф. Дж. Черча.

[11] Ксенофонт: *Memorabilia*.

[12] Платон: *Апология*, перевод Ф. Дж. Черча.

[13] См. с. 9.

[14] Платон: *Фаэдо*, перевод Ф. Дж. Черча.

[15] Платон: *Phaedo*, перевод F. J. Church.

[16] Plato: *Phaedo*, translated by F. J. Church.

[17] См. с. 111.

[18] Diogenes Laertius.

[19] См. с. 361 и далее.

[20] II Коринфянам IV, 18.

[21] Платон: *Phaedrus*, перевод Jowett.

[22] См. с. 72.

[23] См. главы viii и ix.

[24] См. с. 302.

[25] Фукидид, I.

[26] См. "Погребальная речь", с. 187.

[27] См. главу XVI, v. *Марш десяти тысяч.*

[28] См. главу XII, ii. *Афинская дама*.

[29] О построении греческой драмы см. главу XIV.

[30] См. с. 163.

[31] См. с. 300.

[32] См. главу XIV.

[33] См. с. 300.

[34] См. с. 390.

[35] См. главу XV.

[36] См. в этой связи ссылку на Праксителя на с. 222.

[37] Автор неизвестен: Из *"Избранных эпиграмм из греческой антологии"*, перевод Дж. В. Маккейла.

ГЛАВА XX

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЭПОХА

I. МАСШТАБЫ ГРЕЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Александр был великим завоевателем и завоевал для себя могущественную империю. Но эта империя просуществовала недолго, поскольку его преемники не смогли ее удержать. Создается впечатление, что он вместил в свое короткое тринадцатилетнее правление подвиги и чудесные деяния, которые, как бы они ни обогащали традицию и ни будоражили воображение, вряд ли имели какую-то большую постоянную ценность. Александр, однако, сделал больше, чем просто создал империю; он сделал больше, чем любой другой человек, чтобы распространить знания о греческой цивилизации по всему миру. Везде, где он проходил со своей завоевательной армией, он основывал города, где создавал колонии греков: людей, которые говорили на греческом языке, поклонялись греческим богам, читали и любили греческую литературу и жили в соответствии с греческими идеалами. Такие города были основаны в Египте, в Малой Азии, в Сирии, в Вавилонии, в Персии и даже в далеких, до тех пор неизвестных землях, дальше на загадочном Востоке.

Но Александр сделал еще больше для распространения греческой цивилизации, чем основание городов. В его руках оказались все великие порты Восточного Средиземноморья,

а это значит, что там обосновались греческие купцы, и вся торговля этого региона оказалась в руках греков.

Историю греческой цивилизации можно разделить на два периода. Первый длился до времен Александра; он включает в себя первые эксперименты греческих государств в искусстве управления собой, отпор варварам, великие дни Афин, разрушительную Пелопоннесскую войну. На протяжении всего этого периода Греция училась тому, как делать вещи. Она находилась в процессе становления и создавала то, что должно было жить, пока люди будут любить великое, но она жила для себя. Этот период называется *эллинским*.

Начиная с Александра, греческая цивилизация вступила в новую эпоху. Греция больше не жила для себя, она жила для всего мира. Греческая цивилизация распространилась по всей Азии, варвары перенимали греческие обычаи, Греция была учителем всего мира в науке, искусстве и во всем, что подразумевалось под цивилизованной жизнью. Этот период длился со времен Александра до вхождения Греции в состав Римской империи в 146 году до н. э. и известен как *эпоха эллинизма*. Центр греческой цивилизации теперь находился не в Афинах, а в Александрии, городе в Египте, основанном Александром, который благодаря своему расположению был естественным связующим звеном между Востоком и Западом.

II. АЛЕКСАНДРИЯ

Александрия была основана лишь через несколько лет после того, как она стала соперницей Карфагена, этого мощного торгового города, основанного финикийцами, как хозяйка Средиземноморья, а в Восточном Средиземноморье, известном как Левант, она занимала неоспоримое господство. С тех пор и до наших дней Александрия была дверью, через которую проходила торговля Востока и Запада.

В эпоху эллинизма Александрия превратилась в очень красивый город. Были построены храмы и всевозможные общественные здания, большие дворцы и сады, доки и склады. У входа в гавань стоял огромный маяк, названный Фаросом по острову, на котором он стоял, и считавшийся таким великим чудом, что его причислили к семи чудесам древнего мира.

Этот период во многом напоминал современный. Греческая цивилизация вышла в новый мир. Завоевательные армии Александра, отправившиеся на край земли, сделали возможным сообщение между местами, которые до этого едва ли знали о существовании друг друга. Наука достигла таких поразительных успехов, что власть человека над природой чрезвычайно возросла, а рост научных знаний отразился на старых религиозных представлениях о богах. Казалось, ничто не может быть таким, каким было до сих пор, и тогда, как и во все подобные времена, изменения затронули умы людей. Одни стали более консервативными, чем раньше, и не хотели ничего менять, потому что для них старое было обязательно лучшим, а в новом было только зло. Другие впадали в другую крайность и хотели изменить все, потому что для них новое обязательно должно быть лучше старого. Но между этими двумя крайностями находились мыслители, те, кто поддерживал греческий дух, который знал, что видение всей истины еще не дано ни одному человеку, и что путь к прогрессу лежит не через разрушение старого, а через его развитие, чтобы на прочном фундаменте перейти к более полному познанию истины. Ни Фалесу, ни Сократу, ни

Аристотелю, ни людям двадцатого века не было даровано полное видение истины всех вещей, но тем, кто следует за поисками в духе древних греков, дано добавить немного к прогрессу человеческого знания.

Именно в Александрийском музее работали мыслители. Этот музей был основан Птолемеем Сотером, одним из правителей Египта после распада империи Александра, и получил большое развитие при его сыне, Птолемеи Филадельфе. Этот музей, Храм муз, был тем, что сегодня назвали бы университетом. В нем были аудитории, где преподавали математики, астрономы, поэты и философы; дворы и веранды, где люди гуляли и разговаривали; дома, где жили ученые мужи. И, прежде всего, у него была библиотека, в которой хранилось несколько тысяч книг. Эту библиотеку каталогизировал Каллимах, первый библиотекарь, о котором сохранились сведения, и в его каталоге было сто двадцать книг. Однако "книга" - неверное слово для обозначения коллекции Александрийской библиотеки, поскольку тогда не было *книг* в том виде, в каком мы их знаем. Вместо книг были рулоны, и Каллимах вскоре обнаружил, что большие рулоны очень неудобны. Говорят, что он жаловался, что "большая книга - это большая неприятность", и именно когда он был библиотекарем, ему пришла в голову идея разделить большие рулоны на несколько маленьких. С ними было проще обращаться, но для одной работы требовалось очень много маленьких рулонов, а для "Илиады" и "Одиссеи" их понадобилось тридцать шесть.

По мере того как слава о Библиотеке распространялась, в Александрию приезжали студенты со всего греческого мира, и возник огромный спрос на дополнительные копии произведений, хранящихся в Библиотеке. На протяжении более трех столетий Александрия была великим книгоиздателем в мире. Музей обладал хорошей коллекцией наиболее известных копий произведений классических писателей, и Птолемей Филадельф очень сильно пополнил эту коллекцию. Он скупал все экземпляры всех существующих греческих произведений, которые только мог найти, и поскольку платил за них очень высокие цены, в Александрию постоянно поступали книги со всего цивилизованного мира. Говорят, что во время голода он отказался посылать афинянам продовольствие, если они не согласятся отдать ему некоторые экземпляры произведений Эсхила, Софокла и Еврипида, которыми они еще владели. Он щедро заплатил за них, причем не только обещанной партией кукурузы, но и серебром.

Поскольку требовалось все больше и больше копий классических писателей, в Александрии возникла регулярная издательская торговля. Каллимах был не только библиотекарем библиотеки, но и издателем произведений классических писателей. Было нанято большое количество переписчиков, в обязанности которых входило делать тщательные и точные копии необходимых произведений. Это объясняет тот факт, что в некоторых произведениях античной литературы иногда трудно определить, какова на самом деле оригинальная форма определенных строк или отрывков, потому что, несмотря на всю свою тщательность, переписчики допускали ошибки, и, к сожалению, многие оригинальные копии классиков были потеряны во время большого пожара, уничтожившего Библиотеку в прошлом веке до н.э. Александрийская школа переписчиков была очень известной, а александрийские издания классиков считались самыми лучшими из имеющихся.

Копировались не только греческие произведения, но и другая литература, которая переводилась на греческий язык и затем копировалась. Именно в Александрии была переписана самая древняя из имеющихся у нас рукописей Ветхого Завета. Это был перевод всего Ветхого Завета с древнееврейского на греческий, сделанный, согласно традиции,

группой из семидесяти еврейских ученых, откуда и пошло его название - Септуагинта. Этих ученых побудил взяться за работу король, который, как говорят, обеспечил их средствами, пока они занимались переводом, и выделил им специальный квартал в городе для проживания.

III. НАУКА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Греческая наука зародилась в Ионии, и в эллинский период греческой цивилизации она шла рука об руку с философией. Самые ранние дни чистой науки пришлось на эпоху эллинизма, и ее родиной стала Александрия. Среди множества имен людей этого времени, внесших ценный вклад в науку, есть два, которые следует запомнить: имена Евклида и Архимеда.

Евклид жил в Александрии. Он был математиком и написал великий труд по геометрии. Ни один научный труд в мире не прожил такую жизнь, как эта книга Евклида, ведь с тех пор, как были написаны "Элементы Евклида", она без перерыва использовалась в качестве школьного учебника вплоть до недавнего времени.

Архимед был, вероятно, величайшим из греческих научных мыслителей третьего века до н. э. Он не жил в Александрии; он был уроженцем Сиракуз на Сицилии, но он был в тесном контакте со всеми научными работами, которые велись там. Он был великим исследователем, изобретателем многих практичных и гениальных устройств и открыл принцип перемещения тяжелых тел с помощью шкивов и рычагов. Для сиракузского царя был построен необычайно большой корабль, удивительный для той эпохи. В нем были гимнасий, сады удивительной красоты, полные богатых растений, храм Афродиты, гостиная со стенами и дверями из самшита, в которой стоял книжный шкаф, купальня с тремя медными сосудами для горячей воды, пруд с рыбами. Все убранство было самого изысканного мастерства, а полы во всех комнатах были выложены мозаикой, на которой самым чудесным образом была изображена вся история "Илиады". Там были двери из слоновой кости, прекрасные кушетки, а также множество картин и статуй, кубков и ваз всех форм, какие только можно себе представить. Но корабль был так велик, что никто не мог сдвинуть его с места. Однако Архимед, как нам рассказывают, спустил его на воду сам, с помощью всего нескольких человек. Приготовив спираль (вероятно, какое-то механическое приспособление со шкивами), он спустил это огромное судно на воду. И говорили, что Архимед был первым человеком, который изобрел эту спираль. [].¹

Архимед считал возможным приводить в движение более крупные тела, чем корабль, и, как говорят, хвастался: "Дайте мне место, на которое можно встать, и я сдвину землю".

Этот великий изобретатель делал и другие вещи, поражавшие воображение людей, среди которых он жил, ведь некоторые из них они никогда раньше не видели. Во время осады Сиракуз римлянами в 212 году до н. э. Архимед изобрел чудесные военные машины: странные крючья для захвата, которые, как говорили, могли захватывать вражеский корабль и переворачивать его в море; он показал сиракузьянам, как установить водяной насос на их кораблях, чтобы в случае попадания воды в трюм ее можно было откачать и спасти корабль от затопления. Говорят, что он также сделал некое устройство из зеркал и горящего стекла, с помощью которого поджигали римские корабли. Но, несмотря на все эти изобретения,

римляне взяли город, а Архимед был убит. Его нашел римский солдат, который сидел в своем доме и не обращал внимания ни на какие опасности, а только чертил на земле математические диаграммы. Подняв голову и увидев врага, он только и сказал: "Отойди, парень, от моей диаграммы". Солдат, не зная, кто он такой, убил его.

IV. КОНЕЦ ГРЕЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ВЛАСТЬ С ЗАПАДА

Говорят, что на смертном одре Александр завещал свою империю "сильнейшему", но не нашлось ни достаточно способного, ни достаточно сильного полководца, чтобы стать его преемником, и около пятидесяти лет после его смерти империю раздирали распри и кровопролитие. Наконец мир и порядок были восстановлены, но единая великая империя Александра исчезла, а цивилизованный мир распался на ряд независимых государств, важнейшими из которых были Сирийское, Египетское и Македонское царства. Во время долгих войн, предшествовавших этому урегулированию, на греческой земле произошло множество сражений. Греки не были достаточно сильны, чтобы предотвратить это, и не смогли сохранить свою независимость, когда Македония стала королевством. Она была слишком могущественным и сильным соседом, и Греция попала под ее власть. В греческих городах установились тираны, что стало глубоким унижением для свободолюбивых греков.

Но вновь вспылал старый греческий дух, и тираны были изгнаны. Время от времени в истории Греции государства объединялись в различные лиги и союзы, но неспособность греков объединяться надолго, даже когда этого требовала сама их жизнь, не позволяла таким лигам просуществовать сколько-нибудь длительное время. Но в 281 году до нашей эры, когда независимость Греции вновь оказалась под угрозой, одна из старых лиг была возрождена - Ахейская лига. Она просуществовала почти столетие и представляет наибольший интерес для современности, ведь до объединения американских штатов, примерно две тысячи лет спустя, в истории мира больше не было ничего подобного.

Ахейская лига была не союзом, а настоящей федерацией государств с единым центральным правительством. Каждое отдельное государство сохраняло суверенные права на все свои внутренние дела, но вопросы войны и мира, содержание армии и все отношения с иностранными государствами контролировались федеральным правительством. Это был единственный в древности эксперимент реального федерального правительства.

Глава Лиги назывался генералом, и именно при генерале Аратусе она стала очень могущественной. В Лигу вошли почти все важнейшие греческие государства, за исключением Афин и Спарты. Ни уговорами, ни силой, пока ее не признали главой Лиги, Спарта не согласилась стать ее членом, и она была настолько сильна в Пелопоннесе, что Аратус попросил помощи у Македонии, чтобы покорить ее. Спарта была побеждена, но Македония восстановила свое господство в Греции, и власть Ахейской лиги была сломлена.

Прежней Греции больше не существовало. Греческая цивилизация распространилась по всему средиземноморскому миру, но свободный и независимый город-государство исчез, и на его месте не было ничего прочного. Сам Александр, а тем более его преемники не смогли создать империю, которая давала бы тем, кто в нее входил, хоть какое-то чувство

гражданства в ней. Эллинистический мир был греческой цивилизацией, но он не смог пробудить в людях греческого происхождения тот патриотизм, который внушал город-государство.

Создание мирового государства, гражданами которого люди должны были с гордостью называть себя и за которое они с радостью умирали, должно было стать делом рук другой великой державы, которая даже в то время, когда старая Греция уходила из жизни, набирала силу на Западе. Рим неуклонно завоевывал цивилизованный мир. Уже сейчас она властвовала над Италией и распространяла свою власть на Восточное Средиземноморье. Она завоевала Македонию, и одно за другим старые свободные государства Греции и Ахейской лиги теряли свою независимость, пока в 146 году до н. э. Коринф, богатый, торговый, гейский Коринф, не был захвачен Римом, и Греция стала римской провинцией. Граждане этого великого государства, включавшего в себя не только Грецию и Левант, но и все Средиземноморье и земли далеко за его пределами, должны были гордиться именем римлян. И все же Рим, которому суждено было стать владычицей мира, а в политическом плане - империей, преуспевшей там, где Греция потерпела неудачу, был обязан Греции всем, что было наиболее ценным в высшей интеллектуальной жизни. Греческий дух никогда не должен был умереть.

[1] Из Афиня.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВЫБОРУ КНИГ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

Эта книга предназначена для тех, кто впервые читает о Греции. Следующий список предназначен для тех читателей *старшего поколения*, которые хотели бы узнать больше об этой великой цивилизации. Он содержит только предложения о том, с чего *начать*, и поэтому ни в коей мере не является полной библиографией.

I. Книги о Греции

ГРОТЕ. *История Греции*. Эта книга была написана некоторое время назад, но до сих пор является самой известной историей Греции.

С. Н. и Н. В. HAWES. *Крит - предшественник Греции*.

БЕЙКИ. *Морские цари Крита*.

Р. В. ЛИВИНГСТОН. Греческий гений и его значение для нас.

R. W. LIVINGSTONE. (Под ред.) *The Pageant of Greece*.

R. W. LIVINGSTONE. (Под ред.) *Наследие Греции*.

ГИЛБЕРТ МЮРРЕЙ. *Возникновение греческого эпоса*.

A. E. ZIMMERN. *Греческое содружество*.

E. N. GARDINER. *Греческий атлетический спорт и фестивали*.

ETHEL B. ABRAHAMMS. *Греческая одежда*.

EMILY JAMES PUTNAM. *The Lady*.

E. POTTIER. *Дурис и художники греческих ваз*.

Г. М. А. РИХТЕР. *Ремесло афинской керамики*.

G. M. A. RICHTER. *Справочник по классической коллекции музея Метрополитен, Нью-Йорк. Прекрасное введение в изучение греческого искусства*.

КЕННЕТ ДЖ. ФРИМЕН. *The Schools of Hellas*.

A. E. HAIGH. *Аттический театр*.

E. A. GARDNER. *Справочник по греческой скульптуре*.

D. G. HOGARTH. *Филипп и Александр*.

PUTNAM. *Авторы и их публика в древние времена*.

МАХАФФИ. *Социальная жизнь в Греции*.

МАХАФФИ. *Империя Александра*.

II. Греческие писатели

Ни одно чтение о Греции не заменит чтения того, что писали сами греки. Ссылки на греческих писателей можно найти на протяжении всей этой книги и в списке благодарностей в начале. Следующий список наиболее важных писателей и их произведений, упоминаемых в этой книге, был составлен для удобства пользования.

ГОМЕР. *Илиада* в переводе Ланга, Лифа и Майерса.

ГОМЕР. *Одиссея* в переводе Бутчера и Лэнга.

ГОМЕР. *Гомеровские гимны*, перевод Эндрю Лэнга.

ЭСХИЛ. Перевод А. С. Взя, а также Э. М. Куксона.

ЭСХИЛ. *Агамемнон*" в переводе Гилберта Мюррея.

СОФОКЛ. Перевод Р. К. Джебба.

СОФОКЛЫ. *Эдип, царь Фив*, перевод Гилберта Мюррея.

ЕВРИПИДЫ. Перевод Гилберта Мюррея.

АРИСТОФАН. Перевод Б. Б. Роджерса.

Лягушки", перевод Гилберта Мюррея.

ПЛАТО. Перевод Бенджамина Джоуэтта.

ПЛАТО. *Республика*, перевод Дэвиса и Вогана.

ПЛАТО. *Суд и смерть Сократа*, перевод Ф. Дж. Черча.

АРИСТОТЕЛЬ. *Политика*", перевод Бенджамина Джоуэтта, а также Дж.

ГЕРОДОТ. Перевод Г. К. Маколя.

ТУКИДИДЫ. Перевод Бенджамина Джоуэтта.

КСЕНОФОН. Перевод Г. Г. Дейкинса.

ПЛУТАРХ. Перевод Драйдена, пересмотренный А. Х. Клафом.

ДЕМОСФЕН. *Публичные орации*, перевод А. В. Пикард-Кембридж.

В превосходной брошюре *"The Claim of Antiquity"*, опубликованной издательством Оксфордского университета, приводится гораздо более полный список книг и переводов для тех, кто хотел бы получить дополнительные рекомендации.

III. *Греческая скульптура и архитектура*

Не каждый может поехать в Грецию или даже на Сицилию, но в большинстве музеев есть хорошие коллекции слепков и моделей. Греческая скульптура не собрана в одном месте, а разбросана по музеям мира. Те, кто может поехать в Лондон, Париж, Рим и Неаполь, если не в другие места, могут познакомиться с некоторыми из величайших вещей, созданных греками, из первых рук. Ведь скульптуры из Парфенона находятся в *Британском музее*, самые красивые вещи - в *Музее Терм в Риме* (чтобы увидеть вторую половину Трона Афродиты, нужно отправиться в *Музей изящных искусств в Бостоне, штат Массачусетс*), а Софокл - в *Латеранском музее*. Из Неаполя можно отправиться в *Паэстум*, некогда греческую колонию Посейдония, известную в древности своими розами, и увидеть храм Посейдона. Он никогда не реставрировался и является одним из наиболее хорошо сохранившихся греческих храмов, которые можно увидеть где-либо за пределами Аттики. Он

стоит, как и стоял более двух тысяч лет, глядя на море, одинокий, заброшенный, но в своем одиночестве самый красивый.

Все это - лишь предположения о том, с чего можно начать. Те, кто начнет, не найдут трудностей в продолжении.